

Николай Иванович Костомаров

Гетманство Выговского

Николай Иванович Костомаров

Гетманство Выговского

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22129522

Аннотация

«27 июля 1657 г. гетман Богдан Хмельницкий сошел в могилу. Переворот, произведенный им, остался неоконченным; вопросы, возникшие в его эпоху, не были разрешены. Отторгнувшись от Польши, Украина не соединилась еще с Московиею в одно тело и, оставаясь с своею отдельностью, должна была служить предметом распрей между соседями, которые хотели ей завладеть...»

Содержание

Николай Костомаров

Гетманство Выговского

1

I

27 июля 1657 г. гетман Богдан Хмельницкий сошел в могилу. Переворот, произведенный им, остался неоконченным; вопросы, возникшие в его эпоху, не были разрешены. Отторгнувшись от Польши, Украина не соединилась еще с Московиею в одно тело и, оставаясь с своею отдельностью, должна была служить предметом распрей между соседями, которые хотели ей завладеть. Украинский народ не имел немало политического воспитания, чтоб выиграть свой процесс в истории и на самобытных началах организовать стройное гражданское целое. Уже в самом существовании козачества заключались, при тогдашних обстоятельствах, при-

¹ Источниками служили: акты архивов Министерств Иностранних дел и Юстиции, напечатанные автором в актах Южной и Западной России, изд. Археографическою Коммиссиею, рукописные современные польские письма и акты, хранящиеся в рукописях Императорской Публичной Библиотеки; сочинения: Каховского *Annalium climacteres. Historia panowania Jana Kazimerza*, Рудакего *Historia ab excessu Vladislai IV*; Собрания государственных грамот и договоров, Полное собрание законов т. 1. Малороссийские летописи: Самовидца, Грабенки, Величка и другие безыменные.

чины внутренних беспорядков, которые должны были разрушить не утвержденное на разумных основаниях и недостроенное политическое здание. Дело освобождения Украины совершено было целым народом; во время борьбы с Польшею все украинцы были равными козаками; но как скоро борьба улеглась – народ распадался на казаков и посполитых; первые должны были с оружием в руках стоять на страже возникающего нового порядка вещей; другие – обратиться к мирным занятиям гражданина и селянина. Это было необходимо. Во-первых ожидали права и преимущества, – они готовились составить привилегированный класс; положение последних не было ни определено, ни охраняемо никаким правом; на их долю не только выпадало нести все повинности, от которых освобождались козаки, но им было суждено, по-видимому, подпасть под произвол казацкого сословия; целые села, населенные посполитыми, отданы казацким чиновникам в виде ранговых имений; со временем эти имения походили бы на польские староства. Пасполитые долго не могли забыть, что казаки были то же, что и они, и, в свою очередь, сами теперь хотели быть козаками, и долго не было определенных границ между двумя сословиями: при первом удобном случае посполитые брались за оружие и называли себя казаками, а признанные прежде законно козаками попадали в сословие посполитых. И потому, во второй половине XVII века, несмотря на казацкие реестры, в Украине на самом деле казаком был всякий, кто хотел и мог; и та-

ким порывам распространить казачество на всю массу народонаселения Украины противодействовало другое направление – ограничить козацкое сословие тесным и определенным числом записанных в реестры. Так было задолго до Богдана Хмельницкого, когда польское правительство постоянно хотело, чтоб казаки составляли военное сословие в определенном числе, а народ домогался весь обратиться в козаков, то – есть быть вольным, ибо с представлением о казаке соединялось понятие о свободе. Возвания Хмельницкого нашли отголоски в народных побуждениях: все хотели быть казаками, все шли на брань против поляков, которые до того времени не допускали распространяться козачеству. Но только сорок тысяч из всей массы ополченного народа приобретали козачество; все остальное народонаселение, державшее в руках оружие, должно было лишиться прежде приобретенного звания. Противодействие посполства, исключаемого из козацкого сословия, волновало Украину во все время гетманства Хмельницкого; оно еще резче выразилось после его смерти.

Сверх того, в самом козацком сословии возникло раздвоение: образовались казаки значные; к ним принадлежали чиновники, как настоящие, так и бывшие (бунчуковые товарищи), шляхтичи, приставшие к козакам, и вообще богатые казаки; противоположны им были казаки простые, которых значные называли казацкою чернью и которые, при случае, готовы были противодействовать возвышению значных. Сами, наконец, значные нешляхетского звания Хоте-

ли уравнить себя с теми из своих собратий, которые носили это звание. Влияние значных развивалось с усилением гетманской власти. В последние годы Хмельницкого власть гетманская хотя зависела от рады, но он, пользуясь всеобщим к себе уважением, часто действовал без рады и самовольно назначал чиновников; а чем меньше власть гетмана связывалась народным собранием или радою, тем деспотичнее была власть полковников и сотников, тем больше усиливалось влияние их на общественные дела. Радою начали управлять чиновники; нередко и целая рада составлялась из одних чиновников да значных. Такой порядок породил множество недовольных: они бежали в Запорожье; туда укрывались и те посполитые, которые не хотели спокойно сносить свое унижение и видеть возвышение козаков; от этого в Запорожье возникло тогда соперничество городов и козачеством, как называли они Гетманщину. Запорожцы не хотели подлежать власти гетмана. Но мысль об отделении Запорожья, с огромными степями по обеим сторонам Днепра, не могла еще развиться в то время, при непрерывной связи с Украиною; связь эта поддерживалась толпами пришельцев, недовольных порядком в Гетманщине. Запорожцы, почитая себя цветом козачества, хвалились, что не городские козаки, а они первые избрали Богдана Хмельницкого; что война, освободившая Русскую Землю от Польши, вышла из Запорожья. Запорожцы говорили, что, поэтому, и теперь не городское, а низовое козачество должно преимущественно рас-

поряжаться делами Украины; что ни выбор гетманства, ни какое другое политическое дело не может быть предпринято без согласия Сечи. Запорожские старшины были избираемы и свергаемы толпою, по произволу черни. Такой порядок они хотели, по-видимому, распространить во всей Украине; простым козакам это нравилось, поспольству, хотевшему равенства, еще более, – и поэтому Запорожье привлекало к себе простых козаков и поспольство, и всякое предприятие, начатое запорожцами, могло иметь удачу в массе украинского народа. Впрочем, как из общественного строя Запорожья не могло возникнуть нового порядка вещей, так и из недовольства посполитых и козацкой черни против значных. Низвержение власти значных могло кончаться только заменением одних лиц другими, которые, в свою очередь, начинали играть роль значных. Каждый чиновник, выбранный из простых козаков, делался значным и возбуждал против себя чернь, из которой вышел; его сменяли, выбирался другой – и тот точно так же, как первый, становился значным и так же чернь была им недовольна. Да и самых значных не соединяло единство намерений и цел ей, – каждый преследовал прежде всего свои личные выгоды, один под другим рыл яму и сам в нее падал: каждый хотел другого столкнуть, потоптать, и сам подвергался, в свою очередь, таким же неприятностям от своих товарищей.

В отношении к соседним странам, по смерти Богдана Хмельницкого, в Украине были две политические партии.

К первой принадлежала большая часть старшин, значных, – вообще немногие лица с образованностью, полученною в Польше вместе с польскими политическими понятиями, и, наконец, шляхтичи русской веры, приставшие к казакам – кто для веры, а кто для сохранения своих имений во время козацкого восстания. Они подняли оружие против Польши не потому, чтоб польский политический состав им не нравился, а потому, что они не могли под польским владычеством пользоваться выгодами, какие могли бы извлечь из польской организации. По образцу польскому, они хотели бы и Украины, похожей на Польшу: с сеймами, посольскими избами, речами и вольным шляхетством, и в этом классе каждому хотелось поместиться. Не соответствовала такому направлению самодержавная организация Московской державы. В 1654 г. многие из людей этой партии пристали к московской протекции, в надежде пользоваться «так называемыми правами и вольностями под правлением» русских государей. Но в 1657 г. они начали считать себя обманутыми с этой стороны: их огорчало то, что украинским комиссарам не позволили участвовать в переговорах московских послов с польскими при заключении виленского договора, – что мир России с Польшею заключен был без участия и совета украинской рады и гетмана; упреки, которые делали Хмельницкому бояре по приказанию царя, возбуждали в них досаду; наконец, они оскорблялись обращением великорусских воевод и служилых людей с украинцами и на-

смешками великороссиян над тем, — что в обычаях и домашней жизни Южной Руси было несходно с Северной. Вероятно, от насмешек над одеждою казаков разнесся в то время слух, будто царь хочет, чтобы казаки не носили красных саюгов, а непременно все обулись в черные, а пасполитые одевались бы, как великорусские мужики, и ходили в лаптях. Но пуще всего усилило и развивало эту недовольную партию опасение, чтоб царь, по достижении польской короны, не присоединил Украины к Польше и не уничтожил бы козачества: в виленском договоре царь обещал возвратить Польше все земли, от нее отторгнутые. Недовольные хотели предупредить это ожидаемое присоединение Украины к Польше, как провинции к государству, добровольным соединением с Польшею на правах федеративных, с условиями, которые поставили бы Польшу в необходимость сохранять права Русского народа и в невозможность их нарушить. В XVII веке не понимали, что в мире нет условий для будущих поколений. Партия эта действовала по следам Богдана Хмельницкого; во время своей борьбы с Польшею, до присоединения к Московскому государству, он следовал этой идее федеративного союза и, в противность народному желанию совершенного разрыва с Польшею, долго думал уладить дело без расторжения. При жизни Хмельницкого более всех поддерживал в нем эту мысль генеральный писарь Выговский, — и теперь он стал во главе федеративной партии. Его ревностными соумышленниками были его двоюродные

братья, Выговские: «Данило, женатый на дочери Хмельницкого, Елене, Константин и Федор, дядя его овручский полковник Василий и племянник Илья; воспитатели молодого Юрия: генеральный судья Богданович-Зарудный, есаул Ковалевский и миргородский полковник, исправлявший должность второго генерального судьи – Григорий Лесницкий, соперник Выговского; Иван Груша, после избрания Выговского в гетманы, назначенный генеральным писарем; обозный Тимофей Носач, человек без образования, каким отличались его товарищи, но с природным умом; переяславский полковник Павел Тетеря, человек без дарований, но с образованием; прилуцкий полковник Петро Дорошенко, лубенский – Швец, черниговский – Иоанникий Силич, знаменитый Богун, тогда уже полковник не винницкий, а паволочский; подольский полковник Евстафий Гоголь, поднестрианский – Михайло Зеленский, уманский – Михайло Ханенко, бывший киевский полковник Жданович, смененный по воле царя за поход против Польши, – люди, также получившие образование. К этой партии принадлежали некоторые знатные украинские козацкие и шляхетские фамилии, как-то: Сулимы, Лободы, Северины, Нечаи, Гуляницкие (из них один, Григорий, бежал из Украины после белоцерковского мира, а потом возвратился и был сделан нежинским полковником), Головацкие; Хмелецкие (родственники казненного в Павлолоче, в 1652, за недовольство белоцерковским трактатом), Верещака (освобожденный недавно из крепости,

куда был посажен в 1652 г.), Мрозовицкий (славный в народной памяти Морозенко, неизвестно где пребывавший с 1649 года, когда перестал быть корсунским полковником), Махержинский и более всех образованный – Юрий Немирич. Потомок, как кажется, древней новгородской фамилии, бежавшей в XV веке в литовские владения, Немирич был наследником богатых имений в Украине, и от своего отца с детства напитался тем религиозным вольнодумством, которое в том веке носило общее название арианства. Молодой Юрий провел молодость за границею, преимущественно в Бельгии и Голландии, получил отличное образование и написал несколько ученых сочинений по предметам философии и рационального богословия; в 1648 г. он пристал к Хмельницкому в первый раз, спасаясь от преследования краковской инквизиции. Неизвестно, где был он после Зборовского мира, но с 1655 года мы видим его работающим для независимости Украины; он принял православную веру, веру отцов своих, действовал в пользу Украины у шведского короля, у Ракочия, а теперь, по смерти Хмельницкого, составлял планы образовать союз Украины с Польшею на новых началах их общей жизни. Ловкий посол Иоанна-Казимира, Казимир Беневский, искусно действовал на людей этой партии. Он уверял их, что козаки своими подвигами научили поляков и всех соседей уважать в них доблестных рыцарей; что Польша признает их свободными, и если козаки захотят присоединиться к Польше для взаимного охранения

своих прав и вольностей, то не иначе, как равные к равным и вольные к вольным. Значительная часть русского духовенства и сам Дионисий Балабан, который метил тогда в митрополиты, разделяли такие же убеждения.

Еще при Богдане Хмельницком духовенство неохотно шло под московскую протекцию. Привычные к польскому образу управления и польскому обряду, происходя из шляхты, духовные, особенно знатные, слишком много имели в себе польского... образование их роднило с Польшею и удаляло от Москвы. Религиозные распри на время вооружали их против католической Польши, но когда дело дошло до отторжения от Польши, тут увидели они, что, несмотря на единство веры, они далее отстоят нравственно от единой верной Москвы, чем от католической Польши. В эпоху присоединения кое-как заглушались нерасположение и боязнь, но вскоре начались с московской стороны такие движения, которые возбудили прежнее недоверие. Сильвестр Коссов умер, Бутурлин, по наказу московского правительства, сейчас же изъявил духовным – епископу Лазарю Бараиовичу и, печерскому архимандриту Гизелю – царское желание, чтоб духовенство малороссийское «поискала милости государя и показало совершенно правду свою к великому государю: захотело бы идти в послушание к святейшему патриарху московскому». Украине предстоял выбор митрополита. По древним обычаям, не нарушаемым со стороны поляков, надобно было избирать нового архипастыря вольными голосами. Воеводы

настаивали, чтоб избрания не было, пока не испросят благословения патриарха и царского дозволения. Лазарь и архимандрит печерский должны были поневоле показать вид согласия. Это было тотчас по смерти Хмельницкого, еще до погребения его тела. Но сам покойный Хмельницкий на дело это смотрел не так, и по стародавним обычаям написал к епископам луцкому, перемышльскому и львовскому, чтоб они ехали для выбора нового митрополита в Киев. Украина с Киевом отдалась московскому государю, а эти русские епископы остались под польским владением, но в то же время под духовным первенством киевского митрополита. Признать над собою власть московского патриарха они ни за что не хотели, да и не могли, если б даже и захотели. Требование московского правительства должно было разорвать связь в южнорусской Церкви. В то время, как Бутурлин в Киеве старался склонить Лазаря и киевское духовенство к зависимости Никону, польско-русские епископы испрашивали у короля дозволение ехать в Киев для избрания митрополита, и король дозволил им по старым их обычаям, за которые они всегда так крепко держались. Еще тело Хмельницкого не было погребено, Бутурлин писал к Выговскому, выставляя указ государя, чтоб не допускать епископов до избрания митрополита, а писарь ссылался на старые права, и, не говоря о покорности Никону, извещал, что пошлет козацких послов на избранье митрополита, а потом уже о новоизбранном напишет к государю.

Наконец, пристать к союзу готовы были богатые мещане в городах для сохранения своих магдебургских прав, которые боялись потерять, если Украина будет отдана во власть поляков без всяких условий. Вообще же надобно сказать, что украинцы, страшась Польши, прибегали к Польше.

Другая партия – если можно всю массу народа назвать партией – держалась царя московского. К этому побуждало отвращение к Польше; федеративная партия могла своими действиями вызвать в народе только большую решимость оставаться под властью царя, для избежания грозящей опасности попасть в подданство полякам. – От соединения Украины с Польшею простой народ мог ожидать только того, что значные козаки сделаются тем, чем были в Польше шляхтичи, а простые козаки и все посольство будут отданы в безусловное порабощение новому панству; напротив, при соединении с Московщиною самодержавная воля царя представлялась защитою слабых от своеволия сильных. Из старшин отличался тогда горячею враждою к значным и вместе преданностью Московщине Мартын Пушкарь или Пушкаренко, полтавский полковник, любимый подчиненными и всем простым народом: Запорожье, ненавидевшее шляхетных и значных, из которых состояла федеративная партия, разделяло в то время эту склонность – оставаться в повиновении московскому государю. Очевидно, что число преданных русскому престолу было так велико, что противная федеративная партия не могла ничего сделать, тем более, что и

сами федератисты не прочь были от того, чтобы московский царь скорее сделался польским королем... Но народ всегда мог быть увлечен в противную сторону своими руководителями, даже такими, которых не любил, хотя бы на время, не зная хорошо, куда его ведут; а разрыв виленского договора сделал этих двусмысленных руководителей врагами царя и протекции. Притом же малорусский народ не любил москалей. Несмотря на единство веры и племени, между двумя ветвями русского народа было слишком много различия в нравах, характере, понятиях и приемах жизни. История целого ряда предшествовавших веков, в продолжение которых эти ветви развивались отдельно друг от друга, не прошла даром. Малорусы видели в москалях слишком много не только чуждого, но противоположного. Дикие и своевольные поступки царских ратных людей раздражали народ, возбуждали ненависть и боязнь и уже в то время народ пугали слухи, что Москва хочет запрудить Украину своими людьми и насильственно вводить между малорусами свои московские обычаи.

II

Шестнадцатилетний Юрий Хмельницкий вовсе не был такой гетман, какого требовало тогдашнее положение Украины. Юный и неопытный, он не отличался ни блестящими способностями, ни характером. Одни из желания услужить

Богдану при его смерти, другие из боязни, чтоб не навлечь на себя гонения от его родственников и друзей, признали Юрия гетманом на Чигиринской раде. После смерти старика возник ропот между старшинами и заслуженными козаками. Иные вспоминали свои раны и многолетние труды и стыдились повиноваться мальчику, не нюхавшему пороха; других волновало явное нарушение казацких обычаев, по которым у козаков в начальники выбирали людей достойных и опытных. Многие из старшин досадовали потому, что, без выбора Юрия, вольная рада могла бы предоставить начальство им; более всех был внутренне недоволен Выговский. Столько лет он был первый человек после гетмана; и в Украине, и у соседей прославился он умом; сам Хмельницкий, для вида, отклоняя казаков от выбора Юрия, предлагал в гетманы Выговского. Выговский смотрел на избрание Юрия, как на похищение булавы у себя. Но старик Хмельницкий препоручил Выговскому руководить сына. Хмельницкий столько лет почитал Выговского другом, и потому Выговскому меньше, чем кому-нибудь другому, можно было действовать к изменению последней рады. Выговский должен был притворяться и уверять в совершенном равнодушии к почестям и нежелании принимать начальство. 14 августа он писал к воеводе путивльскому Зюзину, что «гетманом все старшины оставили пока Юрия Хмельницкого; а впредь как будет, не ведаю; но скоро по погребении тела будет рада всей старшины и некоторой части черни: а что на ней усоветуют, не ведаю».

Таким образом, в письме к пограничному московскому воеводе он дал понять, что назначение тогдашнего гетмана может измениться. Но что касается до себя, то он уклонялся от всякой надежды. «После воинских трудов, – выражался он, – я рад опочить, и никакого урядничества и начальства не желаю.» Через несколько дней после того, 21 августа, он говорил не так уже присланному от того же воеводы гонцу: Гетман Богдан Хмельницкий, умирая, приказывал мне быть над сыном его опекуном, и я, помня приказ его, не покину сына его; и полковники, и сотники, и все Войско Запорожское говорят, чтобы мне гетманом быть, покамест Юрий Хмельницкий вырастет и будет в совершенном уме.

Иезуитская изворотливость нашла себе лазейку, – говорит украинский летописец.

Как друг семьи Хмельницкого, Выговский начал представлять молодому Хмельницкому его опасное положение, – с сожалением извещал его, что козаки ропщут и не хотят повиноваться такому молодому гетману. Молодой Юрий просил совета: что делать? Выговский советовал отказаться перед радюю от гетманского звания, чтоб этим поступком снискать любовь и расположение народа. Между козаками издавна велось обыкновение, что избираемый в начальники несколько раз отказывался от предлагаемого достоинства и принимал его тогда только, когда рада как бы насильно принуждала его к этому.

Чтоб отклонить от себя всякое подозрение, Выговский го-

ворил, что и он оставит свою должность и ни за что не будет писарем, если Юрия не оставят гетманом.

Так же точно обозный Тимофей Носач, воспитатели Юрия – Ковалевский и Лесницкий, и судья Зарудный подтверждали Юрию вести о всеобщем ропоте козаков, советовали ему отказаться от гетманства и уверяли, что и они, из приверженности к Юрию, не захотят оставаться при своих должностях, а предоставят вольной раде распоряжение Украиною и выбор гетмана и старшин. Молодой Юрий согласился отказаться, в надежде, быть может, что эта покорность раде утишит ропот и он останется гетманом.

Оповестили раду. Выговский писал к тем из полковников, которые не были при смерти Хмельницкого, чтоб они явились с козаками из своего полка для избрания гетмана, а между тем дарил и угощал старшин и значных козаков, собрал к себе толпу простых козаков из разных полков, выкатил им горилки, устроил несколько обедов и ласковым обращением расположил их к себе.

В воскресенье, 24 августа, довши ударили на раду. Выговский и преданные ему старшины назначали ее во дворе Хмельницкого, для того, чтобы поместить там только таких козаков, которые будут расположены к ним: это были задобренные обедами и горилкою; впрочем и расположенные к Выговскому не все знали, что он ищет гетманства. Когда во двор набралось довольно козаков, ворота заперли наглухо, и огромная толпа козаков и посполитых стояла за двором.

Из дома вышел Юрий с булавой в руке, за ним несли бунчук, осеняя его.

«Панове рада! – сказал Юрий: – благодарю нижайше за гетманский уряд, который вы мне дали, памятуя родителя моего; но по молодости лет и по своей неопытности я не могу нести столь важного достоинства. Вот булава и бунчук. Выбирайте в гетманы другого, старше меня и заслуженнее».

Он положил знаки гетманского достоинства на столе, поклонился и ушел в дом.

Выступил Выговский, проговорил благодарность за писарский уряд, отказался от него, поставил свою чернильницу – знак писарского звания, и ушел.

Обозный положил свой пернач, судьи – свою печать, отказались от урядов и удалились.

Собрание молчало. Козаки поглядывали друг на друга с вопросительным выражением лица; иные хотели провозгласить Выговского, но боялись. Булава лежала среди двора, и «много было таких, – говорит летописец, – которые хотели ее взять, но не смели без воли народа».

Между тем, за воротами раздался ропот. Посполитые ломились в ворота. Тогда есаулы, расхаживая между козаками, кричали: «кого желаете наставить Гетманом?»

Все молчали. Есаулы несколько раз повторили вопрос. «Хмельницкого! – раздалось в толпе: Хмельниченко, нехай буде гетьманом!»

«Панове рада! – сказал Юрий: – я младолетев и неопытен,

я не в силах управлять народом, а к тому еще я, от недавней смерти родителя, в большой тоске и печали».

Некоторые сотники говорили так:

«Пусть будет Хмельниченко гетманом; хотя он и молод, да слава наша пусть будет такова, что у нас гетманом Хмельницкий. Пока он молод, – будут научать его хорошие люди, а возмужает – сам будет управлять. Пусть и Выговский, и Носач, и все будут на своих урядах; как при покойном батьку Хмельницком було, так и теперь пусть будет».

Юрий, наученный Выговским, отрекался. Козаки кричали:

«Не позволим, не увольним Хмельниченка от уряда гетманского!»

Хмельницкий представлял, что ему, по летам его, надобно учиться, а гетману надобно быть при Войске и предводительствовать казаками.

Тут какой-то сотник, расположенный к Выговскому, сказал:

«Пусть булава и бунчук остаются при Хмельницком; нашим гетманом будет Хмельницкий, а пока он возмужает – Войском командовать будет Выговский, и булаву и бунчук будет принимать, когда нужно, из рук у Хмельницкого, а воротившись, опять будет отдавать ему в руки.»

Выговский с видом покорности и смирения представлял свое недостоинство. Козаки усиленно требовали.

«Дайте время одуматься, панове рада! – сказал Выгов-

ский: – не могу теперь решиться принять на себя такое важное звание. Отложите до другого времени».

Рада дала ему три дня срока.

В среду, 27 августа, рада опять собралась в тот же двор. На этот раз, прежде чем успели затворить ворота, набралось во двор множество простых козаков.

«Хмельницкого! Хмельницкого!» – кричали они, и ломились в дом.

Юрий вышел и опять отказывался. Козаки требовали, чтоб он остался гетманом и чтоб до его совершеннолетия управлял Выговский.

Выговский опять разыгрывал роль нежелающего. С потупленным взором, с видом смирения, со слезами в глазах, он благодарил раду за честь, просил выбрать людей более его способных. Но чем более кланялся и отказывался Выговский, тем упорнее козаки избирали его предводителем. По козацкому обычаю, толпа начала сопровождать бранью свой выбор, тогда Выговский, как бы нехотя и единственно уступая голосу народа, согласился. Толпа была в восторге!

«Теперь я спрошу вот о чем, – сказал Выговский: – молодому гетману надобно учиться; по воле блаженной памяти родителя, ему надобно дать воспитание; ему надобно быть в училище, а потому ему трудно будет подписываться на листах и универсалах. Когда клейноды будут у меня, то и подписываться придется мне. Как же рада прикажет мне подписываться?»

Сперва это озадачило козаков. Но тут какой-то доброжелатель Выговского выскочил из толпы с разрешением вопроса.

«Пусть паи Выговский, – сказал он, – подписывается так: «Иван Выговский, гетман на тот час Войска Запорожского», потому что в то время, когда у него будут клейноды, настоящим гетманом будет он».

Простые козаки были просты, – говорит летописец, – они не провидели ничего особенного и согласились, сказавши: «добре, нехай так! Служи, пане гетьмане, верно его царскому пресветлому величеству и будь гетманом над Войском Запорожским и чини нам добрую справу».

Выговский, взяв булаву, сказал: «Сия булава доброму на ласку, а злomu на карность; а манить я в Войску никому не буду, коли вы меня гетманом избрали; а Войско Запорожское без страха быть не может!»

«Вычитай же нам, – сказали полковники, – новообранней пане гетьмане, великого государя жалованную грамоту, чтобы мы знали, на яких волях пожалованы мы от его царского величества».

Тогда гетман прочитал всем вслух грамоту.

По окончании чтения старшины сказали:

«На милости государской бьем челом и служить всем Войском Запорожским рады вечно, и он, великий государь, пусть нас не выдает своим неприятелям».

По другому известию, переданному Выговским в Москву,

когда избрали Выговского, противником его явился Григорий Лесницкий, которого покойный гетман отправлял против татар с сыном своим и дал ему булаву и бунчук в качестве наказного гетмана. Опираясь на это, Лесницкий не хотел отдать булавы. Выговский посылал к нему Юрия Хмельницкого, – Лесницкий упорствовал, и отдал булаву. тогда только, когда его принудили казаки, через неделю.

Так кончилась эта знаменитая рада. Выговский послал к запорожцам и льстил им, уверяя, что он не почитает себя настоящим гетманом, пока сечевое товарищество не признает его; послал, с согласия рады, посольство в Крым, отпустил с уверениями приязни к королю польского посла Беневского, которого казаки, из старой ненависти к панам, чуть было не убили. В то же время Выговский, в письме своем к московскому воеводе, доносил, что Беневский прислан для того, чтоб учинить ссору и говорил, что они его задерживают; бранил поляков, доносил, что польский король соединяется с императором и вовсе не думает мириться с Москвою и хранить данные в беде условия; что распространился слух, будто казаки поссорились с Москвою и поляки собираются, вместе с ханом крымским, на Украину. Он изъявлял готовность пролить кровь за государя. Он чернил даже своих сообщников, доносил на брацлавского полковника Зеленского, что он хотел отступить к Польше, но он, гетман, его удержал и убедил.

III

Несмотря на избрание Выговского, власть его была очень нетверда. Лесницкий, как видно, продолжал досадовать и надеялся, что на другой раде избрали бы его, а не Выговского. Пушкаренко, полтавский полковник, был другой враг и соперник Выговского. В Чигирине рада была неполная и могла казаться незаконною: надобно было со-' брать другую. Выговский хотя взял булаву, но только в качестве временного правителя; для соблюдения казацких прав он сам назначил снова раду в Корсуне к 25 сентября. На эту раду съехались старшины; были на ней все сотники и из каждой сотни по два простых казака. Таков был избирательный обычай у козаков. Новоизбранный предводитель хотел несколько разузнать дух своих товарищей. В то время прибыл от шведского короля в Чигирин Юрий Немирич. Он привозил от Карла-Густава предложение союза, чтобы, по старому доброму расположению, козачество помогало шведскому королю, а шведский король козакам. Сам Юрий Немирич снова отдался служить козацкому делу. Дело шло к возобновлению дружбы со Швециею; с Московщиною, напротив, шло к недоразумениям и неудовольствиям.

Явился к гетману царский посланник Артамон Матвеев. В царской грамоте гетман назван был писарем, а не гетманом, хотя царь уже известился, через киевского воеводу, о

его избрании на гетманское достоинство. Он получил царский выговор за то, что не объявил о смерти Хмельницкого и о своем избрании через своего посла. Царский посланник требовал, чтоб Запорожское Войско отправило к шведскому королю посланцев – советовать ему помириться с царем, оставить притязания на пограничные земли, которые московский царь считал своими, и отнюдь не надеяться на помощь Войска Запорожского; напротив, если он будет во вражде с царем, то Войско Запорожское пойдет на него войною. Гетман отвечал, что исполнит приказания царские, а от выговора отделался так-: «Когда гетмана Богдана Хмельницкого не стало, я в тот же день хотел отправить к царскому величеству своих трех урядников; а начальные люди, услышав об этом, стали бунтовать, толковали, будто я посылаю от себя, оттого я не послал, а написал к воеводе киевскому Андрею Васильевичу Бутурлину и к князю Ромодановскому в Белгород, чтобы они известили государя».

Артамон Матвеев сказал: «Его царскому величеству учинилось ведомо, что гетмана Богдана Хмельницкого не стало; и великий государь, жалуя вас, указал ехать в Войско Запорожское с своим государевым милостивым словом и для своих государственных великих дел боярину и наместнику казанскому, Алексею Никитичу Трубецкому, да окольниковому и ржевскому наместнику Богдану Матвеевичу Хитрово, да думному дьяку Лариону Лапухину. Гетман должен послать к полковникам и велеть съехаться в Киев, и сверх того, чтоб

из всех полков по пяти человек было прислано. Дело будет великое. Да чтоб в черкасских городах были собраны кормы и приготовлены подводы для их приходу. Да еще Павел Теря, когда был в Москве посланцем у государя, то просил оберегать вас против неприятелей ваших; и теперь приказана князю Ромодановскому идти наскоро с конными и пешими людьми, да велено также боярину Василию Борисовичу Шереметьеву выслать конных и пеших; а ты, гетман, вели приготовить им запасы и подводы».

Гетман, разумеется, обещал, но как услышали старшины, то стали видеть в этом тайное намерение нарушить их права. Немедленно явилось великорусское войско и стало двумя отрядами: один, с Ромодановским, – в Переяславе, другой, с Ляпуновым, – в Пирятине. Ожидали, как объявлено было, еще прихода Трубецкого с товарищами; это особенно пугало старшин, потому что не сказано было, для каких дел придет это войско. Артамон Матвеев привез приказание собирать по Украине запасы на прокормление войску с доходных статей (оранд); а все эти статьи были в распоряжении старшин, и они видели теперь посягательство на свои доходы.

Нужно было представить все это дело на обсуждение рады. Рада собралась в назначенный день. Иноземные пособники шляхетской партии: со стороны польской – Беневский, со стороны шведской – Немирич, по известию киевского воеводы, явились туда же. Сами между собою противники, они тут невольно действовали заодно против общего для них

обоих соперника. Рада происходила в поле. Выговский положил свою булаву и бунчук, поклонился собранию и сказал, что ему присланы от царя такие пункты, чтоб у козакав прежние вольности отнимать. «Я в неволе быть не хочу», – прибавил он, и отказывался от гетманства. Он объявил, что рада вольна выбрать другого гетмана, и поехал прочь. Тогда начальные люди последовали за ним, воротили и начали просить, чтоб он остался на гетманском достоинстве. Судья Самойло Богданович Зарудный вручил ему булаву.

«Мы, – говорили козацкие чиновники, – будем стоять за свои вольности заодно, чтоб у нас ничего не отняли, чтоб не было перемены, чтоб как прежде были, так чтоб и теперь остались мы – свободны».

Выговский, как будто исполняя всеобщую волю, принял снова булаву. Этой церемонией и кончилась рада.

На другой день была рада во дворе. Посланный путивльским воеводою на проводки, посадский человечиска Николка затесался между козаками, уверял, что находился там, где происходила рада, и передал потом в общих чертах это совещание («И я, Николка, был в той светлице, где была рада», доносил он своему начальству в роспросе).

Выговский сказал: «при покойном гетмане Богдане Хмельницком у нас не бывало рады и совета, но теперь вы меня избрали гетманом, и я без вашего воинского совета не стану делать никаких дел. Ныне я объявляю вам: прислал к нам шведский король, зовет нас к себе в союз (в «поддан-

ство», переиначил Николка: в письме Бутурлина просто – союз, а не подданство), а царское величество прислал к нам грамоту с выговором, зачем мы без его, государева, ведома сложились с Ракочи; хочет, чтобы Антона Ждановича наказать: «вы уже, говорит, прежде изменили шведскому королю, изменили и крымскому хану, и Ракачию венгерскому, и господарю волошскому, а теперь и нам хотите изменить. Долго ли вам быть в таких шатостях?».

Гетман хотел, очевидно, раздуть зародившееся неудовольствие к царской власти, но в то же время выгораживал себя, если преждевременно дойдет весть об этом в Москву, 11 потому стал советовать казакам покорность.

«А только нам, – продолжал он, – отложиться от царского величества, никто нам более не поверит за непостоянство наше, и мы дойдем до конечного разорения. Теперь, без всякой шатости, дайте мне совет, как поступить?»

Выступили полковники: нежинский Гуляницкий, полтавский Пушкаренко, прилуцкий Дорошенко, ирклеевский Джеджалы и сказали:

«Мы не отступим от присяги, данной его царскому величеству».

Другие начальные люди, сотники и есаулы с левой стороны Днепра повторили то же: «мы не отступим от его царского величества; как присягали, так в той мысли и стоим».

Когда гетман стал допрашивать их, как ему поступить, вместо совета они закричали:

«Як ти нам прирадишь, так ми й будемо!»

Гетман не добивался от них совета о шведском предложении, а должен был, потакая им, сказать:

«Я вам свою мысль объявляю, что нам быть надежно при милости царского величества, по присяге своей, неотступно, а к иным ни к кому не приложиться».

Но правобережные полковники – Зеленский, Богун и третий полковник («имени его не упомяну», – говорит свидетель) отозвались не в таком духе.

«Нам, пане гетмане и все паны-рада, не ладно быть у царского величества: он, государь, к нам милостив, да начальные его люди к нам не добры, наговаривают государю, чтоб навести нас в большую неволю и достояние наше отнять!»

Выговский, выслушав эти речи, принял суровый вид и сказал:

«Вы, панове, не дело говорите, и в Войске смуту чините; а нам от царского величества отступить за его государеву милость не следует и помышлять!»

Наконец, порешили послать к царю посольство и просить о ненарушении данных вольностей.

«И все тогда, – пишет Бутурлин в своем донесении к царю: – меж собою душами укрепились, что им всем за гетмана и за свои права и старые вольности стоять заодно. И много других непристойных речей у них было».

С этих пор, вероятно, Выговский выбросил из своей подписи выражение: на тот час, которое, – по сказанию украин-

ского летописца, – наложил на себя как условие, когда казаки на первой раде вручили ему булаву.

По приговору корсунской рады, отправили в Москву посланцами: корсунского полка есаула Юрия Миневского и сотника Ефима Коробку – просить царского подтверждения Выговского на гетманское достоинство и казацких прав, сообразно прежней царской грамоте, данной после переяславского присоединения. Гетман отпустил Беневского с дружескими уверениями. Но Польша не хотела оставлять Украины без наблюдения, и тотчас же за Беневским приехал другой гонец и агент, Воронич. Как искренно было это сближение с застарелыми врагами, видно из того, что в то же время, как Беневский от имени Речи Поспалитой сулил казакам права, свободу и дружбу, у Выговского в руках было перехваченное письмо польского полковника Маховского к одному из крымских мурз. Польский пан уговаривался, как бы сделать на казаков, своих душманов, вместе с крымцами нападение. А Выговский, принимая радушно польских посланцев, отправил перехваченное письмо в Москву с Миневским, и вместе с тем извещал, что после Беневского приехал в Украину Воронич – по-прежнему склонять козакав к подданству Польше; но казаки не дозволят себя провести и останутся верны его царскому величеству. Крым был очень опасен Украине. В последнее время союз хана с Польшею более всего не позволял Украине брать верх в борьбе с поляками. Услышали в Крыму, что в Украине недолюблива-

ют московского владычества, и хан первый подал желание примириться, а Выговский отправил в Бахчисарай посланца своего, Бута, с товарищами.

После избрания, в раде, гетмана казацкие обычаи требовали еще освящения от Церкви. Гетман, полковники и старшины отправились в Киев. 13 октября встретили Выговского с почестью у земляного вала. В то время умерла сестра Выговского, жена Павла Тетери; вся семья и родные Выговского были в сборе: отправляли похороны; потом уже обратились к делам. 17 октября в Братском монастыре, в присутствии царских воевод, принесли в церковь жалованную от царя гетману Хмельницкому булаву, саблю и бунчук. По совершении обедни, епископ черниговский Лазарь Бараиович окропил святою водою эти знаки достоинства и отдал их гетману. «Принимая гетманство, – говорил ему архипастырь, – ты должен служить верою и правдою великому государю, как служил до сих пор: управляй и укрепляй Войско Запорожское, чтоб оно было неотступно под высокою рукою его царского величества». Сказав это, епископ осенил крестом новоизбранного вождя.

Из церкви епископ позвал гетмана и старшин на обед. Туда же были приглашены и воеводы с товарищами. Когда вино развязало язык гетману, он стал уверять в своей преданности царю, доказывал пред воеводами, что еще как был писарем, то и покойного гетмана Хмельницкого привел к подданству. «Но я теперь опасаюсь, – прибавил он, – государева гнева,

что без его указа выбран гетманом: мы получили грамоту от государя, а в ней я назван не гетманом, а писарем».

Тогда Богданович, генеральный судья, проговорил такую речь:

«Когда мы, козаки, поддались под высокую руку его царского величества, то государева милость была к нам такова, чтоб вольностей наших у нас не отнимать; а теперь присланы к нам пункты, по которым приходится потерять нам вольности; а мы как были под королевским владением, то у нас вольностей король не отнимал; мы же отступили от короля и поддались под государеву высокую защиту только ради обороны христианской веры от ляшского гонения, чтоб нам не быть в папежекой вере, либо в унии».

Бутурлин, обратясь к Выговскому, сказал:

«На тебя, гетман, нет никакого гнева государева; а от, – тебя перед великим государем так есть неисправление: выбирают тебя на Богданово место, а ты великому государю о том и не написал и не учинил никакой ведомости Великому государю неведомо, что ты гетманом учинился; потому-то в государевых грамотах к тебе и назван ты писарем; как ты был прежде писарем, так писарем и назван. Ты, гетман, о том не оскорбляйся и служи по-прежнему великому государю, а государево жалованье и милость будет тебе свыше прежнего».

«Когда только меня стали выбирать в гетманы, – сказал Выговский, – я не хотел брать на себя этого регимента без государева указа; я долго отговаривался; но полковники и

чернь мне дали булаву и знамя с большим упросом; пусть государь нас пожалует: не велит у нас отнимать прежних вольностей; а мы, ему, великому государю, готовы служить и стоять против всякого неприятеля и никогда не отступим от высокой руки его величества!»»

Скоро после того брошена была новая тень опасения в нарушении вольностей. Наступал выбор митрополита. Съехались в Софийский монастырь духовные и старшины казацкие. Гетман пригласил киевских воевод. Бутурлин отвечал, что не поедет без царского указа. Уже прежде он передавал, и духовным, и светским, желание московского правительства, чтоб киевский митрополит подчинился московскому патриарху и был бы от него назначен. Теперешний отказ приехать на выбор указывал, что московское правительство намеревается нарушить одно из важнейших прав присоединенного края. Выбор тогда не состоялся. Отложили выбор до Николина дня; между тем возросло и неудовольствие к московскому правительству, и страх за свои права.

Из Киева гетман поехал в Переяслав и 24-го октября свиделся с Ромоданавеком в присутствии своих старшин: обозного Носача, Тетери, Богдановича, Ковалевского и своего брата Данила. Ромоданавский уже два месяца стоял под Переяславом с ратными людьми и не получал никаких запасов. Он жаловался, что его прислали сюда по просьбе казаков, чтоб оборонять край от неприятеля, а продовольствия не дают, и грозил уйти назад.

Несмотря на подозрение, которое рождалось от прихода великороссийских войск, гетман старался удержать всеми способами Ромодановского, и совсем не в том духе с ним говорил, как на раде в Корсуне. Он извинялся в недаче запасов тем, что в Украине, после смерти Богдана, он, Выговский, еще не был настоящим гетманом; не было еще начальства, которого бы все слушали; он представлял, что неприятели сделают нападение на Украину, как только великороссийское войско отступит прочь, и, наконец, описывал внутреннее беспокойство края. «После Богдана Хмельницкого, – говорил он, – в черкасских городах учинился мятеж и шатости, и бунт; а как скоро ты, окольныйчий его царского величества и воевода князь Григорий Григорьевич, пришел в черкасские города с ратными людьми, то, милостию Божиею и государевым счастьем, все утишилось; теперь в Запорожье большой мятеж: хотят побить своих старшин и поддаться крымскому хану! Я, помня свое крестное целование, за такие заводы, бунты и измену царскому величеству, поеду их усмирять с войском, а ты, окольныйчий и воевода, с ратными людьми перейди за Днепр; с тобой будут полковники: белоцерковский, уманский, брацлавский и другие; а я управлюсь с бунтовщиками и предателями. Они наговаривают на нас, бунтовщики, будто бы мы царскому величеству неверны; а мы живым Богом обещаемся и клянемся небом и землею: чтоб нам Бог своей милости не показал, если мы мыслим или вперед будем мыслить какое-нибудь дурно и неправду! Как за Бога,

так и за него, великого государя, держимся».

Но Ромоданавский отвечал, что не пойдет за Днепр без воли государя. Напрасно Выговский, через три дня после того, снова просил его и извещал, что пойманы татары, которые объявляют, что хан собирается с поляками нападать на Украину, – Ромодановский не пошел за Днепр. Советуя таким образом и стараясь перевести Ромоданавского за Днепр, Выговский в самом деле, кажется, руководился страхом. Ему хотелось отрезать Ромоданавского от Трубецкого и поставить его в таком крае, где всякое покушение, если бы оно в самом деле могло быть, как ходили слухи, было бы встречено с негодованием и с противодействием, и где Ромоданавский не в силах был бы противостоять туземной массе.

Потом Выговский отправил Юрия Хмельницкого в Киев учиться, а сам вынул из-под земли зарытые им вместе с Хмельницким сокровища – более миллиона, и начал дарить и угощать старшин, значных и простых казаков. Веселые пирушки несколько недель шли без перерыва. Выговский был человек трезвый, но чтоб понравиться толпе, прикидывался пьяным, показывал бурлацкое обращение с простыми казаками, был чрезвычайно обходителен с подчиненными, и казаки в восторге кричали: «от щирый, не гордый казак!»

IV

В Литве в последнее время распространилось коза-

чест-;во, как некогда в самой Украине; холопы самовольно записывались в казаки. Польское правительство старалось ограничить их число; так, подобно полякам, поступали теперь московские воеводы в покаренной Литве, по приказанию своего правительства. В Могилевском повете вписывались в казаки пашенные крестьяне. Правительство запретило это, но полковник Нечай, бывший наказным гетманом в Литве, принимал их в реестр. Московские воеводы лишние самовольных козакав исключали сами, били их батогами, били ослопьем и сотников, и есаулов, чтоб те не вписывали новых козаков. Правительству хотелось, чтоб эти пашенные крестьяне несли тягло; а они, делаясь казаками, не хотели платить ничего с тех земель, на которых были населены. Напрасно полковник Нечай жаловался и ссылался на приказания гетмана Богдана Хмельницкого и Выговского, которые запрещали ему выводить козаков: «Война наступает, – представлял он, – казаки нужны будут; нельзя выгонять и бить людей заслуженных, которые и раны терпели, и в осадах сидели». 27-го августа Нечай отправил к царю жалобу на воевод мстиславского, оршанского, борисовского, шкловского, копыльского, минского. «Воеводы, – писал он, – отнимают у нас деревни, с которых мы могли бы иметь хлеб себе; подданных вашего царского величества, козакав моих, выгоняют насильно из домов, – требуют с них, как с мужиков, податей, режут им чуприны, бьют кнутами и грабят; и если б подробно все противное нам описывать, то много времени

было бы потребно». Полковник приписывал такие поступки наущению шляхтичей, которые желают всячески вывести козачество из Литвы. Он писал: «Как волк выкормленный все в лес смотрит, так и щляхта в Польшу. Шляхтичи передают секреты польскому королю, и оттого польский король все знает и готовится воевать на ваше царское величество, заключает договор с цесарем и крымским ханом; и вот, по наговору этих хитрых лисиц, изменники воеводы теперь меня и товарищество мое преследуют, как неприятелей». В особенности жаловался он на боярина Василия. Шереметьева: козаков берет и сажает в тюрьму, а другах деваает невесть где», говорит о нем Нечай.

Ожидание прихода Трубецкого и ратных людей произвело смятение. Полковники писали об этом по сотням; начали собираться на рады, толковать; на левой стороне Днепра миргородский полковник Лесницкий рассылал по сотням своего полка такого рода известие: «Мы присягали его царскому величеству, чтоб нам, по обычаю, быть на своих вольных правах в Запорожском Войске, к были мы верны в подданстве его царского величества по смерть гетмана Богдана Хмельницкого; а теперь идет на нас боярин царский князь Трубецкой с войском, да князь Ромодановский с ратными людьми; и вам приказана давать им живность беззаборонно; хотят учинить на Украине по городам воевод: в Киеве, Чернигове, Переяславе, Умани и по всем другим, чтоб везде им давали живность, и будут брать на государя все те подати, что

народ платил когда-то польским панам; а козацкого войска только и останется, что в Запорожье десять тысяч, и они будут получать из наших доходов жалованье от оранд и мельниц; а больше уже и не будет Войска, а станут все – мещане и хлопы; а кто не захочет быть мещанином или хлопом, тот будет в драгунах и солдатах. Крымский же хан присылает к нам и просит, чтоб мы по-прежнему были с ним в дружбе. И от нас не требует никаких поборов...

Бросивши волнение в массу народа, полковник через несколько дней рассылал другие приказания: «чтоб козаки не тревожились». Итак, один раз он в народе возбуждал опасение, в другой раз обращал народное раздумье к догадке, что это опасение напрасно. Таким образом, Лесницкий держал народ в недоумении, чтоб тем удобнее управлять им и повести, когда нужно будет, к своей цели.

Другие полковники за Днепром также волновали народ такими вестями. За Днепром отзывалось более намерение защищать свои права, и заднепровские полковники рассылали на левую сторону универсалы, в которых писали: «Мы, заднепровские козаки, не привыкли к неволе, и не хотим ее. А если вы поддадитесь царскому соизволению, так мы с татарами на вас войною пойдем». – «Великий государь, – говорил миргородский полковник одному великороссиянину, – не устоял в прежнем договоре; пан гетман Выговский и мы, старшины, царскому величеству воли своей не уступим; не хотим воевод царских и отступим от царя; крымский царь

за нас пойдет, – мы будем слыть его подданными; а податей никаких не будем платить».

Противники московского владычества толковали народу: Вот, как возьмут вас царь и Москва в руки, тогда и кабаки введут, горилки курить и меду варить нельзя будет делать всякому и в сапогах черных прикажут ходить, и суконных кафтанов носить не вольно будет; попов своих нашьют, митрополита в Киеве своего поставят, а нашего в Московщину возьмут, да и весь народ туда же погонят, а останется тысяча десять козаков, да и те на Запорожье, а те, что в городах будут, те службу станут держать под капитанами».

Распустив по сотням вести, миргородский полковник надеялся, что народ этим слухом достаточно настроен, и приказал собраться в Миргороде на полковую раду всем сотникам и атаманам своего полка, и выборным из каждого города и местечка по пяти человек.

Полковник стал им читать пункты, где были изложены показанные выше предположения о переменах. Чтоб раздражить еще более народные интересы, полковник читал им, между прочим, что государь приказывает собирать со всех хозяев десятину.

– Хотите поддаться крымскому хану или ляхам? – сказал он после этого.

Но козаки – говорит один из простого народа, там бывшего, – сейчас догадались, что эти пункты не правые, и сказали: «а мы что сделаем без черни?» Тогда полковник роз-

дал каждому сотнику и атаману экземпляр возбуждительно-го писания, велел собрать рады и прочесть простому народу. Везде по селам чтение это произвело совсем другое впечатление, нежели какого ожидали; козаки говорили: «мы хотим служить великому государю и за ним жить, а ни к крымскому хану, ни к ляхам не пойдем, – мы государские. Куда нам великий государь укажет, туда все пойдем». Такие ответы последовали из всех сотен. Некоторые сотники и атаманы оповещали простым козакам, что гетман приказывал им наготовить свинец и пульки: в поход за Днепр пойдут. – «Мы за Днепр не пойдем по приказу гетмана, а послушаем и пойдем, когда царский указ будет!»

Услыша о неблагоприятном для его целей настроении народного духа, миргородский-полковник собрал снова раду, отдавал свое полковничество и положил булаву. Сотники, атаманы и есаулы начали его уговаривать, чтоб он оставался, и полковник, как будто нехотя, уступая воле народной, взял опять свой знак. Но этот обычный козацкий маневр вовсе не так подействовал на чернь, как на чиновных лиц; стоя кругом полковника, чернь крепко бранила его, а полковник слушал и притворялся, что не слышит, но видел ясно, что народ его ненавидит. Присылкою бояр и уничтожением козацкого правления трудно было тогда испугать народ. «Мы, – говорил московскому послу любенский войт Котляр, – рады будем, когда придут к нам воеводы с ратными людьми; а гетмана мы все недолюбливаем; и мы, и мещанство, и чернь –

заодно; вот будет ярмарка об Николине дне, и мы станем советовать с своею братисю, чтоб нам послать к государю бить челом о воеводах, – чтобы у нас были царского величества воеводы».

Тогда в Москву стали являться из Украины письма, объяснявшие, в чем состоит народное желание. Протопоп Филимонов переписывался секретно с боярином Ртищевым и сообщал ему о состоянии умов в Украине.

«Как только прослышали мы, – писал он, – что придет сюда князь Алексей Трубецкой с товарищами на государя праведного сей край отбирать и постановить государевы власти, то все меньшие стали очень радоваться этому и вся чернь обрадовалась, желая, чтоб уже мы имели единого государя, до кого мы бы могли прибегать. Правда, отчасти опасаются, чтоб воеводы не нарушили здешних обычаев и правил, как в церковном, так и в гражданском строении, и чтоб отсюда насильством в Московщину людей не гнали; но мы их обнадеживаем, что государь – царь и великий князь ничего этого не хочет. И я, доброхот государев, желаю от сердца, чтоб уж мы знали государя праведного себе за совершенного государя и его полную власть над собою; и многие из духовных и светских того хртят, а не хотят этого гетман, да полковники, да старшины; и это делают они для своего лакомства: они бы рады были одни пановать и тешиться своим самовластием, они уже разлакомились в господстве своем, и не хочется им его потерять. Сказывают о войсковой казне,

а Войско ее и не знает; только и знают о ней, что один или два человека старшин, а Войску из нея заплаты нет. Того ради изволь твоя милость вступиться перед его царским величеством, чтобы непременно государь прислал воевод и взял на себя все наши города; в Украине никто не станет противиться. Это будет добро, а мы будем всячески к тому людей приводить».

Филимонов переслал это письмо через другого священника Василия, который тогда хлопотал о месте для себя в киевском Софийском соборе. То же писал к Татищеву из Чернигова. Другой духовный, архимандрит черниговского монастыря Иван Мещеринов; он давал советы ввести в Украине кабаки и верных голов и воевод.

«Мы слышали, – выражался он, – что имеет быть к нам князь Трубецкой. Как бы скорее конец был с панями, нашими начальными! Все мы его ждем; а я желаю, чтоб, единого небесного Христа-царя имеючи, и единого царя православного имели; дай же нам, Христе-царю, того дождати!»

С своей стороны, Запорожье интриговало против Выговского. Туда убегали из Украины толпы простого народа. Кто для промыслов, а кто промотается и пропьется – и тот бежал в Запорожье, покинув семью свою; и такие-то составляли оппозицию Выговском. Главою их был Яков Барабаш. Им на руку была народная молва, что царь хочет оставить в одном Запорожье только десять тысяч; они-то и думали, вероятно, сделаться этими привилегированные остатками. Бара-

баш отправил в Москву посланцами Самойла, Михайла Иванова, Степана Дьякова, да Семена Остапенка.

Это была депутация простого народа, показывавшая московскому правительству, что простонародье хочет не того, что старшины. Она жаловалась на старшин, что им не дают ловить рыбу, держать вино, берут поборы и наживаются сами, а простым не дают жалованья; доносили на Выговского, что он сносится с поляками, с ханом, со шведским королем. Запорожцы представляли, что гетман избран неправильно, – без участия запорожцев; что он сам не запорожец, а поляк, и жена у него шляхтянка; что хоть Хмельницкий и сделал его писарем, но ни он, ни жена его не хотят добра Запорожью; что раде следует быть на Запорожье, или, по крайней мере, в Лубнах; последнее место иривилось им оттого, что беглецы из этого края составляли в то самое время зерно запорожской вольницы.

В заключение они просили, чтоб в Украину ввести воевод и московское управление. «Вся наша чернь и мещане этого желают, – говорили они: – да казацкая старшина не допускает ради сврей корысти. Посольство из Запорожья отправили запорожские старшины, а толпа неистово порывалась идти на города и «шарпать» имения знатных и богатых. Выговский, услышав об этом, собирался с своей стороны идти с городовыми козаками усмирять Запорожье и приказал расставить караулы (заставы), чтоб перенять запорожских посланцев, когда они будут возвращаться из Москвы – да еще не

велел торговцам возить в Запорожье порох, свинец и припасы, чтоб край этот отрезать от Украины и лишить продовольствия. В то же время Выговский отправил письмо к боярину Морозову, умолял его ходатайствовать пред царем, чтоб доносы врагов не получили успеха, и просил задержать посланцев. «Пусть бы государь, – писал он, – покарал их по своему премудрому разуму; они, своевольники, только о суетной своей воле помышляют, а не радеют о вере и о прислуге его царскому величеству; нет у них ни жен, ни детей, ни пожитков, ни добычи, – только на чужое добро дерзают, чтоб есть им, да пить, да в карты играть, да всякие бесчинства Богу и людям чинить; а мы за веру православную и за достоинство государя, при женах, детях и маетностях наших, всегда умирать готовы».

Барабаш, отправив уже посольство и роя под Выговским яму, послал к нему письмо, уверял в своем расположении и покорности, и возбуждал неудовольствие гетмана на толпу повес, пришлецов из Украины. «Те, которые поднимали бунт, – писал он, – пришли из миргородского повета. Часть их уже повязана, да у половины у них ни самопала, ни корма, ни одежишки не спрашивай, а мы сверстные козаки-зимовчаки их не послушали; и в мысли у нас не было, чтоб идти на города грабить!»

В таком положении было общее настроение умов, когда прибыл в Москву. Миневский с товарищем. В расспросах, которые ему делали бояре, он, от имени Выговского, чернил

всячески Лесницкого; указывал, что этот-то полковник дает повод ко всем волнениям, потому что ему хотелось булавы, но он ее не получил, и теперь вот он наущает народ к неповиновению и возбуждает чернь против царской власти: распустил слух, будто царь прислал князя Трубецкого с тем, чтобы везде по городам поставить войско и уничтожить казацкие вольности. Бояре объяснили ему, что у его царского величества и в мысли не было, чтобы ломать права и вольности их, и приписывали такие выдумки наущению врагов. Посланцы старались выставить в благоприятном свете сношения Выговского со шведами и поляками, откровенно объявили, что польские послы приезжают для того, чтобы склонить козак к измене царю, и уверяли, что не успеть им в этом. Запорожские посланцы были тогда в Москве; выслушавши от них донос, бояре стали выведывать от посланцев Выговского, были ли запорожцы на раде? На это Миневский отвечал, что не были; но в самом... Запорожье народ в то время состоял из казаков разных городских полков, а из этих полков на раде были и старшины, и выборные казаки. «На Запорожье, – объяснили они, – людей вовсе немного, всего тысяч пять, и те живут там постоянно; одни приходят из городов, другие уходят назад».

Посланцы доказывали, что Запорожье не есть что-нибудь особое, а часть того же Войска.

«Мы не чаем бунта, – говорили они, – потому что Ивана Выговского выбрали целым Войском; а лучше бы учинить

так, чтобы великий государь изволил послать кого укажет в Войско, чтоб собрать полковников и сотников, и всю горадовую чернь вновь на большую раду; кого на этой раде выберут, тот и будет прочен, а гетман сам желает этого; и если кого иного выберут, Иван Выговский о том не оскорбляется».

– «А прежние гетманы где выбирались? – спрашивали бояре, слышавшие перед тем от запорожских посланцев, что они выбирались на Запорожье: – Где Богдан Хмельницкий выбран?»

«На Запорожье прежние гетманы выбирались, – сказал Миневский; – и Богдан выбран на Запорожье и запорожанин был».

Бояре замотали себе на ус, что Миневский говорил в одно с запорожцами, и это доставляло оправдание последним во мнении бояр.

Посланцы Выговского были отправлены с честью, с жалованною грамотою, составленною буквально по образцу данной Богдану Хмельницкому, и с письменным милостивым словом царским ко всему Войску, где сказано, что так как козаки обещаются служить верою и правдою его царскому величеству, то и великий государь верных подданных, православных христиан, будет держать в вольностях без всякого умаления; а на подтверждение новоизбранного гетмана и для принятия от него присяги на верность по-, шлется боярин Хитрово.

В то же время, как эти посланцы были еще в Москве, Вы-

говского уже посетил один московский гонец, стряпчий Рагозин. Он послан был в Украину, под предлогом известить гетмана о даровании от Бога радости царскому семейству рождением царевны Софии, но в самом деле у него был наказ – проведывать, что делается на Украине, и любят Ли там и желают ли Выговского? По всей дороге, от московской границы до Чигирина и обратно до московской границы, простые люди, проводники и подводчики, в один голос, как будто бы сговорившись, утверждали, что Выговского недолюбливает народ. В Чигирине говорили ему, что Выговского выбрали одни старшины, чернь его не желает, а хочет Хмельниченка; но на левой стороне Днепра не вспоминали и Хмельниченка.

«Вот, сказывают, – говорили поселяне Рагозину, – будто бояре и воеводы с ратными московскими людьми придут к нам, а мы этому и рады».

Так, с одной стороны, Выговскому и его партии представлялся повод к подозрениям и неприятным ожиданиям перемен от царя, а с другой московскому правительству приходили вести, что народ не любит новоизбранного правителя; что народ расходится с ним и с его партией в желаниях, что Выговский и значные – тайные недоброжелатели Москвы. Запорожцы поймали посланцев Выговского, отправленных в Крым, перехватили письма гетмана к хану: по известию современника поляка, самих посланцев утопили, а письма отправили в Москву с своим послом. Они доносили, меж-

ду прочим, что к Выговскому ездит какой-то ложный монах Данило, француз родом, который ведет тайные сношения и подстрекает его к отпадению от Московщины, старались растолковать письма гетмана к хану так, что гетман с ханом и поляками хочет идти войною на Московщину.

Но сильнее всех врагов Выговского был полтавский полковник Мартын Пушкарь; пользуясь расстройством народного смысла, недовольством черни против значных, Пушкарь надеялся сделаться сам гетманом, свергнувши Выговского, созвал у себя раду, и объявил на ней, что Выгавский изменник, сносится с поляками, крымцами, думает изменить царю.

Вместе с запорожскими гонцами он отправил в Москву и своего атамана, Стринджу с товарищами; они повезли донос, что гетман изменник, сносится с Ордою и поляками. Решившись в то же время действовать оружием, Пушкарь просил запорожцев помогать ему против Выговского: по та- кой просьбе, шестьсот молодцов отправилось к Пушкарю под начальством атамана Якова Барабаша. Но главная сила Пушкаря состояла в народе. Полтавский полковник, чтоб вредить своему врагу, постоянно призывал козаковать посполитых, стремившихся к уравнению прав своих с козаками. Ненависть, прежде обращенная на польских панов, теперь готова была с тем же неистовством обратиться на единоземцев, которым более других послужило житейское счастье. Призывы Пушкаря подействовали на бездомовных и безземельных:

таких накопилось множество в Украине от разорений, смут и отвычки от работ во время непрерывных войн. Со всех сторон стекались к Пушкарю работники из винокурен, – а винокурни и пивоварни тогда находились чуть не в каждом зажиточном доме, – сбегались пастухи, наймиты; не имевшие своего угла и жившие из куска хлеба у богатых, теперь бежали козаковать. – в надежде отомстить за побои хозяевам и присвоить их имущества, для того, чтоб пропить и промотать награбленное в несколько дней, все, что носило название голоты (т. е. голи, голяков), явилось под знамена Пушкаря. Они шли без лошадей, без оружия, нередко без одежды и обуви, в лохмотьях, с рогатинами, дубинами, косами и, – по замечанию летописца, – с сердцами, готовыми на убийства и грабежи.

Пушкарь составил из них пехотный полк: они назывались дейнеками (т., е., может быть, деняки, кой-какие), и в короткое время у полтавского полковника было, как думали, до двадцати тысяч..., и с каждым днем партия его увеличивалась; окрестности Гадяча, Зенькова, Ромна, Миргорода возмутились; посольство обращалось в казаков.

Выговский побежал в Гадяч, захватил на месте несколько возмутителей народа против гетманской власти и казнил смертью; потом отправил гадячского намисныка Тимоша в Полтаву и ласково просил Пушкаря оставить свои враждебные намерения и предлагал мир.

«Чи не так, – сказал Пушкарь, – Виговський хоче мене з

собою погодити, яко погодив в Гадячом браттю нашу, луччих од себе товарищив Вийська Запорозского, поутинавши им голови?.. але не дижде сего».

Приказал Пушкарь оковать Тимоша и отослал его к воеводе московского царя Колойтаеву, своему приятелю, в Каменное.

Тогда Выговский решился успокоить Пушкаря оружием и послал против него два полка: Нежинский и Стародубский. Но на пути простые казаки взволновались, отказывались подымать руки на братьев и разошлись.

Выговский увидел, что на казаков плоха надежда в междоусобной войне. Но бурная эпоха Хмельницкого привлекла в Украину толпы иноземцев: у гетмана были затяжные полки (затязи, наемные): в них были сербы, волохи, поляки, немцы. 25-го января 1658 года гетман послал против соперника отряд сербов под начальством Ивана Сербина, и малороссиян, под предводительством Богуна. Они должны были напасть на Полтаву врасплох и схватить Пушкаря.

От скорости зависел успех. Сербы прошли удачно и быстро до Полтавы, но под самым городом сбились с зимней дороги и промедлили день. В Полтаве узнали об них, и 27-го января Барабаш с запорожцами напал на них во время обеда при урочище Жуковом-Байраке. Триста человек легло на месте, не успевши схватиться за оружие. Остальные не пошли вперед и убежали. Многие попались в плен и были отосланы к московскому воеводе, приятелю Пушкаря. Лесниц-

кий, узнав о несчастье, делал клич по всему Миргородскому полку, призывая спешить против бунтовщика Пушкаря, но многие миргородцы переходили на сторону врагов.

В это время уже совершился выбор митрополита. Новоизбранный архипастырь, Дионисий Балабан, сторонник Выговского, написал Пушкарю увещательное письмо и грозил церковным проклятием за непослушание гетману.

«Хотя ваша святительская милость, – отвечал Пушкарь, – и возложили свое благословение на Ивана Выговского, но Войско Запорожское не признает его гетманом. Когда будет полная рада, на которой вся чернь украинская единомысленно с чернью Войска Запорожского изберут его гетманом, тогда и я признаю его. А ваше архипастырское неблагословение извольте возлагать на кого-нибудь такого, кто не желает добра его царскому величеству и ищет неверных царей; мы же почитаем царем одного царя православного.

Пушкарь выступил из Полтавы, и дейнеки повсюду грабили зажиточных и опустошали их имения. Этот поход увеличивал войско Пушкаря, но, вместе с тем, раздражал всех, имевших собственность.

Но в то время, когда такое волнение поднялось в восточной части Украины, прибыл Хитрово. Еще он был в дороге, а уже козацкие старшины сильно тревожились. Посланники Выговского, возвратившись к гетману, извещали, что царский посол едет собирать новую раду для нового избрания. Опасались, чтоб противная Выговскому партия не взя-

ла верх и не избран был другой гетман; это значило уступить свои свободные Сословные права произволу Московской власти; тогда показали бы пример, что вольное избрание иначе ничего не значит. Вопрос о воеводах и великорусских войсках в Украине должен был разрешиться с приездом боярина. Зловещие слухи об уничтожении козаков должны были с ним или оправдаться, или обличиться. Страшная для всех гроза примирила всякие несогласия; гетман и Григорий Лесницкий стали друзьями. Многие готовились стать грудью за Выговского, не из любви к нему, а потому, что с ним вместе должны были защищать самих себя и все свое сословие.

V

17-го января Хитрово приехал в Лубны; и от гетмана и старшин явился посланец с письмом, просить, чтоб рада была не в Переяславле, а в ином месте. Боярин подарил гонцу пару соболей, да пять рублей денег и сказал ему: «это тебе за то, чтоб, приехавши к гетману, наговаривал его ехать на раду в Переяслав, а не в иное место».

25-го января прибыл Хитрово в Переяслав и остановился в доме какого-то грека Ивана, а 30-го получил извещение, что гетман приедет на раду. Выговский был перед тем в Миргороде вместе с Лесницким. Еще не было рады, не порешили дел с Хитрово, а уж путивльский воевода спрашивал Выговского, когда он поедет в Москву. Выговский обещал ехать,

как только утихнет волнение и кончится дело, по которому приехал боярин Хитрово.

Собрались в Переяслав полковники. Прибыл гетман. Старшина роптала. Выговский не показывал охоты начальствовать. Он говорил старшинам так: «Москаль ни во что считает выборы по нашим стародавним правам, и хочет, чтоб у козаков гетманы были не выборные, не из нашего народа. Они думают навязать нам какого-нибудь своего бородача, Если вы теперь это допустите, то навеки потеряете права и вольности; не поддавайтесь москалю, не позволяйте себе давать гетмана, – выбирайте вольными голосами, как прежде всегда в старину бывало».

На раду прибыл и новоизбранный митрополит Дионисий, и знатное духовенство. Рада произошла в один из первых дней февраля. Прибыл в собрание боярин; Выговский не явился; вместо него выступил монах Петроний и сказал:

«Панове рада! Приказал вам Выговский сказать, что он отказывается от булавы, которую ему дала рада; он увидел к себе неблаговоление его царского величества, да притом и в Войске много у него недоброжелателей. Пусть боярин назначит вам гетмана, кого пожелает, а Выговский, утомленный долгами трудами, и видя на себе отовсюду гонения, желает остаток дней своих посвятить Богу в монастыре».

С негодованием выслушали казаки официальный отказ своего гетмана. Они были научены заранее, будто от Выговского требует этого боярин.

Один смельчак так говорил:

«А бодай того нихто не диждав, щоб Виговського з булави запорозької зкинули: ани цареви, ани тоби, воевода, козаки нічого ни зділали, щоб ви право наше козацьке – обирати гетьмана – у нас видерли; Виговський голову счажив, нас з тяжкої невали лядски визволяючи; вси при ним умирати, из ним жити готовисьмо; то вся Украина: полковники, осаули, отамани, сотники и чернь поприсягаемо!»

«Згода! згода!» – раздалось множество голосов.

«Все, – говорил какой-то полковник, – все, що царь и ти, боярине, нам скажешь, ми учинимо, а з рук у себе обирания гетьмана видерти не дама: на те пострили рани й люту смерть у битвах з ворогами одважно терпию, щоб дослужити слави й чести в нашем козацьким народи!»

«Если так, паны рада, – сказал боярин: – если вы желаете, чтоб Выговский был у вас гетманом, то пусть будет по вашей воле и по вашим старым обычаям, с тем, чтобы новый гетман присягнул перед крестом и Евангелием, что не будет сноситься с царскими врагами, а поляков будет считать неприятелями, если они не выберут на престол его царское величество, и против турков и иных, кто будет его царскому величеству неприятелем, будет с казаками биться; а потом пусть отправляется в Москву видеть светлые очи его царского величества».

Полковники уверяли боярина, что Выговский всегда был и будет верен царю. Тогда разрешилось наконец загадочное

дело о воеводах. Боярин изложил прежнее состояние Украины, когда в ней не было крепостей, и польские люди, соединяясь с крымцами, приходили войною и опустошали города и местечки; припомнил, как государь прислал своих ратных людей для защиты края и велел устроить в Киеве крепость, и сами казаки хвалили это.

«И теперь, – говорил боярин, – великий государь, желая по христианству, чтоб было все Войско Запорожское в осторожности и в бесстрашии от внезапного прихода неприятеля, изволил учредить своих воевод и ратных людей в знатных городах Малой России: в Чернигове, в Нежине, в Переяславле и в других, где будет пристойно, так же как в Киеве, для вашей обороны. Воеводы и ратные люди будут укреплять города и устраивать осады, а в городах и местечках будут ведать казаков и чинить между ними расправу полковники, и войты, и бурмистры – по вашим правам; а осадных людей в городах будут судить и расправу чинить над ними – воеводы, только также по вашим правам. Те поборы, которые собрались у вас – подымное и с оранд, будут собираться в оных городах в войсковую казну и даваться на жалованье Запорожскому Войску и на царских ратных людей, которые будут с воеводами, да на войсковые расходы».

Боярин доказывал, что такое устройство принесет большую пользу всему краю. «Тогда, – говорил он, – если неприятели и наступят на города Малой России, то Войско Запорожское надежно будет стоять против них; в городах в то вре-

мя будут для береженья воеводы и ратные люди, и не дадут неприятелю пустошить городов и уездов; а сверх того, на то время Войску будет заплата; когда оно пойдет против неприятеля, не будет никакой нужды, и вам всем будет охотнее служить: будете знать, что дома ваши целы и не разорены, – воеводы берегут».

Простые казаки должны были видеть в этом свою выгоду. – Но эти нововведения парализовали власть старшин, потому что отнимали у них распоряжение доходами, которые они собирали как хотели и употребляли в свою пользу. Приходилось согласиться на требование боярина. Постановили быть воеводам в малороссийских городах.

«Но в которых именно городах, – сказал Выговский, – надобно быть воеводам, я сам доложу о том великому государю, царскому пресветлому величеству, когда, Бог даст, буду оглядать его царские пресветлыя очи и принесу вечное свое подданство».

Посол требовал, чтоб казаки, водворившиеся в Литовской Земле, именно: в Старом-Быхове и Чаусах, были выведены оттуда, и пашенные крестьяне, вступавшие самовольно в казачье звание, были обращены в прежнее состояние: московское правительство считало Великое Литовское Княжество уже своим завоеванным достоянием, разместило своих воевод по городам и приписало к ним поветы. Находили, что Быхов принадлежал к оршанскому, а Чаусы к могилевскому поветам, и следовательно, этими городами должны началь-

ствовать воеводы, помещенные в Орше и Могилеве. Полковник казацкий должен выйти прочь, и в Литве не следует быть казачеству.

Приходилось раде безропотно согласиться и на это требование, а оно также сильно щекотало казацкий патриотизм и внушало опасение за будущее: если московское правительство теперь, по своей воле, уничтожило казачество в одном из краев, где казачество уже завелось, то могло впоследствии уничтожить его и в других местах, и так постепенно обрезать территорию, какую казачество успело занять во время войн с поляками. Боярин давал знать, что правительство не хочет слишком сильного расширения казачества и признает его вредным для гражданского порядка. Боярин жаловался, что из соседних краев Великороссии, из уездов: брянского, карачевского, рыльского, путивльского, крестьяне, живущие в имениях вотчинников и помещиков, и холопы бегают в Малороссию, потом приходят оттуда на прежнее жительство толпами, подговаривают к побегу с собой других крестьян и холопов, и нередко отмщают своим господам, если прежде были ими недовольны: набегают на их дома, сожигают их, убивают хозяев и их семейства; иногда они запирали господ в домах, закапывали дома со всех сторон землею, и так оставляли жильцов умирать взаперти голодною смертью. Ясно было, что казачество, которое возникло из восстания простого народа против владельцев, было искушением для соседнего великороссийского простонародья.

«О всех тех людях, – отвечал Выговский, – мы сделаем розыск, и всякий полковник и урядник подвергнется наказанию, если не будет поступать согласно нашему приказанию».

«Великому государю учинилось ведомо, – сказал боярин, – что в Запорожское Войско не однажды приезжал старец Данило, родом из Французской Земли; но он на самом деле не старец, и теперь уже скинул с себя чернеческое платье, и ходит в мирском, – он приезжал сюда от шведского короля лазутчиком и чинит ссору в Запорожском Войске; а потому, как только он приедет, вели, гетман, задержать его и отписать об нем его царскому величеству».

Гетман отвечал на это:

«Мы и прежде не слушали никаких сплетней и теперь не станем слушать. Если же этот Данило станет делать что-нибудь противное у нас, мы его самого отошлем к его царскому величеству».

Боярин, как орган московской власти, выражал и теперь, как делалось прежде, неудовольствие со стороны этой власти за склонность к дружелюбному отношению к шведам, с выговором замечал, что до сих пор не послано от козаков посольства к шведскому королю с объявлением ему неприязни, в случае если он не исполнит требований царя и не примирится с ним, по желанию последнего. Выговский должен был обещать отправить такой отзыв к шведскому королю, с которым втайне вел мирные сношения. В отношении поляков боярин объявил, что война будет неизбежна, потому

что поляки уклоняются от исполнения виленского договора 1656 года, – не думают собирать сейма и рассуждать на нем об избрании на королевство московского государя. Боярин приказывал козацкому войску быть наготове к выступлению на войну, когда придет указ из Москвы о начале военных действий.

«Мы, – отвечал гетман, – готовы идти на польского короля и велели написать универсалы, чтобы разослать козакам, когда будет нужно; желаем сложить наши головы за достоиние его царского величества и против шведского короля, и против каждого царского неприятеля пойдем покорно, по царскому приказанию».

Наконец, боярин заметил Следующее:

«В прошлых годах покойный гетман Хмельницкий подписывался в своих листах от козаков к царю – вечными подданными его царского величества, а ты, Иван, в листе своем к великому государю подписался – вольными подданными; так тебе не годилось писать, и впредь вам подписываться просто – вечными подданными царского величества, а не вольными. Да еще ты писал лист к крымскому хану и не подписался в нем подданным царского величества, а в грамотах к крымскому хану и к султану Калге пишут вас от великого государя царскими подданными и приказывают посланникам говорить, чтоб хан шертовал на том, чтобы не ходить на вас, запорожских козакав и не чинить вам никакого лиха, потому что вы подданные царские; а если б вас царскими

подданными не писать в грамотах к крымскому хану, то на вас бы давно война была».

Ответа на это замечание не дошло до нас; трудно было что-нибудь и отвечать на него.

В соборной церкви святых апостолов произнес гетман присягу, – по выражению того времени, – его царскому величеству прямить и добра хотеть. Выговский увернулся от немедленной поездки в Москву, и боярин из своих рук дал ему булаву, бунчук и царскую грамоту на гетманское достоинство. Украинский летописец говорит, что Выговский расположил к себе боярина угощениями и подарками. С своей стороны, боярин щедрою рукою раздавал царские дары, состоявшие в соболях и рублях, и Выговскому, и всем старшинам, и духовенству, и многим простым казакам, с кем только приходилось ему иметь сношение. 18 февраля уехал боярин с своею свитою из Переяславля.

VI

Во все продолжение времени, когда боярин находился в Переяславле, Пушкарь со своими дейнеками стоял в Гадяче, власть его расширялась на побережье Пела. С ним были: весь Полтавский полк и толпа из Миргородского полка, из Чигиринского и других. Предводитель хотел было идти прямо на Переяславль, но остановился: там был царский боярин, приехавший решить дело о Выговском. Нападать теперь на

Переяславль показалось бы бунтом против царской власти. Притом разнесся слух, что Выговский опять посылает войско на полтавский полк. Полтавцы боялись² если они отойдут далеко на запад и оставят за собою свои места, то противники разрушат их беззащитные жилища. Пушкарь стоял в Гадяче, посылал к Хитрово в Переяславль и просил собрать великорусскую рать и приходить к нему на Лубны: он уверял, будто Выговский намерен напасть врасплох на великороссиян. Он отправил снова козака, по имени Яковенка, гонцом в Москву с доносом, писал сверх того угрожающие вести путивльскому воеводе. Выговский, – уверял он всех, – помирился тайно с ляхами и с Ордою, идет против нашего войска на украинские наши города, хочет взять их, опустошить огнем и разрушить всю Украину, а потом идти на рать его царского величества. Он прибавлял, будто получил от Юрия Хмельницкого извещение, что Выговский изменяет царю. С своей стороны, Григорий Лесницкий, письмом к путивльскому воеводе, указывал на Пушкаря, как на изменника царю; уверял, что он желает разорения православной России и производит смуту, к искоренению святой ве-

² Тогда полковниками, по сведениям из посольских дел, были следующие лица: миргородский – Лесницкий, черниговский – Иоанникий Силич, корсунский – Тимофей Аникиев (?), каневский – Иван Стародуб, белоцерковский – Яков Люторенко, переяславский – Иван Кульбака, ирклевский – Матвей Нацкеев (?), уманьский – Михайла Ханенко, паволочский – Михайла Суличич, нежинский – Григорий Гуляницкий, киевский – Павел Яненко-Хмельницкий; но и сверх того упоминается наказной киевский – Василий Дворецкий.

ры, на радость окрестным неприятелям: татарам, ляхам, волохам, мултянам, венграм, которые всегда угрожают набежать на Украину и разорить ее. Тогда как Пушкарь, обвиняя Выговского в измене, ссылаясь на свидетельство Юрия Хмельницкого, Лесницкий, воспитатель Юрия, изъявлял готовность ехать с Юрием в Москву за гетмана Выговского, если последнему нельзя будет оставить Украины без главы.

Хитрово, который был послан утишить беспокойство утверждением Выговского, возвращаясь назад, виделся с Пушкарем и уговаривал его оставить вражду и пребывать в повиновении у гетмана. Он в то же время уверял в царской милости и Пушкаря, одарил его, как и всех чиновников, подарками и деньгами, и вообще оказывал к нему знаки расположения. Пушкарь старался как можно более очернить своего врага гетмана и уверял, что он изменник и недостоин милостей царя. Боярин терпеливо выслушал эти уверения и все-таки приказал ему оставить возмущение.

«Побачите, – сказал Пушкарь, – який огонь з сего розгоритця!»

Полтавский полковник не оставил своей вражды, и продолжал писать доносы. Московское правительство хвалило его за верность, в которой он уверял, ласкало, но не давало ему перевеса.

Прибыли к нему посланники: стольник Иван Олфимов и дворянин Никифор Волков. Они привезли Пушкарю приказание оставаться в покое и не нападать на гетмана.

«Не я нападаю на Выговского, – отвечал Пушкарь, – а Выговский нападает на меня, – хочет принудить меня не мешать его замыслам; но я, верноподданный его царского величества, не хочу нарушать своей присяги; я замечаю из поступков Выговского недоброжелательство, а потому отделился от его властолюбия и прошу, как себе, так и всем верноподданным – царского заступления и покровительства».

С таким ответом гонцы отправились обратно в Москву. Пушкарь продолжал посылать в Москву донос за доносом и в то же время восстанавливал народ против гетмана.

Гетман был поставлен в неловкое положение. Он видел, что московское правительство, настроенное Пушкарем и запорожцами, не благоволит к нему, хотя и признает его начальником края; Пушкарь и запорожцы, высказывая желание подчинить малороссийский край теснейшей зависимости от Московии, естественно, должны были в Москве нравиться больше, чем Выговский и старшина и вообще партия, стоявшая за местное самоуправление.

Требование ехать в Москву не нравилось гетману. В ожидании его приезда, правительство не приступало ни к каким изменениям: не вводило воевод, не посылало войска. Он понимал, что если поедет в Москву, то должен будет согласиться на всякие условия, какие ему предложат. Мысль отторгнуться от Московии и сойтись с Польшею стала теперь тверже в голове его. Он выжидал только, чем кончатся дела Польши с Швециею, и откладывал свою поездку под благовидны-

ми предложениями. Хитрово писал к нему беспрестанно и торопил ехать. В Путивле готовили ему подводы и провожатых.

Он отговаривался в письме своем тем, что нельзя ему покинуть Украины в смутных обстоятельствах. «Хотя – писал он от 18 марта к отцу своему, с уверенностью, что это письмо покажется воеводе, – окольный его царского величества часто ко мне пишет, но поездка моя замедляется, и я остаюсь в раздумье более от того, что меня со всех сторон извещают: польский король со шведским помирился, и оба государя хотят вместе идти на великого государя; полки подходят к Межибожью; с другой стороны, великая литовская рать подвигается, а тут у нас дома от татар добра не надеяться, – стоят уж на Кисилях с ханскою великою ратью». Заднепровские полковники брацлавский, уманьский, корсунский и другие, собрались в Чигирин и представили, что гетману не следует ехать. «Ума не приберу, как мне и быть, – писал он в Киев, – куда мне повернуться, не знаю».

В Москву поехал Лесницкий, – он оставил полковнический уряд; место его заступил избранный полковник Стефан Довгаль. Это был недоброжелатель поляков, сторонник Пушкиря. Он 7 апреля писал к путивльским воеводам для доставления сообщаемого известия в Москву: «Извещаем вашим милостям, что никогда Иван Выговский к его пресветлому величеству ехать на столицу не думает; везде послов своих порассылал: и туркам, к крымскому хану, и письма татарам и ляхам послал!»

Не надеясь выиграть в Москве, потому что противники его предлагали больше, чем он с своею партией мог предложить, Выговский искал помощи у татар. Первое его посольство в Крым было не; дачно. Запорожцы утопили посла и письмо отослали к царю. Второе – достигло Крыма. Перекопский бей известил гетмана, что и хан соглашается оказать ему помощь. В половине апреля донесли Выговскому, что обещанные татары пришли в Украину. Гетман, в сопровождении старшин, полковников и сотников, отправился на встречу желанным союзникам на берег Ирклея. Прибыл старинный приятель казаков, победитель при Батого – Карабей с ордою, которая – по сказанию одного современника – простиралась до сорока тысяч, а сверх того находилось пятьдесят тысяч, по известиям самого Выговского, с султаном Нуредином у Полтавы.

Оба предводителя выехали друг к другу, и, после приветствий, уехали в уединенное место и там около двух часов разговаривали между собою. Потом они вместе приехали в казацкий лагерь и там, перед собранием чиновников, утвержден был дружественный союз между казаками и крымским ханом. Татары и казаки обязывались помогать одни другим и идти всюду, где бы ни предстояла опасность кому-нибудь из союзников. Козаки целовали крест. Потом отправлялась веселая пирушка с пушечной пальбой; татары не уступали союзникам в употреблении напитков. Вечером Карабей уехал в свой лагерь и двое казацких чиновников сопровождали его;

они отобрали от татар присягу, или шерть, по их закону.

В следующую ночь, если верить Коховскому, Выговский чуть было не лишился жизни, тайный разговор его с Карабеем возбуждал подозрение. В тот же день приехал в лагерь Джеджалы. Природный татарин, он во время беседы услышал такие двусмысленности в разговоре Выговского с Карабеем, которых не поняли другие, но молчал и пил за здоровье Карабея. Выговский, по обыкновению своему, прикинулся пьяным и, после ухода Карабея, лег спать в своем шатре. Джеджалы, сам пьяный, подкрался к шатру гетмана и пустил в него копьё: он думал, что убил Выговского, и выскочивши, кричал: «Лежить собака, що козацькую кров Ляхам да Татарам продае! У чорта тепер гроши личитимеш!» Но гетман был жив, и, понявши, что против него существует заговор, убежал в татарский обоз.

Неизвестно, как расплатился Джеджалы за эту выходку, но с тех пор имя этого сподвижника Хмельницкого не упоминается в истории. Уже он ирклеевским полковником не был и прежде; еще, во время последней переяславской рады, при боярине Хитрово, вместо него полковницкий уряд занимало другое. лицо, какой-то Матвей Пацкеев (Пацько?). Дружелюбные сношения Выговского с Ордою напугали народ, настроенный и без того против гетмана его недоброжелателями. Паволочский полковник Суличич извещал киевского воеводу о соединении гетмана с крымским ханом, о сношении с ляхами. Киевский полковник Павел Яненко-Хмель-

ницкий, наказный киевский полковник Дворецкий, киевские мещане, духовенство и сам митрополит показывали знаки негодования, хотя неискренно, потому что сами принадлежали к партии Выговского. Приезжавшие с разных сторон в Киев украинцы кричали: «уже татары пришли к гетману; скоро и ляхи придут, начнут враги церкви Божии разорять, людей наших в полон погонят». Некоторые письменно изъявили Бутурлину желание, чтобы государь прислал свое войско на помощь Пушкарю и оборонил бы Украину, – иначе ляхи с татарами бросятся и на порубежные московские области. С другой стороны, Бутурлин получал письма в противном духе: излагались жалобы, что москали стоят больше за гетмана, старшину, а не за все Войско; в одном таком письме было сказано: Пушкарь никакой услуги не учинил царю, разве то за услугу считать, что вырезал царских людей над Донцом (факт неизвестный), и теперь пожар загородные дворы, а его люди грабят: однако, он становится праведен с своею злобою, а мы с правдою места не находим; он сродников наших и козакав много побил, и жен и детей их помучил, а у вас чист». Бутурлин послал паскарей гонцов в Москву просить войска, извещал, что Украина в опасности: поляки уже пришли, татары, принимают угрожающее положение, внутри края неурядица. В Москве пришли в нерешительность. В марте приезжал протопоп Максим Филимонов, по поручению гетмана, как говорится в современных московских делах. Он просил, от имени гетмана и всего Войска Запорож-

ского, устроить без отволоки межевание и провести определенный рубеж между малороссийскими городами и польскими владениями. Вместе с тем Максим изъявлял желание, чтоб в знатнейших украинских городах были царские воеводы с московскими ратными людьми. Понятно, что этот человек, старавшийся всеми силами подделаться к московскому правительству, постарался на словах еще более, чем в своих пидьмах, очернить гетмана, старшину и вообще козацких значных людей и наговорить много любезного для Москвы. В последних числах апреля приехал в столицу Лесницкий посланцем от гетмана и всего Войска Запорожского, за ним вслед прибыли и другие гонцы – Бережецкий и Богун с дополнительной просьбою об усмирении мятежников. Малороссияне объясняли, что татары призваны по крайней необходимости, и если бы они не пришли, то мятежники убили бы гетмана и разорили бы весь край. Предложения, которые тогда делал Лесницкий, сообразовались с тем, чего только могло желать московское правительство. Видно, что, желая вооружить московское правительство против Пушкаря, Выговский и его партия решились прельстить москалей такими же предложениями, какие делал Пушкарь: Лесницкий, от имени гетмана и всего Запорожского Войска, просил комиссаров для приведения в строгий порядок реестра, чтоб козаков было не более определенного числа – шестидесяти тысяч; чтоб, таким образом, отбить у мужиков охоту самовольно делаться козаками, ибо от этого происходят смуты и

бунты; вместе с тем он предлагал послать в украинские города воевод и указывал на шесть городов, где удобно пребывать воеводам: Белую Церковь, Корсунь, Нежин, Чернигов, Полтаву и Миргород: «об этом, – говорил Лесницкий, – и гетман, и Запорожское Войско бьют челом пренизко; только тем и может усмириться бунт; но хотя бы великий государь пожелал и в другие города поместить воевод, тем лучше будет для Войска: смиреннее станет. Вот и теперь Богдан Матвеевич Хитрово, уезжая, оставил немного ратных людей, а бунту стало меньше».

Правительство приняло благосклонно посольство и назначило комиссаром для реестрования козаков боярина Василья Борисовича Шереметева; он определялся в Киев на воеводство. и должен был вести перепись по полкам, начиная с тех полков, которые размещаются поблизости к польским границам. В подтверждение известий о неистовствах Пушкаря, Лесницкий привез просьбу от Юрия Хмельницкого. Юрий жаловался, что пушкаревцы разорили его имения, ограбили его людей, некоторых варварски замучили, других взяли в неволю, и просил приказать освободить задержанных.

Несмотря на расположение, которое в Москве оказывали Выговскому и его посланцам, их поступки уже казались подозрительными. На Лесницкого еще в октябре доносил путивльскому воеводе боярину Зюзину селитренный уговорщик, миргородский мещанин Михайла Каленик, что мирго-

родский полковник распускал вести, будто царь хочет прислать своего ближнего боярина Трубецкого и воевод с ратными людьми затем, чтоб в Малороссийской земле уничтожить волю, завести разные подати, уменьшить число козак до десяти тысяч, а остальных повернуть в мещане; тех же, которые не захотят быть в мещанах, обратить в драгуны и солдаты, и по этой; причине гетман и старшина хотят отступить от царя. Такой донос подтверждался и наговорами протопопа Максима, и известиями из Киева; Бутурлин описывал, что делалось на корсунской раде, извещал, что там произносились непристойные речи, и все укрепились стоять за гетмана и за свои прежние вольности, и для этой цели заключили договор с шведским королем, чтоб заодно стоять против кого бы то ни было, если казацким вольностям будут угрожать. В Москве знали и были недовольны, что у гетмана живет Немирич: о нем доносили, что он подговаривает Выговского на всякое дурно. Чтоб изведать подлинно, что делается в Украине, послан был в апреле к гетману стольник Иван Опухтин. Он ехал к гетману с благовидным предлогом: он вез ответ на просьбу. переданную протопопом Максимом о размежевании и назначении границ с Польшею. Гетману поручалось выбрать достойных людей и послать на съезд, который предполагался в Вильне между русскими и польскими комиссарами. Так как еще при Богдане Хмельницком в Малороссии произвело сильное раздражение то обстоятельство, что в 1656 году не допустили казацких послов к сове-

щаниям, то на этот раз давалось положительное уверение, что казацким послам не будет заказа входить в съезжие шатры и вместе с тем была сделана такая оговорка: «а что наперед сего присылал прежний гетман Богдан Хмельницкий на съезд посланцев своих, и те его посланцы были люди незнающие, царские послы имали их на съезд с собою, а они едва приезживали упився, дела никакого не знали, а-все ходили за пьянством и по шинкаркам». Ясно, что Москва сознавала свой промах и старалась оправиться.

Но то был более предлог; Опухтин собственно послан для наблюдения и для этого взял с собою пять человек путивльцев для посылок и дознания; сам он должен был оставаться при гетмане, узнать всю подноготную, поверить, справедливы ли слухи о смутах в Украине и о нетвердости гетмана и сообразно тому, что узнает, говорить с гетманом.

1 мая, прибывши в Чигирин, Опухтин застал гетмана в кругу полковой старшины Чигиринского полка с полковником Карпом Трушенком. Прослушав царскую грамоту, Выговский сказал:

«У нас в войске междоусобие: полтавский полковник собрал самовольцев, призвал к себе кошевого атамана Барабаша с запорожцами – людей быют, города и села жгут, я просил у царского величества милости, много раз писал, чтоб государь велел сократить самовольцев, но государь меня не пожаловал, а ему, полтавскому полковнику, даны Грамоты, а он к ним всякую ложь прилагает. Он послал в Переяславль

и в разные города письма, чтоб все казаки шли к нему на службу, по указу царского величества, идти войною на гетмана Выговского и начальных людей, убивать их или хватать и отсылать к царю, а его царское величество велит их ссылать в Сибирь. Мартын называет меня ляхом и изменником, пишет, что государь дал ему в помочь разных людей своих сорок тысяч, пушки и знамена.

Я посылал к нему посланцев, а он их побил. Я все ждал от государя указа, а указа нет, теперь ждать нельзя более; я потому призвал татар, орду Карабея сорок тысяч и с ними пойду укрощать мятежников».

«Не вели, гетман, ходить татарам за Днепр, – сказал Опухтин, – и сам не ходи, а ожидай указа от великого государя; государь прикажет укротить самовольцев. Государь, по вашему прошению, указал быть в черкасских городах воеводам, а Пушкарю не посылал ни войска, ни знамен, ни пушек: это Мартын затевает; государь хочет, чтоб не было междоусобия и в своих грамотах пишет, чтоб все жили в любви и совете, а у тебя, гетмана, в послушании. А татары – какие доброхоты христианам? где ни бывают, то разоряют.

Ты говорил гетману, что Пушкарю не присылали в полк ни знамен, ни пушек, ни ратных людей, а вот Мартын и Барабаш пишут в разные города и села, чтоб шли, по указу царского величества, на гетмана Выговского и начальных людей, а кто не йойдет, тем угрожают пленом, огнем и мечем. Пишут, что из Белагорода прислано ратных людей сорок тысяч.

Гетман этим письмам верит. Ты гетману правды не сказал. Завтра гетман выступает на Пушкаря и Барабаша, а тебе не велит посылать никого к Пушкарю и самому тебе здесь оставаться в Чигирине».

Опухтин еще раз заверял, что письма Пушкаря и Барабаша затейные. Но это ни к чему не послужило. Гетман выступил на другой день, а Опухтину велено было не выходить из двора; его берегла стража.

Но через два дни Опухтин получил от гетмана письмо, где, между прочим, говорилось: «не думай, друг мой, чтоб я царскому величеству и его людям желал чего-нибудь противного; своевольцы покушаются на мою жизнь, учат людей, убивают детей и. женщин, грабят имущество и прикрываются царскими грамотами и ратью, которая стоит в Белогороде: будто бы его царское величество послал ему ратных людей проливать христианскую кровь. Мы этому не верим: это одна неслава на его царское величество, я же всегда остаюсь верным слугою. и подданным царским. Не кручинься, друг мой, я бы рад был тебя отпустить, да трудно, пока не укрошу своеволия, а как даст Бог укрошу, тотчас же тебя, друга моего, отправлю». После того приходили к нему Павел Тетеря и брат Выговского, Данило, оставленный в качестве наказного гетмана; оба они утешали царского гонца сам гетман еще раз прислал ему любезное письмо; но, тем не менее, Опухтина с его людьми не выпускали из-под. стражи и не позволяли иметь ни с кем сношений.

Но к Выговскому на пути прибыл новый царский посланец, стольник Петр Скуратов: его послали надзирать за поступками гетмана. Скуратов встретил гетмана, когда тот, идя к Полтаве, остановился с войском под Голтвою. Гетман, не выдавшись с посланцем, оставил его в Голтве и велел ждать, пока сам не кончит дела с Пушкарем. Это делалось под тем предлогом, чтобы царский посланец не подвергнулся опасности; но Скуратов объявил напрямки, что прислан государем проводить вестей; что ему велено быть при гетмане и разузнавать, нет ли еще какой смуты в Войске; в послушании ли у гетмана полковники и все казацкие чиновники. Он требовал настоятельно, чтобы Выговский взял его с собою. Вслед затем, не дождавшись ответа, Скуратов поехал прямо к казацкому обозу и дал знать, что прибыл с царскими милостивыми грамотами. Гетман поневоле должен был принять его, но уже плохо скрывал свою досаду.

Посланца ввели в обоз и поместили близко гетман с кого шатра; явился казак и объявил, что гетман зовет его идти пешком в свой шатер, потому что недалеко; посол заупрямился: ходить пешком вообще для знатного человека считалось несообразным с его достоинством. Ему начали седлать коня; как увидел это вводивший посланца в обоз Самойло Выговский, родственник гетмана, то сейчас дал знать, и от гетмана привели лошадь. Около шатра козацкого предводителя встретили посла полковники. Сам гетман выступил несколько шагов из шатра. Посол проговорил перед ним за-

ученную речь, написанную до слова в «наказе», и подал царские грамоты. Их было две. Подавая гра.: моты от имени царя, он спросил о здоровье гетмана и полковников. И гетман и полковники поклонились низко в знак благодарности. Одну грамоту гетман прочел про себя. В этой грамоте извещали его о скором прибытии в украинские города воевод с ратными людьми. Гетману не понравилась эта грамота; он не читал ее в слух, но и не изъявлял неудовольствия, пока дело с врагом еще не кончилось. Другую грамоту Выговский велел читать вслух писарю своему, Груше. Едва только Груша окончил в грамоте длинный царский титул и приступил к делу, Выговский сел на свою походную постель и приглашал сесть гостя. Но Скуратов сказал: «Достоит царского величества грамоту слушать всю со всякою подобающею честью, а не сидя». – «Все у вас высоко», – сказал гетман, и прослушал грамоту стоя. Эта грамота извещала, что Пушкарю посланы убеждения прекратить бунт и пребывать в согласии с гетманом и старшинами. Взяв ее у Груши, Выговский пробежал сам и сказал:

«Этой грамотою не унять Пушкаря, взять бы его самого, да голову ему отрубить, или прислать в Войско Запорожское ЖИВОГО».

«Такая грамота, – объяснял Скуратов, – отправлена была: к полтавскому полковнику со стольником Алфимьевым, и в Запорожье тоже послано, и уже два раза; и со мною прислан тебе, гетману, список для ведома, а, мне велено при гетмане

побыть».

Выговский заговорил сердито: «Давно бы следовало вора поймать и прислать в Войско, как я и писал уже много раз его царскому величеству, – можно было укротить Пушкаря еще до Пасхи; а если не изволят его смирить, то я сам с ним управлюсь: можно было до сих пор его усмирить; целы были бы православные христиане, которые от него безвинно побиты; а я все терпел, все ждал указа его царского величества. Иначе еще зимою я смирил бы Пушкаря огнем и мечом. Я не домогался булавы, – хотел жить в покое, но Богдан Матвеевич Хитрово обещал мне взять Пушкаря и привести ко мне; да не только не привел, но пуще ободрил его, надарил ему соболей и отпустил, и к Барабашу написал. Барабаш теперь с Пушкарем. Мы присягали его царскому величеству на том, чтоб никаких прав наших не нарушать; и в пунктах написано, что государь вольность нам обещает паче того, как было при польских королях, а по нашим правилам следует так: ни к полковнику, ни к кому иному не должно посылать грамот мимо гетмана. Один гетман чищит во всем расправу; а вы всех в гетманы произвели; поидавали Пушкарю и Барабашу грамоты, а от таких грамот и бунты начались. А как мы присягали царю, в ту пору Пушкаря и не было, – все это сделал покойник Богдан Хмельницкий; да и других статей, кроме наших, никто не видал. Не следовало было того начинать. Теперь Пушкарь пишет, будто ему позволено взять на четыре года на всякого козака по десяти талеров на год, а на сот-

ников побольше; будто бы мы завладели шестьюдесятью тысячами талеров, а этого и не бывало! Не впервые к нему такая грамоты посылаются, да Пушкарь их не слушает вовсе».

«Это уже в последний раз! – сказал Скуратов: – подожди, пан гетман, что сделает Пушкарь. Если он теперь не учинит по государевой грамоте, тогда своеволие ему от его царского величества даром. не пройдет, а я останусь и буду ждать».

«Ты, стольник, – сказал гетман, – приехал проведывать, а проведывать тут нечего: все ясно; вестей про неприятеля нет; я иду на Пушкаря и смирю его огнем и мечом. Куда бы он ни убежал, я его там найду и стану доставать; хоть бы он ушел и в царские города, так я и туда пойду, и кто за него станет, тому самому от меня достанется, а государева указа долго ждать. Я перед Пушкарем не виноват; не я начал – он собрался с самовольниками и пришел под Чигирин – Дубраву. Я с ним хочу биться не за гетманство, а за свою жизнь. Дожидаюсь рады; я булаву покину, а сам пойду к волохам, или сербам, или к мультянам, – везде мне рады будут. Великий государь нас прежде жаловал, а теперь верит ворам, которые государю не служивали, – на степи царских людей убивали, казну царскую грабили: тех государь жалует, принимает их посланцев, деньги и соболей им отпускает, а этих бунтовщиков надобно было бы прислать в Войско Запорожское».

Выговский с досадою расстался с царским посланцем; его

очень огорчало то, что посланец открыто возвещал, что приехал смотреть за ним. В тот же день сошелся с ним Самойло Выговский и говорил:

«В Войске Запорожском большое сомнительство: думают, что царь потакает Пушкарю; сам Пушкарь толкует, что во всем Войске были царские воеводы; кричат они, что не замолчат до тех пор, пока воевод не пришлют. А при королях польских было подобное: назначили полковников из ляхов, и при каждом из них было человек по десяти ляхов; зато сделалось возмущение: и полковников и ляхов побили».

Здесь, очевидно, был намек на положение Скуратова; его предостерегали, – хотели, чтобы он сам побоялся оставаться при гетмане.

17-го мая пригласил Выговский московского посланца обедать в свой шатер. Гетман уважительно поднял чашу за здоровье государя, но потом заговорил еще резче, чем прежде:

«Обычай, видно, у вас таков, чтоб все делать по своей воле. Отчего бунты начались?.. Все от ваших посланцев; вот также и при королях польских было: как начали ломать наши вольности, так и бунты стали. Вот и теперь в Колантаеве задержаны наши казаки и сербы, и терпят муку такую, что и невольникам подобной не бывает! Что же, разве не ведает этого его царское величество? Я готов поклясться, что ему хорошо это известно. Михайла Стрынджу зачем отпустили из Путивля? Подержали-подержали, да и выпустили, а его

бы в Войско – вот бы и бунты унялись!»

«Не делом клянешься, пай гетман, – сказал Скуратов; – великому государю неизвестно, что твои казаки и сербы задержаны. Это сделалось без государева указа, и как только твои посланцы пожаловались – сейчас велено было задержанных выпустить и воеводу переменить; а Михайло Стрынджа и его товарищи из Путивля ушли, а не отпущены».

Стольник старался опровергнуть жалобы Выговского, а гетман оставался на своем.

«Тебе нельзя идти со мною, – говорил Выговский: – оставайся в Голтве, пока я покончу с Пушкарем. Ждать нельзя: к Пушкареву совету много черни пристаёт и кое кто из полковой старшины против меня; оставайся в Голтве, – я пойду и буду тебя извещать».

В то время возвратился из Москвы Лесницкий и извещал, что царь принял его отлично; а Пушкаренкова посланца Искру велел задержать в Москве. Прибыл к Выговскому новый царский посланец, стольник Василий Петрович Кикин. Он пытался примирить обе стороны. Выговский присягнул, что не будет мстить никому из противников, если они покорятся, и прежде, чем приступил к Полтаве, отправил еще раз последнее увещание к полтавцам и хотел этим показать перед царским посланцем, что он не прочь исполнить миролюбивую царскую волю, да не хочет Пушкарь. Гетман желал доброго здоровья старшине, черни Полтавского полка и всем запорожцам, находящимся при Пушкаре. «Мы не знаем до сих

пор, — писал гетман, — с какого повода запорожцы вышли из Запорожья, пришли до Кременчуга и других городов, чинят похвалки на Войско наше, обещаются грабить пожитки наши и убивать нас. Только и слышно о беспрестанных убийствах; мы долго терпели, но теперь должны защищать жизнь свою и идем на вас вовсе не для пролития крови, как заверяют вас старшины ваши, а для усмирения своевольства. Ваши старшины достали себе какие-то грамоты, возмущают и обманывают вас, простых людей; у нас теперь есть список с грамоты, что прислал государь к Пушкарю с дворянином Никифором Хрисанфовичем Волковым; пришлите двух своих товарищей прочесть ее, — уверитесь, что царское величество не соизволяет никакому своевольству, а повелевает вам, так как и нам, жить между собою в любви и соединении; из того правду нашу можете понять, что царское величество милостиво и ласково принял и отпустил посланцев наших: Прокопия Бережецкого, Ивана Богуна и миргородского полковника Григория Лесницкого, с почестью отпустил, а Искру с товарищами за неправду велел задержать в столице. Что не хотим пролить крови, можете видеть из того, что мы задержали своевольных и непослушных людей, и не убивали никого, а храним их. Сам Барабаш свидетель нашей кротости и рассудительности. Хотя он и много дурного наделал, однако, мы не лишили его маетностей, как он лжет на нас, а напротив, хлебом и деньгами дали ему вспоможение; так и никому из вас не хотим мстить; оставьте только ваши затеи и не

слушайте старших своих, которые ложно вам пишут, будто бы от царя прислана за четыре года заплата у Войска, а мы будто удержали ее себе, и вам не даем; старшины ваши полковые у себя в руках имели за те годы винные и табачные аренды и все доходы Полтавского полка, а мы ничем не корыстовались, и теперь вам ничего возвращать не можем: когда не хотите терпеть никакого зла, так присылайте скорее товарищей; а если этого не сделаете, то уже после вам времени не будет, потому что война начинается».

Товарищи не прибыли с покорностью. Говорили, что Пушкарь готов был помириться, но запорожцы удержали его, к ним пристали и полтавские козаки, по наущению Довгаля. Произошла первая стычка пушкарцев с гетманскими людьми, неудачная для первых: гетманцы отняли два знамени и литавры, и Выговский всем обозом подвинулся к Полтаве.

Скуратов оставался в Голтве. «Не кручинься, прошу твою милость, – написал к нему Выговский с похода, что ты оставлен в Голтве, ибо как верить врагам царского величества? Я оберегаю тебя, чтоб ты не попал в их руки. Я послал увещательное послание к бунтовщикам: не знаю, что из того выйдет; но если покорятся, то все будет им прощено: я не так скор на кровопролитие, как Пушкарь, и если мы помиримся, то сейчас же извещу тебя и отпущу к его царскому величеству».

Скуратов остался на несколько дней, прислушивался к на-

родному говору и замечал полное раздвоение: одни хвалили Выговского, друте Пушкаря, но вообще простой народ, чернь явно склонялась на сторону последнего. Простые козаки бегали толпами из войска Выговского. Козаки местечка Голтвы, в виду царского посла, упрямылись и не хотели идти с Выговским на Пушкаря; гетман только тем и принудил их, что обещал сжечь и разорить местечко, если они не послушают. «Куда я ни ехал, – писал Скуратов в Москву, – с кем только ни говорил, козаки на этой стороне Днепра желают, чтоб государь прислал в города своих воевод и ратных людей; но заднепровские не того желают: «Пушкарь, – говорят они, – хочет, чтоб были в Украине государевы воеводы: никогда этого у нас не будет, мы не допустим!»

В последних числах мая Выговский разместил Орду в ущелье в Сокольем-Байраке; потом с козаками и немцами пошел ближе к Полтаве, оставил немцев в долине Полузори, а сам с козаками и с многочисленным обозом отправился еще далее, и, приблизившись к самой Полтаве, растянул свой обоз в виду города, между селениями Жуками и Рябцами на полугоре, так что возы бросались в глаза.

Пушкарь не решался было выходить и предпочитал застать в Полтаве и отражать неприятеля; но дейнеки взбунтовались: кричали, что войска у Выговского очень мало, укоряли предводителя своего в трусости и требовали, чтоб он вел их на неприятеля. Голоту соблазняли возы в обозе Выговского, – голота не предвидела, что Выговский рассчиты-

вал именно на это желание овладеть возами и для того выставил их напоказ.

1-го июня, на рассвете, Пушкарь вышел, из Полтавы. Войско Выговского тотчас же разбежалось во все стороны. Голота бросилась на возы: там были бочки с горилкою: «тут, – говорит летопись, – они не надеялись конца своему счастью!»

Того только и хотел Выговский. Он прибежал в долину Полузори, двинул вперед немцев, а сам побежал в Соколы-Байраки за Ордою.

Немцы исполнили свое поручение худо. Дейнеки отколо-тили им бока дубинами и прогнали, а сами опять принялись за горилку и перепились мертвецки.

Тогда Выговский и Карабей ударили на них с татарами. Барабаш заранее отступил и ушел с своими запорожцами. Пьяная голота не в силах была не только защищаться, но даже двигать руками и ногами, и вся погибла под татарскими саблями.

Пушкарь держался до последней минуты: умолял, заклинал, грозил... все было напрасно; негде было взять столько воды, чтоб протрезвить несчастное войско! Наконец какой-то козак, желая прислужиться Выговскому, умертвил полтавского полковника, отрубил мертвому голову и принес к ногам победителя.

Выговский вошел в Полтаву: половина города была тогда же разорена и сожжена. Полтава, – по замечанию летописца, – удаленная от войны в продолжение сорока девяти лет,

со всем окрестным краем находилась в цветущем состоянии, а после посещения Выговским не скоро оправилась. Татары рассеялись по окрестностям, жгли селения, умерщвляли людей, насиловали женщин. Так продолжалось четыре дня, пока, наконец, Войско не взволновалось: козаки стали укорять Выговского за позволение Орде разорять отечество. Кикин припоминал ему данную клятву. Тогда Выговский сказал, что охотники могут остановить своеволие крымцев. Хотя татар было много, но так как они разбились на отряды или загоны, то козаки отбирали у них и пленников, и награбленную добычу; и татары, оказавшие Выговскому помощь, возвратились ни с чем. Выговский не боялся раздражить их, потому что всегда мог перед ханом сложить вину на своевольных козаков. Пробыв несколько дней в Полтаве, гетман вновь организовал Полтавский полк и назначил над ним полковником Филона Горкушу.

В то же время Гуляницкий усмирил волнение в Лубнах. Хотя лубенский полковник Швец держал сторону Выговского, но простые казаки и пороолитые пристали к Пушкарю, и Швец поневоле должен был исполнить общую волю. Когда Гуляницкий подошел к Лубнам, жители заперлись, – Швец убежал. Город был взят приступом. Народ в беспамятстве бежал, спасаясь от враждебной партии; множество потонуло в Суле. Миргородского наказного полковника Довгаля сами миргородцы, опасаясь участи Лубен, схватили и арестовали; выбрали другого – Козла, и объявили себя за Выгов-

ского. Оттуда Гуляницкий пошел к Гадячу и также взял его. Мятежная голота бросала свои рогатины и дубины и просила пощады, втайне оплакивая своего защитника. Некоторые еще собирались в отряды и напрасно искали счастья. Так сотник Полтавского полка Михайло Зеленский и какой-то Дзюк собрали полторы тысячи гультаяев, преимущественно из работников на винокурнях, и напали на Глухов. Они объявляли, что у них есть царский указ, который повелевает им убить сотника, войта и знатных людей в Глухаве и ограбить их достояние. Они показывали какую-то писанную бумагу, завернутую в лубок. Глуховцы им не поверили и вступили с ними в бой. Сто пятьдесят человек пало в битве. Зеленский с четырьмя товарищами попался в плен и был расстрелян. Дзюк с остальными убежал в Великороссию, но был схвачен в Путивле.

VIII

Гетман хотел отпустить Скуратова, но посланник, исполняя наказ, оставался при нем и объявил, что будет сопровождать его назад в Чигирин. Это не понравилось Выговскому. Когда обоз двинулся назад и дошел до местечка Манжелика, явился к гетману козак-белоцерковец с письмом от белоцерковского полковника: полковник извещал его, что в его город приехал из Москвы воевода, и за ним вслед будут наезжать по городам воеводы, как прежде было сказано. Между

тем гетман хотя и дал согласие на воевод боярину Хитрово, но, разумеется, притворно; он тогда должен был согласиться: дело шло о том, быть ли ему самому избранным или нет. Поэтому-то он отложил это дело до приезда своего в Москву. Теперь, победив своего главного неприятеля, Выговский решил не удерживать более затаенного нерасположения к москалям и заговорил с послом язвительно и резко:

«Видишь ли, твоя милость: приехали воеводы – приехали опять заводить бунты. Белоцерковский полковник пишет, что Бутурлин из Киева известил его: воевода в Белую Церковь назначен, а я еще в Киеве говорил: пиши, пиши, Андрей Васильевич, да сам берегись».

«Не за дело, пан гетман, сердитуешь, – заметил ему Скуратов, – ты сам писал к великому государю, чтоб в государевых черкасских городах были воеводы!»

«Нет, – сказал гетман, – я этого никогда не просил; я писал к великому государю, чтоб мне прислали тысячу человек драгунов, да тысячу человек солдат – усмирить бунтовщиков, да на Москве смеются над моими письмами. Павел Тетеря и Федор все мне рассказали. Посланцев моих задерживают в Москве, а Ковалевский говорил, что ему сказывал Артамон Матвеев, будто великий государь не хочет, чтоб я был гетманом. Вам, видно, надобно гетмана по вашей воле, – такого гетмана, чтоб взять его за хохол, да и водить, как угодно!»

– «Если, – возразил Скуратов, – тебе нужны были ратные

царские люди, отчего же ты не взял их у окольного и воеводы князя Григория Григорьевича Ромодановского? Да и с окольным Богданом Матвеевичем Хитрово были ратные люди: ты мог взять у него. Неправду говорят тебе твои посланцы, будто их задерживают: сами они мешкают по своим делам, да отговариваются, – хотят себя чем-нибудь оправдать. Поезжай, пан гетман, в Москву: сам увидишь к себе царскую милость. Ковалевский лгал тебе, что ему Артамон говорил, – Ковалевский хотел тебе прислужиться. Артамон не станет таких речей говорить. Если б великий государь не хотел тебя иметь гетманом, так не послал бы к тебе и грамот на подтверждение гетманства; великому государю известно, что ты вернее многих в Запорожском Войске».

«Мы, – говорил Выговский, – воевод не просили у государя; я не знаю о воеводах».

– «Как же, пан гетман, – возразил Скуратов, – ты не ведаешь, когда со мною, же доставлена тебе великого государя грамота и в этой грамоте извещали тебя, что скоро отпущены будут воеводы и ратные люди? Сказано было, чтоб ты написал во все государевы города и велел принимать воевод и ратных людей честно, и давать им дворы и всякое споможенье. Ты взял эту грамоту, прочел ее и ни слова мне тогда не говорил про воевод. Воеводы и ратные люди едут сюда для вашего же обереганья и защиты!»

«Я никогда, – говорил Выговский с возрастающею досадою, – не просил, чтоб в Белую Церковь присылали воеводу.

Я не писал об этом, к государю. Воевода как приехал, так пусть и едет. Я не велю ему ничего давать. Если уж пришлось приезжать сюда воеводам государевым, так они ко мне, к гетману, должны были приехать, а потом уже разъехаться по малороссийским городам, куда я сам их назначу; а как же они, минуя меня, гетмана, по городам едут? Это все для одной смуты. Не надобны нам воеводы и царские ратные люди! Вон, в Киеве не первый год государевы люди с нашими людьми киями бьются, а как пришлось управляться с самовольниками, так я и без государевых воевод и ратных людей управился. А государевы люди где были? С Пушкарем! Как был бой с мятежниками, так наши немцы взяли у них московский барабан!»

«Да я же сам, – возражал Скуратов, – был с тобою вместе на бою против Пушкаря под Полтавою и не видал государевых людей, а только козака там видал. Хоть бы одного убитого москаля из наших украинских городов ты мне тогда показал! А что сказываешь, пай гетман, про барабан, так это вовсе и не барабан, а бубен: такие у нас бывают у медведников. А хоть бы и в самом деле настоящий барабан был, так что ж тут такое? Малороссияне ездят в царствующий град Москву и в разные города, приезжают и покупают, что им надобно. Заказу на то никогда нет. Людей же царских не было с Пушкарем ни одного человека».

«А зачем же украинные воеводы, – говорит Выговский, – моих изменников и своевольников у себя укрывают? и те-

перь их довольно в Змиеве и в Колонтаеве: воеводы их держат и не выдают мне. Наши бездельники наделают здесь дурна, да и бегут в московские города, а там их укрывают! А от нас требуют, чтоб мы государевых злодеев отдавали! Теперь я объявляю вам: не стану отдавать ваших злодеев, что к нам прибегают из московских городов; воевод к себе не пущу в города. Как государевы воеводы с нами поступают, так и мы с ними будем поступать. Государь только тешит меня, а его воеводы бунты против меня поджигают; в Москве ничего не допросишься. Теперь я вижу, что под польским королем нам хорошо было: к нему доступ прямой, и говорить можно все, о чем нужно, и решение сейчас скажут».

«Ты, гетман, говоришь, при королях польских вам было хорошо: только вспоминая об этом следовало бы вам плакать. Тогда все благочестивые христиане были у ляхов в порабощении и терпели всякие насилия и принуждения к латинской вере, и между вами униатство множилось. А как вы стали в подданстве у великого государя, так теперь и благочестивая вера множится на хвалу милостивому Богу и вам на бессмертную славу, и милостию царскою вы от приятелей оборонены; надобно вам милость царскую к себе знать, и не говорить таких высоких речей. Негоже говорить, что тебе воеводы ненадобны и не станешь выщавать царских изменников: это ты чинишься царскому указу непослушен».

«Я, – сказал Выговский, – рад служить верой царскому величеству, а воеводы и ратные люди мне не надобны: – от

них только бунты начнутся».

Тогдашний тон речи гетмана был до крайности странен, после того как Лесницкий в Москве именем гетмана и всего Войска просил присылки воевод. Лесницкий сам предлагал сделать перепись в козацком Войске; теперь старшины были этим очень недовольны.

«Не надобно, не надобно воевод! – кричал Богун: – жен и детей наших приехали переписывать! Да и ты, стольник, едешь к нам в Чигирин, кажется, воеводою: ну, смотри, нездорово будет!»

Оскорбленный посол просил Выговского унять Богуна. «Перестань! – сказал последнему гетман: – это не теперешняя речь!»

Скуратов попробовал было напомнить гетману, что он обещался ехать в Москву, и теперь, кажется, пришла пора, когда бунты усмирены. Гетман отвечал: «Нельзя мне ехать к великому государю ударить ему челом: бунтов в Войске новых опасаясь».

17-го июня прибыл Скуратов с гетманом в Чигирин, и видел каждый день возрастающую к себе холодность и даже презрение. Пред его глазами приезжал крымский посол подвигать Выговского воевать вместе области Ракочия, и Выговский отправил к хану посольство; вслед затем приехал польский гонец Стрелковский и известил, что скоро приедет знакомый козакам посол Ян Беневский. Скуратов четыре раза посылал к гетману просить свидания, но гетман не допус-

кал его к себе и приказал ему сказать, что ему нечего делать в Чигирине. Гетман вежливее обращался с Опухтиным, потому что последний хотя в сущности и приехал наблюдать за ним, но, по крайней мере, имел благовидный предмет своего приезда – насчет выбора людей в порубежную комиссию. По прибытии в Чигирин, Выговский позвал его 26 июля к себе и говорил:

Полтавский полковник Мартын Пушкарь да Запорожский атаман Барабаш учинили было в Войске Запорожском междуособие, бунт и убийства. Но Бог не потерпел этого и смирил их такую же казнью, какую они чинили другом: одни убиты, а другие с Барабашем ушли; их много; мне известно, что они убежали в украинные города его царского величества; пусть великий государь меня пожалует: кажет самовольцев, какие объявятся, прислать в Войско, да также прислать сюда и пушкаревых посланцев – Искру с товарищами. Пусть также великий государь покажет мне милость: из малороссийских городов козаки и мещане убегают в украинные города его царского величества, – а иные селятся вновь на государевой земле, да оттуда приходят в малороссийские города и производят здесь бунты и междуособия; с Мартыном Пушкарем было много таких; наделавши здесь зла, они убегают в украинные города и слободы, а наши города и села становятся пусты. Пусть государь велит об этом учинить свой указ, чтоб кого-нибудь на границу прислать, и я для того же приеду на границу, где указано будет. В том пусть ве-

ликий государь на меня не прогневается, что ты с Никифором Волковым задержаны так долго в Чигирине; нельзя было скоро сделать выбора на комиссии, и потому нельзя было тебя отпустить, а Никифора Волкова нельзя было отпустить гонцом к государю оттого, что кошевой атаман Барабаш со своевольниками убили бы его на дороге вместе с моими провожатыми. Теперь же мы выбрали на комиссию Павла Тетерю и бывшего киевского полковника Антона Жданевича.

Опухтин представил, что носятся слухи, будто поляки хотят выбрать в короли Леопольда венгерского и чешского, и это поведет к войне с царем; поэтому великий государь велит гетману быть наготове с войском и сообразить, на какие польские города удобнее будет наступать войною. На это гетман уверял, что в Польше выбора короля не будет, что это ему вполне известно, а что касается до войны, то он об этом рассуждал с старшиною и все приговорили, что, в случае войны, следует идти прямо на Варшаву.

«По указу великого государя, – сказал, между прочим, Опухтин, – велено тебе татар отпустить, а я слышал здесь, в Чигирине, что крымский хан вышел и ты хочешь с ним идти войною на венгерского короля и для этого прислан к тебе Мустафа-ага... Турский султан, – сказал Выговский, – велел крымскому хану послать ко мне послов, чтоб я дал людей своих на венгерского короля Ракочу, а если не дам, то, управившись с Ракочею, пойдут войною на малороссийские города, так я, подумавши, дал им вольных людей; кто захочет

идти, тот пусть идет, а сам я без указа его царского величества не пойду и войска не пошлю невоглею: стану на границе, чтоб татары не учинили какого-нибудь дурна черкасским городам».

«Великий государь, – возразил Опухтин, – велит Войску Запорожскому быть готовым на польского короля, на службу его величества и ожидать указа, а на венгерского короля идти людям не давать воли; угрозу турецкого султана и крымского хана бояться нечего. За помощью Божиею Войско Запорожское под державою великого государя, и он, великий государь, его царское величество, вас от тех неприятелей оборонит».

Что замечание не понравилось гетману; Выговский ничего не отвечал на него, и потом сказал: ты можешь взять лист и ехать из Чигирина. 23 июня он был отпущен. На прощанье Выговский изъявил сожаление, что не получил благословения от патриарха; а гонец заметил ему, что он обещал быть в Москве – видеть царские очи, и когда приедет, тогда получит благословение от патриарха.

Между тем, прибыл в Киев новый воевода, боярин Василий Борисович Шереметев с 1159 человек драгунов и с 413 стрельцов. Бутурлин. простился с Украиною, где его полюбили: он умел как-то ладить с народом, и хотя и при нем ратные люди часто спорили и дрались с туземцами, но он не по-такал им. Боярин Шереметев приехал в Украину с понятиями своенародного превосходства силы – с высокомерием.

Число недоброжелателей увеличилось...

«Василий Борисович, – говорил Выговский одному игумену, который передавал его слова боярину Ртищеву, – не только сажает мещан всяких в тюрьму, но обижает козаков и духовных: пахвалется отбирать церковные имущества, и, вдобавок, меня знать не хочет, ни во что почитает и сам гетманом именуется».

Подозрительный, он начал видеть измену; не нравился ему и Великой России вольный дух украинцев; стал он поступать с ними, как привычен был в Великой России; выставл свою власть, говорил, что он старше гетмана.

Еще он и осмотреться хорошенько не успел, а уже вызвал всеобщее недоброжелательство.

У гетмана возникла ссора и с Ромодановским. Уже после поражения Пушкаря Ромодановский вступил в Украину и расположился в Прилуцком полку; Барабаш находился у него; с ним были некоторые другие подвижники пушкаревой партии: Довгаль, Семен писарь (он находился под видом арестованного, а в самом деле на воле). Выговский почел эти поступки за противодействие себе. Выговский жаловался, что Ромодановский, пришедши в Украину, не ссылается с ним, с главою страны. Ромодановский, почитая себя старше гетмана, обвинял Выговского, что гетман к нему не являлся. Гетман говорил, что Ромодановский похваляется схватить его и притащить к себе: «нельзя жить иначе, как окружив себя татарами, – говорил гетман. Выговский писал

к царю и жаловался, что к нему от царя не присылают ответа. «Победив Пушкаря, – говорил он, – я сейчас же написал с дьяком Василием Петровичем Кикиным, а мне ничего не сказали; или жалобы мои не доходят, или что-то другое тут делается – не знаю и не приберу ума: по указу ли царскому делают мне обиды Шереметев и Ромодановский или нет». По просьбе Выговского о выводе войск Ромоданавскому велено было выступить, – он оставил часть войска в городах; у ратных людей с жителями начались ссоры и драки; гетман потворствовал народному нерасположению, как только случилось этому чувству прорываться против москалей. Когда миргородский полковник Козел известил его, что в Гадяче стали великорусские ратные люди, Выговский позволил ему выгонять их силою и биться с ними, как с неприятелями. По обычаю, пограничные воеводы отправляли своих людей в Украину проведывать вестей; прежде такие молодцы ездили безопасно, а теперь их стали ловить и сажать в тюрьмы. Украинские молодцы Северной Земли шайками стали набегать на пограничные великорусские села Севского уезда, грабить и жечь...

IX

В Польше к 10-му июля собирался сейм. «В настоящее время, – писал король в оповестительном универсале, – для нас нет ничего желаннее примирения с московским госуда-

рем и соединения польской державы с московскою. Виленская комиссия может достаточно служить доказательством нашего расположения к этому. Мы созываем генеральный сейм всех чинов Королевства Польского, преимущественно с целью утверждения дружественной связи с народом московским и соединения обеих держав, дабы вечный мир, связь и союз непоколебимого единства образовался между поляками и москвитянами – двумя соседними народами, происходящими от одного источника славянской крови и мало различными между собою по вере, языку и нравам. Поручаю чинам королевства размышлять о средствах такого соединения, дабы народ московский, соединенный с польским, получил право старинной польской вольности и свободного избрания государей».

Казацкий гетман и старшины послали из Украины депутатов на этот сейм, как будто для того, чтоб. заключить заранее с Польшею союз, обеспечивающий Украину; чтобы впоследствии, когда Московия и Польша соединятся, и Украина могла бы вступить в это соединенное государство с своими правами. – Послом в Варшаве был обозный Тимофей Носач с товарищами. Выговский в то время приказал всем казакам быть в вооружении.

Между тем, из Варшавы донесли царю его послы, что, в противность договору с Хмельницким, казацкие послы прибыли в Варшаву, и для поддержания царской чести они не хотели вступить ни в какие переговоры с поляками, пока не

вышлют казацких депутатов; паны цринуждены были удалить козакав в предместье. Через несколько времени царь получил новое донесение от послов о совершенном нежелании поляков избирать царя на престол; послы приписывали эту перемену влиянию казаков.

В самом же деле, когда Тимофей Носач был допущен к королю, то требовал, от имени всей Украины, чтобы Польша, согласно данному обещанию, даровала корону Алексею Михайловичу, а права Украины обеспечила на будущее время особым с нею трактатом. Носач выражал свои требования с жаром и даже грубо. Паны отвечали, что присланы будут особые комиссары для заключения договора с Украиною. Депутаты сейма, обнадеженные возможностью присоединить Украину к Польше, прервали, под предлогом повальных болезней, заседания и ограничились единственно тем, что обещали московским послам назначить комиссию для рассуждения: на каких началах могут обе державы приступить к соединению. Царские послы поняли, что поляки только хотят протянуть время.

Поляки деятельно хлопотали, чтоб преклонить Выговского и всю Украину к соединению с Польшею. Хитрый Беневский беспрестанно переписывался с гетманом, со старшинами, держал в Чигирине агента, львовского мещанина грека Феодосия Томкевича, который вкрался в доверенность к полякам и казакам, беспрестанно ездил из Украины в Польшу и обратно, и служил посредником между козацким правитель-

ством и Беневским. Сначала Выговский, по-видимому, подавал полякам такую же неверную надежду, как и покойный Хмельницкий. После избрания его король, послал к нему поздравление; Выговский благодарил, но не показывал охоты к возобновлению подданства Польше. Гнезненский архиепископ написал ему, что вольному народу с вольным удобно соединиться. Выговский в ответе своем соглашался, с таким, однако, замечанием: «по Божиему устройению, ни один из наших союзников не оказал такого благородства, как царь московский, не лишающий нас милости». Он казался стоек и тверд в сношениях с поляками, не хотел уступать Пинска, отдавшегося Хмельницкому, и грозил войною, когда поляки выгнали оттуда казачий гарнизон.

Мало-помалу все изменялось. Весною неутомимый Беневский писал, что надежды его оправдываются; что казаки не уживаются с Москвою и приписывал это своим трудам. К сожалению, неизвестны все проделки, какие употреблял этот ловкий дипломат, чтоб внушать Выговскому и казачьим старшинам ненависть к московскому правительству. Знаем только, что поляки рассылали по Украине воззвания и писали разным лицам письма, где пытались напугать старшин разными опасностями, грозящими из Москвы. Несомненно, что склонность к соединению с Польшею усиливалась вместе с теми недоразумениями, какие возникали с Москвою.

В половине июня Выговский отправил к Беневскому Тетерю, самого ревностного приверженца поляков; писал, что от-

рекается от союза с царем и, в случае надобности, готов с татарами идти на царя. Что касается до Беневского, то этот видимый благоприятель Украины, расточавший казакам самые мирные, самые лестные обещания, в письме своем коронному гетману изъяснял, что необходимость заставляет вести переговоры, но, конечно, лучше было бы, если б можно привести козакав во власть Польши оружием, без всяких трактатов.

Новые сборища остатков партии Пушкаря и Барабаша зашевелились на левой стороне Днепра, Враги Выговского искали содействия у Ромоданавского и у пограничных украинских воевод; между тем, гетманская политика склонялась к решительному союзу с Польшею, и Выговскому надобно было опасаться, что как скоро в Москве узнают об этом, так сейчас войско двинется в Малороссию. Гетману нужно было поговорить о важном деле с народом на генеральной раде. Гетман, – в августе, разослал по всем полкам приказания, чтоб все были в сборе, в вооружении и готовились в поход. Между тем, московское правительство хотя знало о волнении умов в Украине, но приписывало его проискам поляков и показывало прежнюю доверенность к гетману. Из Москвы послан был к Выговскому новый посланец, подьячий Яков Портомоин с подарками и милостивым царским словом. Он прибыл в Чигирин 9-го августа. В царской грамоте, поднесенной Выговскому, объявлялась ему похвала за верность, предостерегали гетмана и козаков не верить пре-

лестным письмам, которые рассылают поляки по Украине и в них клеветуют на московских бояр и воевод, желая произвести ссору.

Но подьячий увидел, что ветер уже сильно переменился. На его дружелюбные речи гетман отвечал, что он рад служить государю, потом выразился в таких словах:

«Из разных мест пишут мне полковники и сотники, и есаулы, что воевода Василий Борисович Шереметев и князь Ромодановский присылаются к нам в Малороссию для того, чтоб меня известь. В разных местах по Украине ратные люди полку князя Ромодановского убивали наших людей, чинили грабежи и разорения; сам князь Ромодановский принял к себе в полк Барабаша и Лукаша, и иных врагов моих. Когда я просил помощи против Пушкаря, государь не послал мне, а как я управился с Пушкарем сам, так тогда и войска пришли, для того, чтоб укреплять своевольников, да новые бунты заводить! Я не хочу ждать, пока ратные люди придут на нас войною. Иду сам за Днепр со всем козацким войском и с татарами! Буду отыскивать и казнить мятежников; а если государевы ратные люди вздумают заступаться за них или сделают какой-нибудь задор в нашем малороссийском крае, то я молчать не стану; и буду биться с государевыми войсками, если они станут укрывать мятежников; и в Киев пошлю брата своего Данила с войском и с татарами: велю выгнать оттуда боярина Шереметева и разорить город, который был состроен по указу его царского величества».

«Об этом, – возразил ему посланец, – тебе, гетману, и мыслить нельзя, не токмо что говорить: боярин Шереметев и окольный князь Ромодановский посланы были по твоему челобитью. Нечего тебе верить письмам твоих полковников и сотников, и есаулов. По государеву указу, ратным людям учинен заказ, чтоб они никаких задоров не делали и никого не обижали, и если б что такое сделалось, так тебе бы, гетману, об этом писать к великому государю, и его царское величество велел бы сыскать, и про то учинить свой указ по сыску; а когда ты собрал войско, да призвал татар, так это значит: ты преступаешь священную заповедь и нарушаешь крестное целование».

«Много я писал, – отвечал Выговский, – и послов своих не раз посылал, а теперь только и осталось мне, что идти с войском да с татарами».

В это время, как бы на обличение гетмана, боярин Шереметев прислал гонца с письмом приглашать Выговского на свидание.

«Уж не один раз ко мне пишет боярин, – сказал Выговский, – о том, чтоб нам сойтись, да времени нет. Вот как полки соберутся, тогда и разговор у нас будет».

Царского посланца отпустили на квартиру. Вслед затем приехал другой гонец из Москвы, Федор Тюлюбаев, спрашивать: что значит, что Войско Запорожское вооружается и против кого?

11-го августа гетман выехал из Чигирина. К Портомоину

явилось шесть человек с ружьями и объявили, что гетман послал их держать стражу у двора московского посланца. Вслед затем привели на тот же двор Тюлюбаева и поместили, вместе с Портомоиным, под караулом. Но караул был не крепок. Вероятно, гонцы имели возможность переговариваться с проходящими, получать и передавать вести. 30-го августа, по приказанию гетмана, присланному в Чигирин, явились на дворе, где сидели гонцы, мещанский есаул и два бурмистра с отрядом козаков. Взяли обоих посланцев и с ними провожатых из Путивля, обобрали у них платье и лошадей, повели в гетманский двор, заковали в кандалы и приставили стражу. «И терпели мы, – доносил Портомоин, – и голод, и всякую нужу, а корма нам давали мало. Три недели сидели мы в кандалах, потом нас расковали, и развели по дворам, и сидели мы там под караулом, как прежде».

Между тем, в начале августа Ромоданавский препроводил Барабаша под стражею в Киев к Шереметеву – как после объяснили – для того, чтоб предать его войсковому суду. Московское правительство считало его виновным и не хотело предоставить его без войскового суда мести Выговского. На дороге, уже недалеко от Киева, в местечке Гоголеве, когда сотенный отряд, правожавший Барабаша, стал на ночлег, вдруг напал на него козацкий отряд черкесского полка под начальством черкасского полковника Джулзя. Несколько детей боярских были побиты, другие ограблены, некоторые разбежались; сам начальник конвоя Левшин попался в

ПЛЕН С БАРАБАШЕМ. Их посадили на телеги и умчали в Переяславль. Выговский велел Барабаша везти за Днепр в обозе, чтобы предать суду казацкой рады.

Около этого времени, как рассказывали, случилось будто бы следующее происшествие: – Говорили, будто по Днепру плыл гонец из Москвы с грамотою к киевскому воеводе Шереметеву. Козаки схватили его и привели к Выговскому.

На казацкой раде прочитана была перехваченная грамота. В ней – по уверению современных польских летописцев – было написано, что Выговский и старшины хотят изменить царю, и предписывалось Шереметеву тайно схватить неблагонамеренного гетмана с соумышленниками и под стражею отправить в Москву. Это, без сомнения, выдумка, и если Выговскому, попало в руки что-нибудь подобное, то скорее это было произведение интриги. Грамота была подложная.

«Это еще не все, – говорил казакам гетман, – перебежчики из московского войска сказывали, что царь хочет послать на нас свои силы и истребить все казачество, оставить всего на все только десять тысяч».

Раздались крики негодования.

«Чего ще маемо ждати? Ходимо до громади и до оборони самих себе и старшини, присягаймо един другому лягти, ратуючи панив полковникив и старшину».

Выговский воспламенял такой дух, выкативши казакам несколько бочек горилки.

Выговский потянулся с войском к восточным пределам

малороссийского левобережного края. А между тем, рассылались универсалы по всей Украине возбуждать народ к восстанию против москалей.

Настроенные против москалей, казаки стали везде задерживать, грабить и оскорблять великороссиян, где только встречали в своей Земле. Тогда между казаками были молодцы, что без всякого повода готовы были пограбить и посяевольтничать над человеком; и теперь, конечно, такие люди были рады случаю, когда своевольтство их не только могло пройти даром, а еще допускалось. Не было ни. прохода, ни проезда: «и твоих государевых проезжих всяких чинов людей по дорогам черкасы побивают, а иных задерживают и отсылают к гетману Ивану Выговскому», – доносили в Москву пограничные воеводы.

Брат гетмана, Данила, по поручению гетмана, покусился взять Киев; с ним были полки: Белоцерковский с полковником Иваном Кравченком, Паволоцкий с знаменитым богатырем времен Хмельницкого Иваном Богуном, Брацлавский с Иваном Сербином и Поднестрянский с Остапом Гоголем. Им не удалось подступить к городу так; чтоб москали не узнали об этом прежде. 16 августа казаки и татары напали на московских солдат и драгун, которые были посланы в лес для острожного и волового дела. Некоторые из последних были убиты, а другие, раненые, прибежали в Киев с известием, что на город идет ратная сила. Шереметев с товарищами имел в ремя приготовиться к обороне. Киевский полков-

ник Яненко обещал под присягою быть верным царю. Киевские мещане изъявляли перед Шереметевым свою верность и просили, чтоб им позволили войти в город, когда подойдут казаки. Они, по-видимому, не ладили с казаками Киевского полка и говорили, что казаки хотели, чтоб они копали вал на Щековице, но они не послушали их.

Через несколько дней полки Белоцерковский, Брацлавский и Поднестрианский прибыли к Киеву и стали за две версты от города за рекою Лыбедью. Московские подъездчики известили об этом воевод. Шереметев послал Михайла Свищаву спросить, что значит эго прибытие.

«Мы – отвечал Свищаву Кравченко – пришли по приказанию гетмана Выговского; с нами еще татар нет; но скоро придет Данила Выговский, а с ним и татары будут».

Вслед затем пришел Богун с своим полком, а за ним, 23 августа, и Данила Выговский с казаками, левенцами и татарами; всех войск у него, по известиям московских воевод, было до двадцати тысяч.

Тотчас киевские мещане показали себя иными и вместо того, чтоб идти в город, стали переправляться на днепровские острова. Когда Шереметев послал к ним спросить, что это значит, они отвечали, что повинуются гетману Выговскому. Шереметев еще прежде требовал от них пушек, которые передали городу еще при Хмельницком после дрижипольской битвы князя Куракин и Волконский; мещане отвечали, что у них нет их, а потом отдали эти пушки киевско-

му полковнику. Киевские мещане не терпели москалей, потому что имели, более чем другие малороссы, частые столкновения с ратными людьми и желали, чтоб этих гостей от них выгнали.

Киевский полковник, увидя проход своих товарищей, зашел в посад и стал вести приступ из Киселева Городка (с Киселевки). Данияю Выговский с прочли полковниками и татарами напал на город от Золотых Ворот.

На обоих пунктах не посчастливилось украинцам. Стрелецкий голова Иван Зубов сделал смелую вылазку и выбил Яненка из Киселева Городка. Главное московское войско, находившееся в Киеве, отбило казаков и татар от Золотых Ворот.

Тогда Выговский и полковники ушли к Печерскому монастырю, стали там обозом, а ночью на 24 августа стали копать шанцы в двух местах против Печерских Ворот. С другой стороны Яненко опять сделал нападение от Щековици, где у него был обоз, против земляного нового вала на северной стороне.

И в этот день не посчастливилось украинцам.

Шереметев послал конных и пеших (пешие были под начальством иноземца Фанстедена), выбили их из шанцев, взяли несколько знамен, много пленных, бунчук, войсковую печать и пушки. Много беглецов потонуло в Днепре. Сам Выговский, раненый, едва спасся и уплыл на лодке по Днепру.

Яненко был отражен от вала князем Юрием Борятин-

ским, товарищем Шереметева, потерял знамя, был сбит с лошади, и ушел в свой обоз на Щековице; но посланные стрельцы и солдаты достигли до этого обоза и разгромили его; разогнанные козаки бежали во все стороны и многие утонули в Почайне.

Победителям досталось сорок восемь знамен, двенадцать пушек (из них три железных, а прочие медные), двенадцать затинных пищалей и три бочки пушечного пороха.

Сто пятьдесят два человека пленных стали просить пощады. Мы поневоле шли на бой – говорили они, – пусть великий государь нас пожалует, не велит казнить; Ної будем служить верно и свою братью станем приводить на то, чтоб гетмана не слушали; мы, вместе с чернью, перебьем старшину, которая нас приводила насильно на бой.

Их отпустили, обязавши присягою исполнить то, что обещали, и присовокупили им такое нравоучение: – ска, жите всем, кто послушает гетмана Выговского и будет подходить к Киеву и другим городам, на тех великий государь пошлет ратных людей и велит побить их и жен, и детей их, и дома их разорить.

Царь Алексей Михайлович похвалил своих воевод за то, что они милостиво обошлись с пленными. Мещан снова привели к присяге.

Выговский жаловался, что после того Шереметев начал разыскивать, мучить, рубить головы – по подозрению, и вообще преследовать непокорный дух. Отец Выговского, Ев-

стафий, приятель Бутурлина, с семейством убежал в Чигирин. Шереметев сжег Борисполь, близ Киева, где, как узнал, собиралось ополчение.

Когда, таким образом, разыгралось неудачное покушение отнять столицу южнорусского края у москалей, Выгонский пошел к Гадячу, под предлогом преследовать и карать мятежников и своевольников, которые в этих местах снова воскрешали пушкаревскую партию, — с ним были татары и польский отряд. С ним ехали польские послы Беневский и Евлашевский с инструкциею для заключения союза. Немирич был устроителем согласия.

Х

Когда войско достигло местечка Камышни, 31 августа прибыл новый царский гонец, дьяк Василий Михайлович Кикин, уже бывавший прежде у Хмельницкого и у Выговского. В Москве узнали уже о вооружении, о пахвалках на великороссийские войска, и новый гонец ехал уже не так, как злополучный Портомоин с милостивым словом, а с выговором и с упреками.

Первая встреча показывала новому послу, как идут дела у козаков. К нему явился поляк и объявил, что будет у него приставом. Но, тем не менее, соблюдены были все почести. Когда посол ехал к гетману на свидание, выстроена была пехота и стреляла на честь; Кикин заметил после, что пехота

была плохо и худо одета. Высланный к нему отряд Чигиринского полка в двести человек сошел с лошадей; все кланялись, а полковник говорил приветствие. Другая встреча ожидала его далее: ее отправлял Ковалевский. Когда посол приблизился к шатру гетмана, – на третью встречу к нему вышел Немирич: присутствие такого лица и участие в делах не обещало хорошего.

Гетман из Камышни перешел в Липовую-Долину, и там принял посла торжественно, в шатре, окруженный полковниками, сидевшими около своего предводителя кругом. Дьяк подал увещательную грамоту, и Выговский пригласил его сесть возле себя. Несмотря на неудовольствие, которое и было поводом посольства, дьяк от имени государя спросил гетмана о здоровье.

Дошло до переговоров о делах.

– Посланник спросил от имени царя: на какого неприятеля собрались вы с такими силами казацкими и татарскими?

Гетман роптал, что после усмирения Пушкаря его приверженцы нашли покровительство у Ромодановского.

«Барабаш, – говорил Выговский, – именуется себя гетманом, при живом гетмане, окольник Ромодановский величает себя великим князем, а боярин Шереметев погубил безвинно много православных душ и пожег христианские церкви. Боярин Василий Борисович меня зазывал к себе, чтоб погубить; это я знал, и не поехал к нему, а послал на разговор брата своего Данила и в предостережение дал ему несколько

цолков, именно для того, чтоб боярин не учинил какого-нибудь зла. Так и случилось. Боярин неожиданно напал ратью; и Данила, и многих козаков, и мещан побили. Глуп мой Данило, не умел отделать их! Зато я пошлю на боярина войско, и со всеми его людьми прахом выкину из Киева!»

«Как же, – говорил дьяк, – ты, гетман, это говоришь, не боясь страшного владыки херувимского? Своими устами читал ты присягу на Евангелии и целовал крест быть до смерти верным царскому величеству и никакого лиха не замышлять, а теперь поджидаешь татар, идешь на помазанника и своего благодетеля, который вас денежною казною наделял так щедро, что не можно и вместить, и воинству своему повелевал кровь свою проливать за вас! Блюдитесь же, чтоб вам не навести на себя за преступления праведного Божия наказания;! Вот то, что мне прилучилось слышать о Киеве, это – пример, что Бог свыше зрит на неправду и мстит за нее!»

«Мы от руки его царского величества не отступили, – сказал гетман, – а воеводы его, Ромоданавский да Шереметев, много нам зла наделали: и права наши поломали, и церкви Божии пожгли, иноков и инокинь, и христианския души невинно погубили! Мы за то будем им мстить и управляться с ними, пока нас самих станет. Как и при королях польских мы за свои права стояли, так и теперь будем стоять!»

Дьяк заметил: «Это не дело подданных – управляться между собою самим, воздвигать междоусобную брань и проливать кровь. Василий Борисович. Шереметев и князь Гри-

горий Григорьевич Ромоданавский – люди честные и великородные; не годится их так бесчестить, а если б что от них и было, то можно послать бить челом государю нашему. и ожидать его указа; а того и помыслить страшно, чтоб, собравшись с врагами креста Христова, нападать на людей его царского величества и воздавать злом за добро, на радость латишикам и бусурманам! А лучше вам, вспомня свое обещание пред Евангелием, отстать от злых дел и неправд, распустить войска свои и отпустить татар, вперед с ними не ссылаться и не чинить соединения».

«Этого и в мысли нашей нет, – сказал гетман, – чтоб, не управляясь с неприятелем, да разойтись по домам и татар отпустить; не токмо татар и турок, и ляхов сюда притянем!»

«Так если вы задор учините, – сказал дьяк, – то его царское величество пошлет на вас многия свои пешие и конные силы, и будет разоренье самим от себя!»

«Мы писали уже к его царскому величеству, а государь не показал нам своей милости, – не изволил прислать нам бунтовщиков, и окольников Ромоданавскому за его неправды никакого указа не дал; так мы, посоветовавшись с старшиною, идем на бунтовщиков и на тех, кто стоит за них!»

«Князь Ромоданавский отправил уже Барабаша в Киев, чтоб отдать его на войсковой суд».

«Барабаш уже в моих руках!» – сказал Выговский.

«Зрадлива Москва, – сказал черкасский полковник Джулай, – дала Левшину наказную память, чтоб Барабаша везли

с великим береженьем: это значит, чтоб мы его не отбили, да не взяли!»

«Не годилось бы вам делать такие грубости и Барабаша отбивать: и без боя отдали бы его тебе; а написано в наказе: везти с береженьем – не от вас, а от таких своевольников, как сам Барабаш. Вы жалуетесь что воеводы ваших бунтовщиков укрывают, а нежинский полковник зачем это держит у себя вора, у которого за воровство уши порезаны? Он-то его на всякое дурно подводит. Вам бы прислать его к его царскому величеству, да и вперед не принимать таких в оров».

«С чего это взяли? – сказал Гуляницкий: – у меня такого московского беглого человека нет. и не бывало!»

Еще принялся дьяк истощать свое красноречие, убеждая оставить неприязненные действия. Но гетман повторил то же, что прежде говорил.

«Не враги мы царскому величеству; а боярам, которые нас от царской милости отлучают, будем мстить! Довольно. В другой день потолкуем, а мы пока со старшиной посоветуемся».

Тем и кончилось это интересное свидание. На другой день, 3 сентября, пришел к дьяку Немирич и сказал:

«Гетмана известили, что Шереметев послал своих москалей жечь и разорять города и местечки: в Борисполе всех людей побили; прямо на Переяслав отправил воевода полковника Корсака; мучат православных христиан разными муками. Пошли к нему, чтоб он перестал так поступать».

«Я не смею, – сказал дьяк, – писать к нему: он боярин и воевода и наместник белозерский, человек честный; – за это мне быть у его царского величества в опале».

Затем дьяк начал просить отпуска.

«Правду скажу: и я, и многие из нас не чинили бы этого, да гетман страшит нас смертью и муками; да и все казаки в Запорожском Войске видят, что гетман великое разоренье делает: видят, да терпят, – боятся татарской сабли».

4 сентября царского посла пригласили в шатер к Немиричу. Там сидел гетман и несколько полковников. За день перед тем привезли в обозе скованного Барабаша. По известиям, сообщенным перед тем тайно послу от одного козака, Барабаш под пыткой сказал, что он гетманом назывался по своей охоте, а вовсе не по наущению Ромодановского, и ему никаких грамот не присылаю от царя. Но теперь гетман послу сказал так:

«Открылось нам вот что: как мы с войском и с крымскими татарами пошли на бунтовщиков и злочинцев наших, то царское величество, услыша об этом, приказал бунтовщика Барабаша послать в Киев – будто бы отдавать его в Войско Запорожское на войсковые права, а на самом деле для того, чтоб гетман приехал в Киев, и тут бы Шереметев гетмана схватил. Барабаш так говорит: можешь его спросить. Да еще видно немилосердие к нам царского величества: перебежчики из московского войска говорили нам, что сами слушали царскую грамоту, прислаиную к Ромодаиовскому, – велено

чинить промысел над гетманом и старшиною: всех переловить и побить».

«Как это вы Бога не боитесь!.. выдумываете такую неправду на его царское величество, когда великий государь прислал меня к вам с своею милостью? Яшка Барабаш говорит воровски, затевает с досады, чем бы гетмана от милости государевой отлучить; и простой человек рассудит: какое уж добро говорить вору и изменнику, на смерть осужденному! Незачем, мне видеть Барабаша: с таким вором мне и говорить не годится».

После того Немирич пригласил посла к гетману на обед.

Когда обедали, Барабаш стоял у полы шатра, прикованный к пушке.

«Что делается в Белгороде? – спрашивал его Выговский, пируя с гостями: – много ли ратных людей в Белгороде?»

«Богато людей», отвечал Барабаш.

«Это Барабаш на ссору наговаривает, – заметил дьяк: – в Белгороде. людей немного».

Гетман пил чашу государеву. Пили гости. Барабаш стоял на поругание перед гостями в злополучном виде.

5 сентября опять позвали дьяка к гетману:

«Говоришь ты, гетман, – сказал дьяк, – что царского величества воевода Ромодановский и ратные люди, будучи в Запорожском Войске, козакам и крестьянам учинили обиды и насильства, и разорение, а мне случилось видеть твой лист к Богдану Матвеевичу Хитрово: ты просил его бить челом

государю, чтоб его царское величество приказал Ромодановскому с ратными людьми выступить из черкасских городов только потому; что своевольство у вас укрепилось и утруждать войска нечего. Там ты не писал о насильствах и разореньях, а теперь говоришь мимо истинной правды, будто тебе делаются от них насильства и обиды! Вскладывать напраслину и затевать неправду от Бога грех и qt людей стыдно!»

Гетман на это отвечал:

«Когда я писал письмо к Богдану Матвеевичу Хитрово, мне не было подлинно известно о тех невыносимых несправедливостях, какие делали войска; а как мне стало ведомо про все насилия и грабежи, и разорения, и убийства, тогда я, посов етовавшись с старшиною, призвал татар и пошел на отмщение своих обид, и буду биться, пока нас всех стан ет!».

Дьяк начал расточать прежние убеждения, напоминал о присяго, о единоверии, о царской милости, и просил, по крайней мере, удержаться: от неприятельских действий, пока придет царский указ.

Гетман отвечал:

«Неудобно нам с большим войском стоять на месте. У нас не заготовлено припасов, – войско будет делать тягости мещанам и пашенным крестьянам».

Дьяк снова начал убеждать и страшал козаков гневом Божиим. После долгого упорства гетман, наконец, сказал:

«Хорошо, я напишу с тобою к его царскому величеству и буду ожидать царского указу от сего числа три недели и

четыре дня».

«Так скоро? Я за дебелистью своею не успею!» – сказал дьяк.

«Более четырех недель мы ждать не будем, – сказал гетман: – и после четырех недель начнем биться с князем Ромоданавским и с изменниками своими, которые поселились в новых городах. Да еще вот что – как лист мой гетманский придет к государю, так принимает его посольский думный дьяк Алмаз Иванов, а государю кажет не подлинные листы, а списки с них; сам думный дьяк Алмаз Иванов недоброхотен ни мне, ни Войску Запорожскому, и я думаю, что он к великому государю вносит несходные с подлинными листами списки. Я сам, как был писарем при Богдане Хмельницком, то, бывало, кто мне недруг и о чем-нибудь пишет гетману, так я читаю гетману не то, что писано, нарочно, чтоб гетмана рассердить на того, кто пишет. Пусть его царское величество пожалует гетмана и все Войско Запорожское: не велит ведать листов наших думному дьяку Алмазу Иванову, а поручит кому-нибудь другому из ближних людей; да чтоб государь велел перед собою читать подлинные мои листы, а не списки».

«Думный дьяк Алмаз Иванов, – объяснял Кикин, – по милости его царского величества, человек честный, навичный книжному учению и многим философским наукам; ему вручены и паверены от государя все грамоты от разных христианских и бусурманских государств; не для чего ему быть к

тебе и к Запорожью недоброхотным и не годится тебе так бесчестить думного палатного человека его царского величества».

«Мне мои посланцы сказывали», – говорил Выговский.

«Посланцы твои, – сказал дьяк, – пьяницы и баламуты, – на ссору тебе говорят, не хотя видеть тебя в милости. у его царского величества. Будь надежен на милость великого государя нашего, не прельщайся на злохитрые прелести и не верь ссорным и смутным речам».

С этим словом дьяк вышел от гетмана.

По приходе в свой шатер, явился к нему войсковой Федор Лобода с Чигиринским козаком Коробкою. Он был ему знаком издавна по прежним его поездкам в Малороссию.

«Гетман, – сказал Лобода, – положил тебя отпустить, а полковники, корсунский Краховецкий, да черкасский Джулай, да Павел Тетеря приговаривают тебя отдать татарам, а татары докучают об этом беспрестанно, но гетман отговаривается, сказывает, что отправит тебя в Чигирин на работу – делать город. Всей измене у нас заводчик Павел Тетеря: он все нынешнее лето проживал в Корце с ляхами и с ними сговаривался, как бы освободиться из-под власти царского величества».

На другой день явился Немирич и потребовал Кикина к гетману на отпуск. Гетман отдал ему свое письмо к государю и изъявил желание, чтоб, государь умилосердился и оказал справедливость.

«О справедливости, – сказал дьяк, – бей челом государю через своих посланцев, а войско распусти по домам и татар отпусти».

«Войска я не распущу и татар не отпущу, а буду ожидать указа царского величества от настоящего дня четыре недели»..

Посол поклонился и вышел. В тот же день приехал сотенный отряд и выпроводил его не на прямую дорогу, а в Миргород. Подозрительно это казалось и. давало достоверность тому, что говорил Лобода, но посла уверяли, что это делается для предостережения от татар.

XI

Между тем произошло следующее: 6-го сентября (18 н. с.) под Гадячем собрана была рада. Посреди очищенного места (майдана) сидели старшины, полковники, в своих праздничных нарядах, каждый с своим знаком. Выговский, с булавою в руках, ввел в собрание польских комиссаров – Беневского и Евлашевского.

«Войско Запорожское, – сказал Выговский комиссарам, – изъявляет желание вечного мира и соединения с Речью Посполитой, если только услышит от господ комиссаров милостивое слово его королевского величества».

Комиссары поклонились. Беневский начал говорить:

«Высочайшее существо, по воле своей возвышающее и

уничтожающее царства, укоренило в сердце каждого из нас врожденную любовь к отечеству, так что где бы кто ни скитался, а всегда хочется ему домой воротиться. Вот, я думаю, теперь так сделалось с Запорожским Войском, когда оно именем своим и своего гетмана обратилось к его величеству королю Иоанну-Казимиру с желанием верного подданства, и просит его, покровительства себе и всему русскому народу. Это хорошо вы делаете, паны-молодцы: дай Бог, чтоб из этого вышло счастье для общего нашего отечества. Вот уже десять лет, как, словно две матери за одного ребенка, спорят за Украину два народа: поляки и, москали. Поляки называют ее, своею собственностью, своим порождением и членом, а москали, пользуясь вашею храбростью и вашим оружием, хотят завладеть чужим. Трудно нам удержать одному кому-нибудь за собою одно неразделимое тело; мы хотим разрубить или разодрать его пополам и присвоить себе по половине: оттого гибнет край ваш, пустеют поля; сеет москаль ненависть между вами и нами на плодородных полях Украины, утучняет их кровью христианскою, а враг душ человеческих, черт проклятый, нарочно нас к тому подзадоривает для погибели нашей... Истинно скажу вам, паны-молодцы: Божьею благодатью так случилось, что мы, сами себя ударивши в грудь, познали грехи ваши и отпустили друг другу наши вины. Сам Бог открыл вам глаза на то, чтоб сбросить ярмо неволи и возвратиться к старинной свободе. С какою отеческою любовью, с какою радостью наияснейший король

услышал о прибытии ваших послов – этому и я был свидетель, и они сами то же вам скажут. Теперь нас присылает к вам целая Речь Посполитая, – просит она вас, паны-молодцы, соединиться с нами, чтоб вместе спасти отечество, вместе славы добывать, вместе миром утешаться. Вы теперь попробовали и – польского и московского правления, отведали и свободы и неволи; говорили: не хороши поляки; а теперь наверно скажете: москаль еще хуже! Что приманило народ русский под ярмо московское?.. Вера? – Неправда: у вас вера греческая, а у москаля – вера московская! Правду сказать, москали так верят, как царь им прикажет!³ Четырех патриархов святые отцы установили, а царь сделал пятого и сам над ним старшинствует; чего соборы вселенские не смели сделать, то сделал царь! Вы своих духовных уважаете, а москаль распоряжается, как хочет, духовным управлением: митрополитов отрешает, как с Никоном недавно поступил; священников и монахов в неволю берет, как недавно поступил с отцом Ипатием; достояние алтарей и храмов забирает на свои нужды. Это так поступают в духовных делах, а в мирских что делается?.. того под польским владычеством вы и

³ Нет необходимости распространяться в опровержениях против фальшивого взгляда, умышленно составленного, в этой речи Беневского, под влиянием национальной злобы. Историческое знание у нас развито настолько, что всем, без сомнения, известно, как о единстве греческой и русской Церкви в XVII веке, так и о неизменности ее древних уставов и постановлений. Как можно было сказать, что цари установили патриаршество вопреки церковному порядку, когда оно было установлено согласием других патриархов?

не слышали. Все доходы с Украины царь берет на себя; установили новые пошлины, учредили кабаки, бедному козаку нельзя уж водки, меда или пива выпить, а про вино уж и не вспоминают! Но до чего, паны-молодцы, дошла московская жадность? Велят вам носить московские зипуны и обуваться в московские лапти! Вот неслыханное тиранство! Чего после этого ждать? Прежде вы сами старшин себе выбирали, а теперь москаль вам дает, кого хочет; а кто вам угоден, а ему не нравится, того прикажет извести. И теперь уже вы живете у них в презрении; они вас чуть за людей считают, готовы у вас языки отрезать, чтоб вы не говорили, и глаза вам выколоть, чтоб не смотрели... да и держат вас здесь только до тех пор, пока нас, поляков, вашу же кровью завоюют, а после переселят вас за Белоозеро, а Украину заселят своими московскими холопами! Так вот, пока есть время, нечего медлить: спасайте себя, – соединяйтесь с нами: будем спасать общую отчизну! И возвратится к нам и зацветет у нас свобода; и будут красоваться храмы святынею, города богатыми рынками; и народ украинский заживет в довольстве, спокойно, весело; будет земледелец ухаживать за своею нивою; пасечник за своими бортями; ремесленник за своим ремеслом; убийства, грабежи, несправедливости будут наказываться без пощады. Никого не станут принуждать к рабству: строгий закон не допустит панам своевольствовать над подданными. У нас теперь общее дело – мы вас, а вы нас от беды избавим; и Бог будет с нами, а черт шею сломит! Чего еще

медлить? Отчизна взывает к вам: я вас родила, а не москаль; я вас вскормила, взлелеяла, опомнитесь, будьте истинными детьми моими, а не выродками!»

– «А що! – вскричал Выговский: – чи сподобалась вам, панове молодци, рация его милости пана комисара?»

«Гаразд говорить!» – закричали козаки.

Выговский поклонился комиссарам и в кудрявой речи изъявил от имени всего Запорожского Войска благодарность за внимание короля.

После взаимных комплиментов и обычных церемоний, гетман отобрал из каждого полка комиссаров для заключения трактата с польскими комиссарами. Тогда были сочинены и написаны статьи, известные под названием гадячских. Они касаются четырех предметов: государственного значения Украины, внутреннего порядка, веры и просвещения.

Украина, – т. е. Земли, заключавшие тогдашние воеводства: черниговское, киевское и брацлавское (нынешние губернии: полтавскую, черниговскую, киевскую, восточную часть волынской и южную половину подольской), – объявлялась вольною и независимою странюю, соединенною с Польшею под именем Великого Княжества Русского, на правах Великого Княжества Литовского, тах что Речь Пасполитая должна была образовать союз равных между собою и одинаково свободных республик – Польской, Литовской и Русской, под управлением короля, избранного тремя соединенными народами. Все три народа должны бы=ли общими

усилиями завладеть берегами Черного моря и открыть по нему свободную навигацию; все три народа должны помогать друг другу в войнах, не исключая войны с Москвою, в случае, если царь московский откажется воротить принадлежавшие Речи Поспалитой земли. Если же бы Москва соединилась с Польшею, договор о целости Великого Княжества Русского, со всем его устройством, должен был сделаться коренным законом, и тогда Царство Московское вошло бы в этот союз славянских народов, как четвертое соединенное государство. Великое Княжество Русское отказывалось от всякого особого сношения с иностранными державами.

Внутри Великого Княжества Русского все должно было носить вид самобытного государства. Верховная законодательная власть должна истекать из национального собрания депутатов, избранных жителями трех воеводств, вошедших в Великое Княжество Русское; исполнительная – должна находиться в руках гетмана, избранного пожизненно вольными голосами сословий и утвержденного королем. Гетман вместе был верховным сенатором трех воеводств и гражданским правителем Великого Княжества Русского. Великое Княжество Русское должно иметь свой верховный трибунал, куда будут поступать для решения дела из низших судебных инстанций и производиться на русском языке; свое государственное казначейство, куда единственно могли поступать все доходы и поборы с украинского народа и обращаться единственно на потребности Великого Княжества Рус-

ского; — своих государственных сановников или министров, канцлеров, маршалов, подскарбиев (министров финансов) и других, какие окажутся нужными, свою монету и свое войско, которое должно будет состоять из тридцати тысяч и более (по усмотрению) козакав и десяти тысяч регулярного войска; как то, так и другое должно состоять под командою русского гетмана, и никакое другое войско не могло быть введено в княжество без дозволения русского правительства, а если б представилась для этого крайняя необходимость, то оно должно состоять под командою гетмана. В договоре не было написано правильных условий относительно прав владельцев на тех, которые будут жить на их землях, кроме того, что воспрещалось владельцам держать подле себя надворные команды. В числе статей относительно внутреннего порядка возникающего Великого Княжества замечательно то, что гетман во всякое время мог представлять королю козакав для возведения их в шляхетское достоинство, с условием, чтобы из каждого полка число кандидатов не превышало ста человек. Из этого видно, что у составителей договора было намерение возвысить все казацкое сословие и уравнивать его с шляхетским, но постепенно. Это возведение, при тогдашнем положении дел, могло коснуться со временем и посполства, ибо казаки пополнялись из посполитых. По мере того, как казаки будут получать дворянское достоинство, на их места будут поступать в казаки из посполитых.

Относительно веры положено было унию, как веру! произведшую раздор, совершенно уничтожить не только в крае, который входил в новое государство, но и в остальных соединенных республиках, польской и литовской; так что в Речи Поспалитой должны быть две господствующие веры: греко-католическая и римско-католическая. Духовенство восточной веры оставалось с правами своей юрисдикции, имущества его были неприкосновенны; все церкви, отобранные католиками и униатами, возвращались православным; повсюду дозволялось строить новые храмы, монастыри, духовные школы и богадельни, прекращалось всякое стеснение вероисповедания, и в знак почести митрополит и пять православных епископов: луцкий, львовский, перемышльский, холмский и мстиславский – должны были занять места в сенате наравне с римскими епископами.

Составители договора не позабыли просвещения. Положено было в Великом Княжестве Русском завести две академии с университетскими правами: первая была киевская коллегия, долженствовавшая сделаться университетом; вторую следовало основать в другом месте, какое признается удобным. Профессора и студенты должны будут отрекаться от всякой ереси и не принадлежать к протестантским сектам арианской, лютеранской и кальвинской. Кроме этих двух академий, должны быть учреждены училища в разных местах Великого Княжества Русскою, смотря по потребности, без ограничения их числом. Позволялось каждому, ко-

му угодно, везде заводить типографии: объявлялось совершенно вольное книгопечатание, даже и относительно веры можно было писать всякие возражения и мнения бест препятственно.

При составлении договора уничтожение унии было щекотливым вопросом. В тайной инструкции, данной послам, поручалось им сколько возможно отстаивать унию и меньше давать силы православному побуждению против нее. Послы должны были обходить вопрос об унии, указывать казакам, что это дело может рассматриваться только на всеобщем съезде духовенства и что этот съезд непременно состоится по воле короля и за ручательством Речи Посполитой. Так как вместе с вопросом об унии связывалась отдача церковных имений, то комиссарам в тайной инструкции предписывалось всеми силами стараться не отдавать имений, перешедших в униатские руки, и только в крайнем случае позволялось согласиться на отдачу таких имений, которые, по ясному праву, окажутся принадлежащими дизунитам; а как скоро возник бы спор о принадлежности имений униатам, либо дизунитам, тогда такие имения должны оставаться в руках действительно владеющих ими в настоящее время. Комиссары должны были доказывать, что несправедливо будет, не выслушав голоса той стороны, которая уже пользуется имениями, отнимать у нее то, что она давно привыкла считать своим достоянием. Очевидно, здесь скрывалась цель — никогда не отдавать требуемых имений: стороне, владеющей

таким именем, стоило только подать просьбу в суд, дело затянется, и православная сторона с своим правом на возврат своего имени никогда бы его не получила в самом деле. Условие – оставлять имена в руках настоящих владельцев, если они станут защищать свое владение судебным порядком, поворачивало весь вопрос в пользу униатской стороны; это было даже высказано в тайной инструкции таким выражением: проволочка времени может помочь нам. Комиссары никак не должны были соглашаться на совершенное уничтожение унии; даже уступать православным право признавать собственностью своей церкви духовные имущества и отыскивать их комиссары могли не иначе, как с условием, что казаки от себя пошлют посольство к папе и станут просить его содействовать к утверждению всеобщего религиозного согласия в Речи Посполитой. Послы должны были действовать как можно хитрее с казаками (*utendum est artificiis*). Но уния была так ненавистна, что едва комиссары заговорили об этом предмете, тотчас увидели, что нет никакой возможности согласиться с русскими, как пожертвовать унией. И они взяли на свою ответственность это важное дело.

При чтении договора на раде, вероятно, собранной из немногих, ибо простые казаки по большей части не знали ничего о том, что происходило, – по известию современника, – поднялись возражения и требования чрезвычайно разнообразные и до того запутанные, что казаки сами не понимали, чего хотели, так что один и тот же предъявлял требова-

ние, а через несколько минут изменял свое мнение и требовал противного. Только одно требование было ясно и упорно высказываемо: русские хотели расширить объем своего княжества и присоединить к нему воеводства: волынское, – подольское, русское, бельзское (т. е. остальные части нынешних губерний: волынской и подольской), и Червоную Русь, – страны, где народ говорил южнорусским языком и где правили прежде русские князья. Комиссары спорили упорно; дело начало было расходиться, но Выговский и его приверженцы кое-как успокоили волнение. По известию современников, всех более оказал тогда влияние Тетеря. Его простонародные выходки, – говорит современный писатель, – более подействовали на казаков, чем философские аргументы других.

«Эй! – кричал он весело: – згодимося, панове молодци з Ляхами – бильш будемо мати; покирливе телятко дви матери ссеть».

Старшины начали вторить этому замечанию, и толпа, указывая пальцами на Тетерю, закричала:

Оттой всю правду сказав! Згода! згода! згода!

Комиссары, отпраздновавши мировую с казаками едою и питьем, уехали к королю с радостною вестью об успехе, обдаренные старшинами, и долго слышали они за собою пушечную пальбу, возвещавшую, – говорит современник, – примирение с поляками, как еще недавно она возвещала о непримиримой к ним ненависти. Выговский уверял козаков, что по этому договору они будут произведены в шляхетство

(дворянство).

На возвратном пути послы встретились с Кикиным, который ехал на Лохвицу, чтоб повернуть другим путем назад к московской границе. Послов провожали Тетеря и есаул Ковалевский, недавно еще перед Кикиным поносивший поступки гетмана, а теперь отправившийся вместе с Тетерею, которого обвинял в предательстве, послом к польскому королю с засвидетельствованием ему покорности. Сошедшись с одним шляхтичем, москаль всеми силами хотел допытаться, от кого и с чем приезжало посольство это, но шляхтич уверял его, что сам ничего не знает.

Выговский двинулся к границам, вошел в московские пределы, стал под городом Каменным и отправил к воеводам требование, чтоб ему выдали бунтовщиков, которые скрываются в пограничных московских городах. У путильского воеводы он домогался возвращения своих врагов, братьев Залог, и показывал вид, что стоит, дожидаясь возвращения Кикина из Москвы, который должен был привезти решительный ответ. В случае неудовлетворения, гетман грозил нападать на великорусские города и вести войну. Некоторые из его приближенных советовали ему немедля идти войною прямо на Белгород, а оттуда на Путивль; но большинство было против этого, в особенности после первых неудачных попыток: в конце сентября козаки напали было на городки Каменное и Олешню, но великорусские ратные люди отразили их с уроном. Из Глухова партии козаков наскაკивали на ве-

ликорусские соседние деревни, но были также отбиты.

Между тем татары, скучая ожиданием войны, рассыпались по малороссийским селениям, грабили и брали в плен людей и гоняли их в Крым. Поднялись жалобы.

«Что же мы здесь стоим! – кричали козаки в обозе: – дома у нас татары жен уводят!»

И козаки стали толпами расходиться назад. Гетман не мог удержать волнения, созвал к себе мурз и говорил им:

«Мы призвали вас усмирить бунтовщиков, а не для того, чтобы невинных убивать и загонять в плен. Если вы будете так поступать с нашими, то вам не отойти от нас в добром здоровьи».

Чтоб не навлечь на себя восстания, гетман отступил к Веприку в пределы Малороссии; он был принужден дозволить козакам бить татар, если те будут своевольничать. Тогда татары стали уходить и пошли за реку Псел; козаки гонялись за ними, – с каждым днем обоз пустел. Воевать с великороссиянами не было охоты в массе; а между тем нападения некоторых шаек на Каменное и Олешню вызвали то, что великороссияне, собравшись шайками, вторгнулись в Украину, стали жечь селения и бить малороссиян. Вдобавок сербы, бывшие также в войске Выговского, позволяли себе над малороссиянами всякого рода своевольства и неистовства. Козаки, слыша, что и татары, и москали, и сербы распоряжаются у них дома, когда они в чужой земле, бежали из табора без удержу. Полковники стали роптать на гетмана и друг на

друга. Даже те, которые были сильными недругами московского владычества, и те поднялись на гетмана. Гуляницкий упрекал его, зачем он вошел прежде времени в царскую землю и раздражает москалей.

«Да не ты ли первый пуще других меня на эту войну поджигал?» – говорил ему гетман.

В раде сделалась ссора и безладица; толковали и так и иначе; осмотрелись, что сделали клич к войне слишком торопливо и нерассудительно. Царского посланника не было обратно. Выговский надеялся, что испугает московское правительство решительными выходками; ожидал, что тот же дьяк Кикин опять приедет с речами, приятными для козацкого самолюбия, уже приказывал готовить встречу желанному послу. Но наступал октябрь, приближались осенние дожди, – время неудобное для походов в чужой земле. Великорусы, которые беспрестанно ездили от путивльских воевод в казацкий обоз и обратно, пугали козакав тем, что в Севске собирается большое войско. Гетман, побуждаемый всеобщим ропотом, должен был возвратиться, – не дождавшись посла и не показавши москалям силы своего оружия.

8-го октября гетман написал письмо к путивльскому воеводе князю Григорию Долгорукову из табора под Богачкою, за пятнадцать верст от Днепра.

«Всегда я служил его царскому величеству верно, и теперь ничего злого не замышляю, и хоть мы с войском своим двинулись, а вовсе не думаем наступать на города его царско-

го величества: я только хотел усмирить домашнее своевольство, и теперь, усмирив его, мы возвращаемся домой, надеясь на милость его царского величества, уповая, что он, православный государь, не допустит проливаться христианской крови. Только то нас удивляет, что боярин Шереметев поступает по-неприятельски с Малою Россиею, – посылает на козакав своих ратных людей, а те, обнадеживаемые царскою милостью, убивают и в неволю берут людей по нашим городам и деревням».

Долгорукий в письме своем упрекал его в том, что он задерживал Портомоина и Тюлюбаева и посадил их в тюрьму. Выговский отвечал: «Все это несправедливый извет на меня сложили, – я их не задерживал, а они сами по своей воле остались: боятся проезду от своевольников; в тюрьму никто их не сжал: они ходили и ходят себе на воле; а как я в Чигирин приеду, тотчас и отпущу их с честью к его царскому величеству».

Козацкое войско отступило.

ХII

Вместо царского посла, ожидаемого Выговским с милостивым словом и с удовлетворением его требований, явилась грозная царская печатная грамота от 24-го сентября; она была направлена ко всем малороссиянам, но преимущественно к козакам Полтавского полка, как к прежним противникам

Выговского. В ней были исчислены преступления Выговского против царя; не одобрялось то, что он нападал на Пушкаря с татарами, не дождавшись великороссийских войск, тогда как сам же он просил прислать войска; признавались явною изменою против царской власти его поступки: задержание Портомоина и Тюлюбаева, нападение на Киев, последнее объявление Кикину о решимости идти с оружием на Ромодановского и выдумка, будто бы у московского правительства есть намерение побить всю старшину и уничтожить козаков. Царь оправдывал свое правительство в том, что Пушкарю не было подано помочи: оно должно же было доверять гетману, избранному народом. В заключение гетман объявлялся изменником и клятвопреступником, и малороссияне призывались к соединению с великорусскими. воеводами и ратными людьми – к совместному действию против Выговского для свержения его и для избрания нового гетмана.

Быстро ожила придушенная пушкаревская партия. Полтава провозгласила полковником Пушкарева сына, Кирика; в другие полки из Полтавы расходились увещания – отторгнуться от власти гетмана; явились на воле Донец и Довгаль и другие, которых прежде московское правительство держало под стражею, как мятежников, а теперь считало защитниками правой стороны. Товарищ и друг Пушкаря, Искра, задержанный в последнее время в Москве, как его посланец, был знаком московским боярам еще прежде, при Хмельницком; теперь его не только отпустили с честью, но подали ему на-

жду сделаться гетманом. Он прибыл в Полтавский полк; около него составила партия и провозгласила его гетманом, Искра разослал универсалы и требовал себе покорности. Своевольства, которые терпел народ в последнее время, когда войско пребывало в восточной Украине, озлобили народ еще пуще против гетмана. Клич нового предводителя находил себе отзыв в массе. Разогнанные голяки стали собираться: опять составили полк дейнеков, готовых служить воеводам в надежде грабежа и своевольства.

Гетман приехал в Чигирин. За ним привезли Барабаша в оковах, Выговский не казнил его, – он как будто утешался его страданиями и унижением. Узнав о том, что делалось по следам его в Полтавском полку, он написал 17 октября путивльскому воеводе, выхвалял свою умеренность, какую он показал недавно, отступивши назад от границ московских; представлял, что, не дождавшись дьяка Василья Михайлова, подозревает, что этот дьяк оговорил его перед царем, и упрекал правительство, зачем оно допускает какому-то Искре называться гетманом. Задержанных посланцев он не стал более удерживать: 18 октября Портомоин был освобожден из-под стражи и призван к гетману. Выговский вручил ему лист к царю Алексею Михайловичу. В этом листе гетман жаловался, что царь выдал против него печатную грамоту, где объявил его изменником, где будто бы обвинял его в намерении вводить латинскую веру (этого в грамоте и нет): он уверял в своей верности царю, просил не посылать войск. Гетман

сказал Портомоину:

«Мне теперь подлинно стало известно, что те бунтовщики, которые посланы были в Москву от Пушкаря и Барабаша, пожалованы государевым жалованьем, – их поделали и гетманами, и полковниками, и дали им знамена, литавры, трубы и с честью отпустили их из Москвы на свободу. Бояре и воеводы готовятся на меня идти с ратными людьми, по наговору Пушкаревых и барабашевых послов, за то, что будто я с Войском и татарами ходил на украинные города великого государя; а я ходил вовсе не для разорения государевых городов, но для усмирения своевольников, и не сделал ничего дурного государевым людям. Как прежде я служил верно великому государю, так и теперь верно служу ему. Пусть же государь окажет нам всем государскую милость, – пусть не посылает бояр и воевод своих с ратными людьми войною на нас, – пусть пришлет к нам по договору своих ближних людей, чтобы мы с ними постановили статьи; если государь не дозволит этого учинить и пошлет на нас ратных людей, то мы будем стоять против них и станем с ними биться, и будут помогать нам польские, шведские, волошские ратные люди, и крымские татары придут, а турецкий султан давно уже пишет ко мне о соединении и дает ратных людей на помощь. Повсюду, где только можно найти ратных людей, нарочно разошлю своих станичников, чтобы ко мне собирались поскорее. Теперь, однако, еще не стану воевать и пошлю к государю своих послов».

«Я сидел в неволе, – сказал Портомоин, – и мне ничего неизвестно, а что ты, гетман, говоришь, все это я передам его царскому величеству».

«Вслед за тобою, – продолжал Выговский, – я отпущу и Тюлюбаева, и всех прочих московских людей, задержанных здесь, а сам пойду под Киев, – Киева добывать!.. на разговор под Киев пойду!» – прибавил он, засмеявшись.

Провожаемый такими угрозами, выехал Портомоин из Чигорина, но во время дороги скоро испытал, что эти угрозы на самом деле не очень страшны. Народ говорил ему:

«Как гетман ходил с войском на границу, тогда много сел и городов разорили казаки, а татары увели много полону в Крым. Теперь, говорят, еще царские воеводы придут нас разорять; но мы с государевыми ратными людьми биться не станем: заодно с ними пойдем против гетмана».

Действительно, Выговский намеревался сделать другое покушение на Киев. Когда он возвратился в Чигирин, то узнал о неприязненных для него поступках Шереметева: отряд ратных людей, по приказанию киевского воеводы, отправился на Белую Церковь, белоцерковские козаки вступили с ними в бой и были разбиты; сам полковник взят в плен. В Киеве совершено было несколько казней. Гетман, распустив своих полковников, приказал им собирать полковые рады и уговорить козакав добывать Киев. Но на этих радах чернь не показывала большой охоты, и некоторые полковники известили гетмана, что вообще, как они заметили, на своих на-

дежда слаба: остается надеяться на крымского хана, да на его татар. В Путивле и пограничных городах сильно тревожились; разнеслись слухи, что гетман приступил к Киеву; Шереметев был отрезан, невозможно было достать вестей, всюду были перехвачены пути; появится какой-нибудь москаль в Украине, – его тотчас задержат или убьют. Из Путивля какой-то молодец малороссиянин взялся провезти в Киев записку, зашивши ее в рубаху: это показывает, как опасно и трудно было тогда проезжать через край нескончаемых мятежей и беспокойств. Молодец не воротился. Другой вместо него, неожиданно для путивльских воевод, явился вестовщиком из Киева: это был племянник нежинского протопопа Максима Филимонова, ревностного сторонника Москвы. Узнавший, что на Шереметева собирается новая гроза, протопоп составил для племянника проезжую память, укрепил ее гетманскою печатью, снятою с какой-то гетманской грамоты, и с этим фальшивым документом отправил его будто бы в Чигирин. Он ехал через Киев как бы проездом, виделся с Шереметевым, взял от него письмо к Ромоданавскому, и таким же образом пробрался через Малороссию в Путивль. Оттуда воевода благополучно доставил его в Москву, и это заставило правительство послать скорее, Ромодановского в Украину.

Выговский готовился к решительным неприязненным действиям, а все еще продолжал уверять московское правительство в своей верности и желании признавать царя сво-

им государем. Письма за письмами посылались в Москву; главным виновником зла признавался Шереметев обвинялся он в том, что разоряет украинские села и деревни, губит народ, кровь проливает. Старик Евстафий, отец гетмана, писал к приятелю своему Бутурлину (с которым так подружился в Киеве, что даже называл его нареченным сыном), что если б Бутурлин оставался воеводою, то и никаких смут не было бы: все приписывалось поступкам Шереметева да Ромодановского. «Сын мой, – выражался он, – как присягал, так и сохранить свою присягу хочет и остаться неизменным подданным и слугою его царского величества; не был он изменником и не будет. Но паи Шереметев и паи Ромодановский не обращают внимания на его заслуги; они хотели егд убить, – нам сообщили это известие вашей же милости москали; потому-то сын мой и брат вашей милости должен поневоле промышлять, как охранить свою жизнь. Шереметев святые монастыри ни во что обратил, иноки выгнанные скитаются по чужим городам и по пустыням, слуге вашей милости, Левку, велел Шереметев голову срубить, а меня принудил бежать из Киева в Чигирин».

В одно и то же время Выговский, с одной стороны, через полковников возбуждал козакав на Киев и посылал Гуляницкого с полками отражать войска, если они выйдут; с другой стороны, писал универсалы народу, где запрещал оказывать неприязнь к великорусским войскам. С московской стороны стали обращаться с ними подобным же оружием. Выгов-

ский получил грамоту, где было сказано, что если он перестанет проливать кровь, то ему простятся все вины и будут его держать в милости со всем Запорожским Войском. В то же время дан был указ Ромоданавскому войти в Малороссию, а путивльские воеводы по царскому повелению приказали стряпчему Григорию Касогову идти с отрядом на помощь полтавской партии, вооружившейся против гетмана.

ХІІІ

В начале ноября Ромоданавский вступил в Малороссию с войском и распустил в народе пространный универсал, в нем исчислялись преступления Выговского, как и в прежней грамоте, данной Полтавскому полку, опровергались клеветы, распущенные им и его сторонниками, будто царь хочет уничтожить казачество, затрагивались интересы и народа: указывалось, что, по статьям гетмана Хмельницкого, из доходов, собираемых в Малороссии, следовало давать жалованье козакам, а Выговский не давал его и присваивал доходы, платил из них иноземному войску, которое держал таким образом на счет малороссийского народа, для его же отягощения. Малороссийский народ приглашался содействовать великороссийскому войску и доставлять ему продовольствие. По смыслу этих статей, как бы целому народу отдавалось на суд недоразумение, возникшее между московским правительством и гетманом.

С своей стороны и Выговский распустил в народе универсал в Полтавский полк, убеждал козаков оставаться ему покорными и стоять против неприятеля, то есть великорусских войск: «а в противном случае, – выражался он, – нам ничего иного не придется учинить, как, освидетельствовавшись милостивым Богом, со всем Войском Запорожским объявить вашу злобу всему свету».

Пришествие Ромодановского было сигналом для пушкаренковой партии. Она ожила. По приказу Ромодановского, к войску его начала собираться разогнанная голода, почуявшая грабеж; опять составился полк дейнеков. Полковники Иван Донец и Степан Довгаль начальствовали малороссиянами; им придали московских ратных людей. Взяли Голтву. Козаки и мещане присягнули в верности царю. Потом Довгаль разбил миргородцев под Сорочинцами. Затем 23 октября дейнеки ворвались в Миргород и ограбили его так, что жители, – по известию летописца, – остались совершенно голыми. На другой день Ромодановский вошел в Миргород. Степан Довгаль сделался опять полковником. Оттуда ополчение двинулось к Лубнам. Швец не в состоянии был защищаться, – собрал козаков и заранее вышел; состоятельные люди с своими пожитками бежали во все стороны.

Дейнеки, забежавши вперед в Лубны, разорили и сожгли их. Напрасно Ромодановский, желая спасти город, посылал ратных московских людей выгнать их. Дейнеки были ужасно злы против лубенцев. Они, – говорили дейнеки, – лубенские

козаки пуще всех нас разоряли, дома наши пожгли, жен и детей наших татарам отдали; в прошлом году запорожских козакав три тысячи перебили. Ограбили Мгарский монастырь, где нашли деньги, замурованные в стене, – по обычаю того времени: князь Ромодановский едва удержал толпу от конечного разорения обители. Из Лубен ополчение двинулось далее, разорило Чорнухи, Горошин, Пирятин; под Варвою имело незначительную стычку с Гуляницким. В Переяславль был послан жилец Хметевский и колонтаевский сотник Котляренко уговаривать казаков и чернь отстать от Выговского. Потом князь расположился с войском под Лохвицею на зимние квартиры. Дейнеки бродили по левобережной Украине, грабили зажиточных, сожигали их дома...

Лохвицкий лагерь князя Ромодановского наполнялся и великорусскими ратными людьми, и козаками. Прибыли князь Куракин, князь Семен Пожарский и Львов. Чем более весть о договоре с Польшею разносилась в народе, тем охотнее простаки, отвращаясь от мысли побрататься с ляхами, бежали к великороссийскому войску. К Ромоданавскому явился генеральный судья Беспалый, недавно назначенный в эту должность. Князь собрал горсть верных царю козаков и предложил избрать гетмана; они выбрали Беспалого. Новый гетман утвердил свое пребывание в Ромне. Вместе с ним назначен генеральным есаулом Воронок. Вероятно, тогда же были избраны новые полковники, вместо отпавших от царя приверженцев Выговского: вместо Швеца избран был

Терещенко; у полтавцев был на полковничьем уряде Кирик Пушкаренко. В Украине образовалось два управления и два гетмана. Но не хотел сложить с себя достоинства и третий – Искра, буцчуковый товарищ Полтавского полка. Он писал в Москву, ссылаясь на то, что ему указали гетманское достоинство еще в Москве, уверял, что народ стоит за него. Правительство не нашлось сделать ничего лучше, как поручить самому Ромоданавскому утвердить, по своему усмотрению, кого-нибудь из двух. Искра явился в Гадяч, называл себя гетманом, собирал около себя посольство и готовился свергнуть и Выговского, и Беспалого. По зову Ромоданавского 1-го декабря он отправился к Лохвице, и «так, – говорит летописец, – был упоен мыслью о предстоявшем гетманстве, что не побоялся идти в сопровождении незначительного отряда, хотя по всей левобережной Украине отряды партии Выговского сражались с дейнеками. За семь верст от Лохвицы на Искру напали Чигиринские козаки под начальством Скоробогатенка. Искра напрасно просил помощи у князя через гонцов. Ромодановский отговаривался ночным временем и послал отряд тогда уже, когда этот отряд мог увидеть одни трупы.

– «Угасла искра, готовая блеснуть!» – говорили украинцы. Ромодановский избавился от необходимости выбирать одного из двух. Но в конце января, как кажется, Ромодановского не было уже в Лохвице: является там главным начальником князь Федор Куракин...

Такими стычками ограничивались. военные действия. Выговский долго не трогался. Он не доверял своим козакам, видел повсеместное колебание и надеялся на помощь от Крыма и Польши, а между тем составлял наемную дружину из сербов, волохов, немцев и поляков: последних пришло к нему три тысячи под начальством Юрия Потоцкого и Яблоновского, да два драгунских полка под командой Лончинского. С одной стороны он выжидал, как приняты будут в Варшаве статьи, постановленные им с Беневским, с другой – заискивал расположение хана, но в то же время показывал желание оставаться верным царю и отправил в Москву послом белоцерковского полковника Кравченка.

В Москве приняли Кравченка очень ласково, как вдруг в конце декабря пришла весть, что Скоробогатко уничтожил Искру, а переяславский полковник Тимофей Цыцура напал на великорусских ратных людей. Это сочтено было вероломством, так как Выговский прежде объявил воеводам, что посылает к царю посольство, и, на этом основании, считая войну приостановленною, воеводы выпустили из осады в Варве Гуляницкого. Положение Кравченка в Москве было затруднительное: его стали было считать шпионом, однако Кравченко упросил, чтоб ему дозволили послать гонцов с письмами к гетману и полковникам. Вместе с двумя малорусами, сотником и атаманом Белоцерковского полка, отправлен был в Малороссию от царя посланцем майор Григорий Васильевич Булгаков с подвиг чим Фирсом Байбаковым.

Ему поручалось узнать подлинную состояние дел в Малороссии, желают ли казаки, чтоб у оставался гетманом Выговский или хотят его переменить, как он, искренно ли хочет принести повинную или думает водиться с поляками, крымцами и другими иноземцами, как велики его силы и пр. Булгагов должен был вручить ему грамоту не иначе, как при старшинах, и ни в каком случае не отдавать ее наедине. Байбакова следовало отпустить заранее с вестями.

Царь, делая Выговскому выговор за нарушение перемирия, назначал в течение зимы в Переяславле раду. Для этой цели будет прислан князь Алексей Никитич Трубецкой. Вместе с ним на этой раде должны присутствовать Ромодановский и Шереметев. Эта рада должна будет отыскать и наказать виновников смут и установить порядок. Само собою разумеется, что ни гетману, ни его сообщникам не могла быть по вкусу эта рада: она была бы собрана под влиянием и гнетом бояр и не была бы благосклонна к тем, которые показывали охоты более стоять за свои вольности, чем угождать Москве, при том же у Выговского и старшин было много врагов: они бы заговорили тогда громко и с успехом. Понятно, что Булгакова ожидал не слишком любезный прием.

Уже на дороге в Конатопе он испытал неприятности. Он отправил сотника к Гуляницкому известить, что сам он поедет к гетману, а Байбаков уедет назад, и потому, как себе, так и Байбакову, просил провожатых. Гуляницкий принял грубо сотника и объявил, что не даст Байбакову провожатых.

«Коли они оба посланы к гетману, так пусть оба и едут, у меня нет приказа одного отпускать к гетману, а другого назад». Он так же и Булгакову не хотел давать провожатых на Киев, как желал Булгаков.

Булгаков и Байбаков пошли сами к Гуляницкому. Подтвердив то же, что сказал сотнику, нежинский полковник сказал: государь ваш посылает ж нам, как будто мира хочет, а в то же время беспрестанно присылает войска да подущает своевольников. Турки и жида лучше вас; у турка нам лучше было бы, чем у москалей.

Посланцы стали быто оправдываться. Гуляницкий обругал их матерною бранью и, между прочим, пригрозил москалю шведами! «Нигде того не повелось, – сказал Булгаков, – чтоб послов и посланников невинно бранить».

Они уехали и 8-го января прибыли в Переяславль: на дворе, где они пристали, тотчас появились драгуны в немецком платье и стали на карауле у дверей и у окон. Им датвили, что к гетману их не пустят, а будут они ждать здесь, что в городе первое лицо Немирич и просит их к себе обедать.

Немирич, человек европейский, принял их вежливо и пил с ними за здоровье государя, что очень понравилось московским гонцам. Еще более они были довольны, когда увидели за столом пленных земляков, бывших воеводами, и узнали, что Немирич часто их ласкает и угощает, да и вообще другим пленным посылает хорошее кушанье. Они не утерпели, чтоб не поблагодарить его и не обнадеежить царскою милостью,

которой Немирич никогда не искал. Но вежливость не помешала Немиричу потребовать от них письма, которые послал Кравченко, и когда они отговаривались, что должны их отдать тем, к которым они написаны, Немирич послал к ним асаула и приказал отнять у них эти письма насильно.

10-го января прибыл гетман, встреченный Немиричем с большим почетом, с пушечною пальбою. 18-го числа явились к нему царские посланцы; они прошли посреди вооруженных рядов мушкетеров, одетых по-немецки, и нашли Выговского в светлице вместе с обозным, судьями и есаулами, и там вручили ему грамоту от царя, проговорив обычные формальности.

Когда грамота была прочтена вслух, Выговский сказал:

«В царской грамоте писано, чтоб раде быть в Переяславле при ближнем боярине князе Алексее Никитиче Трубецком, при Василии Борисовиче Шереметеве, да при окольном Григории Григорьевиче Рамодановском и товарищи. Нет, мне трудно съезжаться с боярами. Знаю, какой у них умысел: хотят поймать гетмана и голову ему отсечь или язык вырезать, как сделали киевским старцам. Лучше быть не то что в подданстве, а даже в полону у турка, чем в подданстве у москалей. На Цибульнике или на Солонице, пожалуй, съедемся. А посланников моих за что бранили и расстрелять хотели в Москве? – Чем посланники виноваты. Вот я над вами то же сделаю... прикажу вас расстрелять. Вот еще в грамоте пишется – тех карать, кто всему злу причиною: да и без ра-

ды можно знать, что всему причиною Шереметев да Ромодановский. Зачем Василий Борисович из Киева с ратными людьми прочь не выступает, а Григорий Григорьевич зачем из черкасских городов за рубеж не уходит? Сверх того еще недавно приходил князь Федор Федорович Куракин и много мест разорил, и пришел в Лохвицу на помочь, а с ним сложились своевольники, которых бы всех казнить следовало. Мшя называют клятвопреступником: нет, я не клятвопреступник; я ничего такого не сделал: я присягал государю на том чтоб мне быть в подданстве, а не на том, чтобы быть в городах наших московским воеводам и чтоб москалям над нами пановать. Никогда этого не будет. Я теперь иду на войну, но не против государевых ратных людей, а против своевольников, а кто за них будет стоять, я и с теми буду биться. Эти письма, что писал Кравченко, писаны поневоле; боясь смерти, писал он так, как велено было писать; и вы то же будете делать, когда я вас заставлю. Я служил государю верно; еще когда был писарем – уговаривал гетмана Хмельницкого и всю Малую Россию. подвел под высокую руку его царского величества; а меня теперь называют изменником и клятвопреступником и беспрестанно дают своевольникам печатные и писанные грамоты, и велят им вчинать бунты. Вот что пишет боярин Василий Васильевич Шереметев. Принесите и прочтите тот лист, который он написал ко всей черни и ко всему Войску Запорожскому».

Прочитали грамоту Шереметева. В ней говорилось, что

Выговский забыл страх Божий, отдает Малую Россию полякам, что поляки хотят малороссиян убивать, разорять, по-работить в неволю, по-прежнему владеть Украиною, искоренить православную веру. Грамота оканчивалась словами: и вам бы, памятуя свои присяги, к полякам не приставать и в черкасских городах жить им не давать и учинить вам над поляки тож, как и наперед сего вы полякам учинили, сослався с нами, а мы по вашей ссылке помогать вам и за вас стоять готовы.

Булгаков говорил на все это, что государь указал быть раде для усмирения междоусобий и кровопролития, а не для того, чтоб гетмана поймать; что Кравченка никто не думал расстрелять, и ему в Москве нет никакого оскорбления, что боярин Шереметев прибыл в Киев по царскому указу, по челобитью казацких посланцев, и если это им досадно, то они должны были просить государя сменить его, а не ходить на него войною, и что если Куракин прибыл под Лохвицу, то это потому, что черкасы в правде не устояли, а что будто своевольникам давались печатные и писанные грамоты завислыми печатями, про то они не знают.

Но всякие речи и доводы были напрасны. Бывшая там старшина говорила в таком же духе, как гетман, и посланцы поняли, что от них, как они выражались, обращенья не будет.

По возвращении в свой двор, посланцы вели тайную беседу с одним из караульных драгунов. Все эти драгуны у гетмана, объяснил он, не немцы, а ляхи и поляшеинные казаки.

Когда драгуну дали подарок, он сообщил посланцам, что Выговский собирается с ляхами и немцами выгнать Ромодановского и отнять Киев от Шереметева, что у него теперь ляхов тысячи три, а скоро будет тридцать тысяч; но как только явится большое царское войско, все драгуны, кроме ляхов, от него отступят; и у него такая мысль, чтоб, забравши с собою сокровища Хмельницкого, в случае опасности, бежать в Польшу, и Юрась Хмельницкий про его умысел знает.

Посланцам объявили, что гетман идет на войну под Лохвицу и велит вести их с собою, а отпустит из табора. Им осталось покориться, и 16 числа их повезли из Переяславля на подводах.

Когда они достигли села Белоусовки, за тридцать верст от Лохвицы, пристав объявил им, что гетман их отпускает, а грамоту его к государю они получают в дороге на том стане, где придется им ночевать первый раз.

«Мы, – говорил Булгаков, – отдали великого государя грамоту самому гетману, так пригоже было и гетману дать нам лист самому; нигде того не водится, чтоб листы присылались на стан; верно, нас отсылают в Чигирин, а не к великому государю».

Пристав побожился, что они поедут обратно в Москву. «Вам, – сказал он, – у гетмана быть нельзя, потому что теперь к нему приезжают мурзы, говорят с ним о всяких делах, да и ляшский посол Беньовский теперь у него; так вам там быть не пригоже».

Они получили грамоту и под вооруженным отрядом воротились опять через Переяславль. В Переяславле они имели случай услышать, как относятся к Москве некоторые духовные; киевский протопоп, пришедши к ним, выговаривал им, что государь присылает послов, как будто бы для мира, а боярин Шереметев действует по-неприятельски. Таких послов, как вы, – сказал он, – следовало бы изрубить.

Но зато в Нежине, и едучи к Выговскому, и возвращаясь от Выговского, посланцы виделись с Максимом Филимоновым, который уверял их в своей преданности царю, говорил, что от Выговского нельзя ожидать ничего, и просил удержать своего сына в Москве, а между тем он в Украине уже распускает слух, что он пропал без вести.

Грамота, присланная к царю от гетмана, была написана с резким заявлением расторжения. Выговский упрекал царя в том, что он, гетман, много раз слезно просил об усмирении своевольников, но, не получая желаемого, принуждён был сам их усмирять, что когда уже все утихло, вступил в Украину Ромодановский и возбудил своевольников снова разорять и мучить людей, что гетман много раз, желая избежать кровопролития, писал к царю, но не получал милостивого царского слова, а между тем да козаков стали наступать поляки, приглашать турок и отговаривать татар от союза с казаками. «Видя такие опалы, – гласила в конце эта грамота – мы решились возвратиться к прежнему нашему государю польскому королю, оградив свободу православной веры и восточных

церквей, но с тем уговором, чтоб с вашим величеством последовало примирение. Не изволь, ваше царское величество, класть на нас гнев за это, но, как христианский царь, предотврати пролитие христианской крови; а если, ваше царское величество, будешь насылать на нас свои рати, то прольется кровь и неприятель христианской веры восприимет радость. Об этом пространнее скажет Григорий Булгаков, а мы желаем многолетнего царствования вашему царскому величеству».

Выговский решился выступить на войну, но не против великороссиян, а против запорожцев: Запорожская Сечь объявляла себя решительно против намерений гетмана. Запорожцы, – по словам современника, – ненавидели Выговского еще сильнее после того, как он побратался с татарами и, следовательно, не мог одобрять обычных запорожских набегов на татарские поля и Черное море.

Запорожцы послали на помощь царскому войску сильный отряд под начальством Силки. Силка явился в Зиньков и начал возбуждать восточную Украину против гетмана. Против этого-то отряда пошел Выговский, стараясь не допустить до соединения с лохвицким войском как его, так и отряды, которые составлялись в близких местечках. Чтоб Ромодановский не ударил ему в тыл, гетман послал Немирича беспокоить его.

Немирич 29-го января подошел к Лохвице. Московское войско вышло против него, но начальники московской кон-

ницы были люди, – по уверению летописца, – неопытные и не могли устоять против Немирича. Московитяне заперлись в Лохвице, и Немирич беспокоил и удерживал их до тех пор, пока Выговский расправился с их союзниками.

4-го февраля Выговский осадил Миргород и послал в город убеждение отстать от Москвы и стоять вместе за отечество, обещая никому не мстить. Миргородский протопоп по имени Филипп, стал говорить за Выговского и так подействовал своими речами, что не только убедил миргородских казаков, но и сам Степан Давгаль склонился. Своевольство и грабежи, которые позволили себе великорусские ратные люди в городе, раздражали миргородцев; они отворили ворота и признали власть гетмана. Заклятый враг его, которого взять он домогался так упорно, вместе с другими коноводами противной партии, явился к Выговскому, был им принят дружелюбно и повел вместе с ними своих казаков далее. Великорусские ратные люди, находившиеся в Миргороде, были отпущены к своим. Выговский стал обращаться кротко везде, где слушали его убеждений; местечки и села, одно за другим, сдавались ему и переходили на его сторону. Великорусские воеводы боялись за самого Беспалого, чтобы и он не отказался от своего гетманства и не передался Выговскому. Куракин из Лохвицы поспешил послать в Ромен отряд ратных пеших людей для защиты этого пункта нового казацкого управления. В самом деле, став под Зиньковым, Выговский посылал к Беспалому увещания – отстать от Москвы и со-

единиться для общего дела. Прочного и надежного не было ничего в народном убеждении: сдавшись легко на убеждения Выговского, малороссияне потом говорили великорусским ратным людям: «Пусть только придет сильное царское войско; мы будем помогать вам против Выговского». Зиньков упорствовал против гетмана; там засели запорожцы с своим атаманом Силкою и в продолжение четырех недель отражали Выговского. Выговский стал под Зиньковым.

Хотя грамота Выговского царю, прислаиная с Булгаковым, показывала уже окончательное расторжение, но в Москве хотели помириться с гетманом, по крайней мере, до поры до времени. Главное начальство поручено было боярину князю Алексею Никитичу Трубецкому. Сборное место назначено было в Севске, куда боярин прибыл 30-го января.

13-го февраля Трубецкому доставлен тайный наказ, где ему поручалось устроить с Выговским мировую, а вслед затем он получил восемнадцать экземпляров царской грамоты, возбуждающей малороссиян против изменника и клятвopеступника Выговского, и по царскому приказанию 18-го февраля послал Беспалому снаряды и ратных людей на помощь. В тайном наказе Трубецкому, от 13-го февраля, предписывалось сойтись с Выговским и назначить раду в Переяславле, с тем, чтоб на этой раде были все полковники и чернь, и эта рада должна была решить споры. До собрания рады боярин уполномочивался сделать Выговскому широкие уступки, — если окажется надобность. Боярин должен был сне-

стись с Выговским, и, прежде всего, по обоюдному согласию с ним, Трубецкому следовало развести своих ратных людей, а Выговскому отпустить от себя татар. Для предупреждения со стороны Выговского недоверия с обеих сторон следовало учинить веру. Боярин, съехавшись с Выговским, именем царя объявит ему забвение всего прошлого, а гетман покажет ему статьи, постановленные с поляками. Боярин согласится даровать гетману и всему козацкому войску такие же права и привилегии, какие сулили казакам поляки. Должно думать, содержание гадячского договора тогда еще было не вполне известно в Москве, ибо в наказе делается оговорка, что согласиться на подобный договор с царем можно тогда только, когда в этом договоре не окажется высоких и затейных статей, которые не к чести государева имени. Московское правительство знало однако хорошо, какие выгоды вымогал от поляков, по гадячскому договору, Выговский лично себе и старшине; оно понимало, что главные поводы склонения к Польше заключаются в личных видах старшин, и потому щедро расточало дары свои. Гетману обещали дать прибавку на булаву; соглашались сделать его киевским воеводою; его родственникам, приятелям и вообще полковникам и всей старшине решали дать каштелянства и староства, обещали удалить Шереметева и не вводить ратных людей в Украину, а гетман должен будет оставаться в подданстве и прервать союз с татарами. Все такие обещания, конечно, могли иметь силу тогда только, когда на раде, которую Трубецкой созо-

вет в Переяславле, народ признает гетманом Выговского; но если произойдет иначе, то Трубецкой должен был вручить булаву тому лицу, кого выберет чигиринское староство, как принадлежность гетманского уряда следовало отдать и новому гетману.

20-го февраля прибыл из Москвы в Севск подьячий Старков, с предложениями к Выговскому, и тотчас был отправлен в зиньковский лагерь. Вслед за ним Трубецкой с войском подвинулся ближе к пределам Украины и 1-го марта прибыл в Путивль. С тех пор три недели шли переговоры, которых подробности, к сожалению, нам неизвестны. Трубецкой писал дружелюбные письма к Выговскому и уговаривался, как уладить мировую, но рассылал к народу воззвания – стоять крепко против изменника Ивашки и не склоняться на его прелестные письма.

24-го марта приехал от Выговского Старков с известием, что Выговский просит Трубецкого съехаться с ним для переговоров за десять верст от Ромна, но в письме к Трубецкому не написано было ничего о таком свидании. и: Отпустив Старкова в Москву, Трубецкой 26-го марта отслужил молебен грозному и страшному Спасу и двинулся со всем войском в Украину. Он написал в Лохвицу к Куракину, а в Ромен к Беспалому, чтоб сходились к нему. 30-го марта явился Беспалый с своими полковниками и есаулами. Трубецкой объявил казакам, что пришел не для войны, а для усмирения междоусобий и кровопролития; обнадеживал их

царскою милостью, и приказывал писать в города и местечки, которые поддались увещаниям Выговского, чтоб жители раскаялись и по-прежнему обратились под самодержавную царскую руку. «Учини, гетман, крепкий закон, под смертною казнию, своим полковникам и есаулам и всем козакам, – говорил Беспалому Трубецкой, – чтоб они не делали ничего дурного в государевых черкасских городах: не били людей, не брали их в полон, не грабили и ничем не обижали, и не делали бы им никаких насилий и разорений, а государевым ратным людям от меня заказано то же под смертною казнию». Беспалый обещал, и был отпущен в Ромен снова.

Наступил апрель. От Выговского не было известия. Приведеиные в великорусский лагерь языки извещали, что гетман отступил от Зинькова и уехал в Чигирин; а между тем Гуляницкий с казаками и татарами прибыл в Конатоп и оттуда рассылал партии, которые нападали на великорусские села около Путивля, Рыльска и Севска, разоряли их, убивали и брали в плен людей.

Приехал из Москвы Кравченко. Трубецкой, призвав его к себе, изложил ему поведение Выговского, и сказал:

«Скажи гетману и всем козакам, чтоб они отстали от своих неправд и остались под рукою великого государя, по-прежнему, без всякого сомнения; а если они не придут в сознание и не станут бить челом государю о своих винах, то я иду с ратными людьми, и что над ними учинится, то будет им не от меня, а от самих себя».

Кравченко поклялся, что будет уговаривать гетмана и полковников.

«Мы, – сказал он, – посланы к тебе, государю, от всей черни с рады, и будем по всем городам и местечкам выславлять премногую милость и жалованье великого государя»...

В конце марта Выповский возвратился в Чигирин. Наступила пасха. По тогдашнему обычаю, на праздник пасхи полковники и другие чиновники съезжались к гетману с поздравлением. Выговский, пользуясь этим случаем, созвал их на раду.

Выговский не доверял московским предложениям: в них полагалось условием – собрать раду. Выговский опасался, что на этой раде стечется много недоброжелателей, – выберут другого гетмана, и боярин, который будет решителем дела, нарушит все данные ему обещания. Притом же московское правительство очевидно ему не доверяло, и, предлагая мировую, действовало против него и соединялось с его врагами. Он представил полковникам грозящую всем им беду; уверил, что москали их обманывают, и по общему приговору разослал по Украине универсал. Гетман извещал в нем украинский народ о причинах, которые побуждают его призывать народ к оружию против московских войск; он доказывал, что царские комиссары на виленской комиссии 1656 года постановили отдать Украину под польское владычество, как только царь получит польскую корону; поэтому гетман и старшины рассудили, что гораздо лучше соединиться с Польшею на

правах вольной нации, чем быть отданными в неволю. «Другая причина, – писал Выговский, – побуждающая нас отложиться от державы российской, есть та, что мы осведомились несомненно, что его царское величество прислал князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому свою высокую грамоту, повелевающую истребить гетмана со всею старшиною, уничтожить все права и вольности наши, оставить козаков только десять тысяч, а весь остальной народ украинский сделать вечными крестьянами и невольниками».

Этот универсал на первых порах перепугал украинцев на правой стороне Днепра; на левой только Переяславский, Прилуцкий, Нежинский и Черниговский полки держались Выговского.

Между тем Трубецкой 10-го апреля в Константиновском соборе отслужил молебен «грозному и страшному Спасу» и двинулся на Конотоп; в то же время написал Беспалому в Ромен и в Лохвицу к Куракину, чтоб с обеих сторон сходились к нему для соединения. 13-го апреля, на дороге, пристал к нему Беспалый с своими козаками; 16-го они достигли Конотопа, прогнали отряд, наблюдавший за путем; 21-го явился к нему князь Федор Куракин с Пожарским и Львовым и со всем войском, стоявшим в Лохвице. Малороссийский летописец пишет, что прилуцкий полковник Дорошенко хотел загородить москвитянам дорогу, но товарищ Ромодановского, отважный князь Семен Иванович Пожарский, поразил его под Срибным. «Дорошенко, – говорит летопи-

сец, – словно заяц бежал по болотам, спасаясь от гибели, а князь Пожарский приказал перерезать всех жителей местечка Срибного».

В конотопском замке было два полковника, – нежинский и черниговский, с своими полками, всего до четырех тысяч человек. Прежде приступа Трубецкой написал к Гуляницкому письмо, извещал, что прислан для успокоения междоусобий и для прекращения кровопролития; убеждал вспомнить единую православную веру и царскую милость, отстать от неправд, бить челом в винах своих и выслать добрых и знатных людей для переговоров.

Вместо ответа из города раздались выстрелы из пушек и ружей.

«Мы сели насмерть! – закричали козаки: – не сдадим города!»

Тогда Трубецкой приказал стрелять по городу и в город. Соединенное великорусское войско принялось осаждать Гуляницкого. С 21-го апреля до 29-го июня длилась эта осада; многочисленное великорусское войско под командою Трубецкого осаждало четыре тысячи нежинцев и черниговцев – и не взяло их. Замок был окружен глубоким рвом и высоким валом. Несколько дней без умолку гремели пушки, летали гранаты в город, ратные люди рыли подкопы; 28-го апреля, перед рассветом, отпевши молебен, все войско полезло на приступ. Все было напрасно: не зажигался замок от гранат, перерваны были подкопы; московские люди успе-

ли было взобраться на стены, но, отбитые с уроном, возвратились с приступа; и осажденные с высоких валов отвечали осаждающим ядрами и картечью так метко, что нанесли им гораздо более вреда, чем сами претерпели. Московские стрельцы и пушкари только даром тратили «государево зелье», как называли они порох. Трубецкой задумал иной род войны: он хотел засыпать ров, окружавший замок, но казаки частыми выстрелами прерывали работу-, делали смелые вылазки, спускались в ров и уносили землю, накиданную туда великороссиянами, на свой вал: таким образом ров оставался так же глубок, как и прежде, а вал делался выше, и казацкие ядра поражали осаждающих еще удачнее. Прошло несколько недель. Наскучив осадой, Трубецкой послал Ромодановского и Скуратова к Борзне. 12-го мая московские люди напали на Борзну. Начальствовавший борзенскими казаками, Василий Золотаренко, шурин Богдана Хмельницкого, был разбит; Борзна была взята и сожжена; много жителей истреблено, – жен и детей казацких привели пленными под Конатоп и отправили в Великороссию. 21-го мая, по тайному письму неизменного благоприятеля московской стороны, протопопа Филимонова, Ромодановский, Куракин и казаки, под начальством Беспалого, двинулись к Нежину. Нежинцы сделали вылазку; великороссияне прогнали их в город, но на другой стороне стояло большое войско, состоявшее из сербов, поляков, татар; великороссияне пошли на них, произошел бой, – татары отступили; в плен попался казацкий пред-

водитель Скоробогатенко, наказный гетман. Однако князь боялся преследовать татар, предполагая, что они нарочно заманивают его за собою в погоню, чтоб навести на большое войско, и воротился к Трубецкому вести осаду.

Не зная, где Выговский и что с ним делается, Трубецкой 4-го июня решился еще раз попытаться прекратить кровопролитие мирными средствами. Он отправил донских казаков с письмом отыскивать его: по-прежнему боярин предлагал мятежному гетману мир и просил прислать теперь знатных людей для разговора. До 27-го июня не было ни слуха, ни духа о Выговском.

Выговский не помогал Гуляницкому, потому что дождался хана; казаков, державшихся его партии, было только шестнадцать тысяч. Махмет Гирей явился не ранее 24-го июня, с тридцатью тысячами ордынцев. Первое свидание его с гетманом было на Крупич-поле. Союзники утвердили свою дружбу взаимною торжественною присягою: гетман с старшинами присягнул от лица всей Украины, – полковники присягали за свои полки, сотники за свои сотни; потом хан, султаны и мурзы присягали по своему закону – не отступать от козаков и помогать против московитян, нока не изгонят из Украины московских войск. У Выговского, сверх того, было несколько тысяч наемных войск – сербов, волохов, но преимущественно – поляков.

Соединенное козацкое и татарское войско выступило к Конотопу. Под Шаповаловкою встретился с ними москов-

ский отряд, посланный для взятия языков. Произошло сражение; великорусы были разбиты наголову, и этот первый успех ободрил козаков.

В числе пленников был Силка, храбрый защитник Зинькова, которого Выговский приказал приковать к пушке.

Пленники высказали положение войска под Канотопом и прибавили, что полководцы вовсе не дожидаются прихода неприятелей. В самом деле, воеводы не имели никакого сведения о том, что неприятель, был так близко от них. Союзникам оставалось до Канотопа пятнадцать верст; тут надобно было переправляться через болотистую реку Сосновку. Выговский осмотрел местность: она показалась ему такова, что сражение, данное на ней, могло кончиться совершенным поражением одного из враждебных войск. Козаки могли надеяться на победу, потому что у них было время устроить свое войско выгодным образом; надобно было только заманить московитян.

Выговский расположил свое козацкое войско на широком лугу, в закрытом месте, и отдал начальство над войском Стефану Гуляницкому, брату осажденного в Конотопе, а сам, отобрав себе небольшой отряд, пригласил с собой султана Нуреддина и переправился на другую сторону реки Сосновки, с намерением напасть в тыл на осаждающих, потом побежать, заманить за собою московских людей и навести их на оставшееся козацкое войско; хан с Ордою отправился вправо на урочище Торговицу, верст за десять, с целью ударить в

другой раз в тыл неприятелю, когда Выговскому удастся его вывести.

27-го июня, во вторник, Выговский переправился через реку и внезапно ударил в тыл осаждавшим конотопский замок. Неожиданное появление неприятеля смешало великороссиян: в тревоге они побежали, козаки захватили много лошадей и конницы, которая впопыхах не успела вскочить на них вовремя. Но в несколько часов московские люди поправились, – воеводы заметили, что у Выговского войска, по крайней мере, в десять раз меньше, чем у них. Пожарский ударил на козаков, – они повернули назад и убежали за Сосновку.

Настала ночь. Несколько козаков было взято в плен, другие добровольно явились служить царю.

«Неужели у Выговского всего на все столько войска, сколько было здесь?» – спросил их Пожарский.

«Нет, – отвечали козаки, – не гонись, князь, за ним: он нарочно заманивает вас в засаду. С ним много козаков, и сам хан с Ордою, а с ханом славные воины: султаны Нуреддин и Калга, мурзы Дзяман-Сайдак и Шури-бей.

«Давай ханишку! – закричал Пожарский: – давай Нуреддина, давай Калгу, давай Дзяман-Сайдака! Всех их боденых матерей и вырубим и выпленим!»

Напрасно Трубецкой останавливал Пожарского. Отважный князь не послушался. «Он, – говорит летописец, – слишком верил в свою непобедимость после удачи под Срибным».

28-го июня рано Пожарский с тридцатью тысячами переправился за Сосновку. Другая половина войска, под начальством Трубецкого, оставалась под Конотопом; при ней был Беспалый с козаками.

Перешедши через Сосновку, московские люди ставили батареи, устраивались в боевой порядок. Выговский не препятствовал им. Но, в то время, когда великорусы приписывали это бездействие козаков трусости, пять тысяч украинцев, под командой Степана Гуляницкого, рыли извилинами ров по направлению к широкому мосту, по которому прошло московское войско. Как только они отвели свои работы близко к московскому войску и могли быть им замечены, Выговский сделал нападение, но после первых, ответных выстрелов побежал. Пожарский, уверенный, что казаки трусят перед его доблестью, бросился за ними. Выговский отступил еще далее... Все московское войско снялось с своей позиции, с жаром преследовало козаков и удалилось на значительное расстояние от моста.

Тем временем казаки, быстро копавшие ров, очутились в тылу московского войска, бросились на мост, изрубили его и остатками его запрудили мелководную реку: вода начала разливаться по вязкому лугу. Это неожиданное явление подало Гуляницкому мысль не только преградить московским людям обратный путь через Сосновку, но затруднить им ход по лугу. По его приказанию, козаки рассеялись по болоту: одни косили траву и камыш, другие рубили тальник и лозу

и бросали в воду, В несколько минут река была запружена, и вода разливалась во все стороны.

Увидевши позади себя козаков, великорусы перестали гнаться за Выговским и обратились назад; тогда в свою очередь погнались за ними бежавшие казаки, и вдруг московские люди были оглушены страшным криком и свистом: Орда с ханом и воинственными мурзами порывисто летела прямо на левое крыло московского войска. Московские люди хотели удержать напор, но Выговский с козаками и наемным войском ударил на них с правой стороны. Московские люди, стесненные с боков, подались назад...

Но назад им не было ходу; вода, разлившись по лугу, превратила его в болото; не двигались московские пушки; погрязли по брюхо московские лошади; московские люди пустились было бежать пешком, но идти было также невозможно. «Разве тот мог убежать, – говорит летописец, – у кого были крылатые кони».

Напрасно рвался изо всех сил Пожарский, напрасно хотел выбраться на сухое место: тридцать тысяч верных царю русских погибло в этот ужасный день. Татары не жалели их, потому что с простых нельзя было надеяться окупа; а козаки были ожесточены против этого войска, которое, по уверению Выговского и старшин, приходило будто бы для того, чтобы уничтожить их права и обращать их самих в невольников.

Пожарский был схвачен и приведен к Выговскому. Князь резко начал говорить ему за измену царю, и Выговекий ото-

слал его к хану.

Повелитель правоверных сказал ему через толмача:

«Ты слишком безрассуден, князь, и легкомыслен; ты осмелился не страшиться наших великих сил, и теперь достойно наказан, ибо через твоё легкомыслие погибло столько храброго и невинного московского войска!»

«Князь Пожарский, – говорит летописец, не посмотрел, что был в плену, но в ответ на ханское замечание угостил ханскую мать эпитетом, неупотребительным в печатном слове, и плюнул хану в глаза. Разъяренный хан приказал отрубить ему голову перед своими глазами. «Отозвалось ему, – говорит украинский летописец, – истребление невинных жителей Срибного». Вместе с ним хан в ярости приказал изрубить и других знатных пленников; в числе их был сын знаменитого Прокопья Ляпунова, Лев, двое Бутурлиных и несколько полковников. Пожарский явил себя настоящим великорусским народным молодцом. Народная память оценила это и передала его подвиг потомству в песне.

За рекою, переправую, за деревнею Сосновкою, –
Под Конотопом под городом, под стецюю белокаменной,
На лугах, лугах зеленых,
Тут стоят полки царские,
Все волки государевы,
Да и роты были дворянския. –
А издалеча, из чиста поля,
Из того ли из раздолья широкого,

Кабы черные вороны табуном табунились, –
Собирались, съезжались калмыки со башкирцами,
Напушались татарове на полки государевы;
Они спрашивают татарове
Из полков государевых себе сопротивника.
А из полку государева сопротивника
Не выбрали ни из стрельцов, ни из солдат молодцов.
Втапору выезжал Пожарский князь, –
Князь Семен Романович,
Он боярин большой словоет, Пожарской князь, –
Выезжал он на вылазку
Сопротив татарина и злодея наездника:
А татарин у себя держал в руках копье острое,
А славной Пожарской князь
Одну саблю остр: ую во рученьке правыя.
Как два ясные сокола в чистом поле слетались,
А съезжались в чистом поле
Пржарской боярин с татаринном. –
Помогай Бог князю Семену Романовичу Пожарскому –
Своей саблей острою он отводил острое копье татарское,
И срубил ему голову, что татарину наезднику,
А завыли злы татарове поганые:
Убил у них наездника, что ни славнаго татарина.
А злы татарове крымские, они злы, да лукавые,
Подстрелили добра коня у Семена Пожарского,
Падает окорачь его доброй конь.
Возкричит Пожарской князь во полки государевы:
«А и вы солдаты новобранные, вы стрельцы государевы.
Подведите мне добра коня, увезите Пожарского;

Увезите во полки государевы».

Злы татарове крымские, они злы да лукавые,
А металися грудю, полонили князя Пожарского,
У везли его во свои степи крымския
К своему хану крымскому – деревенской шишиморе.
Его стал он допрашивать;

«А и гой еси, Пожарской князь,
Князь Семен Романович!

Послужи ты мне верою, да ты верою-правдою,
Заочью неизменною;

Еще как ты царю служил, да царю своему белому,
А и так-то ты мне служи, самому хану крымскому, –
Я ведь буду тебя жаловать златом и серебром –
Да и женки прелестными, и душами красными
девицами».

Отвечает Пожарской князь самому хану крымскому:
«А и гой еси крымской хай – деревенской шишимора!

Я бы рад тебе служить, самому хану крымскому,
Кабы не скованы мои резвы ноги,
Да не связаны были руки во чембуры шелковые,
Кабы мне сабелька острая!

Послужил бы тебе верою на твоей буйной голове, срубил
бы тебе буйну голову!»

Вскричит тут крымской хан – деревенской шишимора:
«А и вы, татары поганые!

Увезите Пожарского на горы высокие, срубите ему
голову,

Изрубите его бело тело во части во мелкия,
Разбросайте Пожарскаго по далече чисту полю».

Кабы черные вороны закричали, загайкали, –
Ухватили татарове князя Семена Пожарскаго.
Повезли его татарове они на гору высокую,
Сказнили татарове князя-Семена Пожарскаго, –
Отрубили буйну голову,
Изсекли бело тело во части во мелкия,
Разбросали Пожарского по цалече чисту полю;
Они сами уехали к самому хану крымскому.
Они день, другой нейдут, никто не проведает.
А из полку было государевы козаки двое выбрались,
Да в одно место складывали;
Они сняли с себя липовый луб,
Да и тут положили его,
Увязали липовый луб накрепко,
Понесли его, Пожарскаго, к Конотопу ко городу.
В Конотопе городе пригодился там епископ быть.
Собирал он, епископ, попов и дьяконов
И церковных причетников,
И тем козакам, удалым молодцам,
Приказал обмыть тело Пожарскаго.
И склали его тело бело в домовище дубовое,
И покрыли тою крышкою белодубовою;
А и тут люди дивовалися.

29 июня вышел Гуляницкий со своими нежинцами и черниговцами из двенадцатинедельного заключения. В отряде его оставалось тогда только две тысячи пятьсот человек.

2 июля князь Трубецкой стал отступать, переправился че-

рез реку с большими неудобствами; многие утонули во время переправы.

Победители погнались за ним, но Трубецкой окопался и отразил напор неприятеля; сам Выговский был в опасности: осколок ядра ранил его лошадь и задел кафтан. Трубецкой дошел до реки Семи, в десяти верстах от Путивля; но далее не мог обороняться, и ушел к Путивлю. Выговский отказывался преследовать войско московское на московской земле. Напрасно поляки, служившие у Выговского на жалованье, из мести за Гонсевского, только что перед тем, в мирное время, схваченного Хованским в Вильне, упрашивали его; напрасно хан убеждал гетмана: Выговский показывал вид, что поднял оружие только для того, чтобы изгнать из Украины московское войско, причиняющее бедствия народу и разорение краю, а вовсе не намерен вести войны с царем и великорусским народом. «Вероятно, – замечает польский историк, – он боялся, чтоб казаки не отпали от него, если он выйдет из Украины».

Выговский отступил к Гадячу и отослал к Иоанну-Казимиру взятое у москвитян большое знамя, барабаны и пушки; малороссийских пленных по царскому указу воево-. дам велено было оставлять у тех ратных великорусских людей, которые их возьмут в плен. Только тех, которых захватили в Борзне 30 чел. с семьями, выдали на обмен щем стидесяти шести московских ратных людей, по предложу нию сотника Петра Забелы, которого жена была в числе захвачен-

ных борзнян. Выговский в течение трех недель не мог взять Гадяча, который защищал храбрый полковник Павел Охраненко. Хан с ордою удалился в Крым, но несколько татарских загонов рассыпались по московской земле. Разом с ними пустились и охочие казаки. Так как в пограничных московских землях население было малороссийское, то воеводы боялись, чтоб оно не взбунтовалось по призыву своих соотечественников; переселенцы хотя и: нашли себе приют на привольных украинских степях московского государства, но не любили москалей. В этих видах князь Трубецкой отправил к Выговскому гонцов с грамотою, в которой предлагал устроить мировую и с этою целью, прекратив войну, прислать людей для переговоров. Трубецкой объявил, что московское войско приходило под Канатоп совсем не для военных действий, а для разговора и усмирения домового кровопролития. Гетман, отвечал, что он рад помириться и предлагал выслать с обеих сторон уполномоченных по три или четыре человека в Батуриин.

«А что вы пишете, что под Канотоп не войною приводили, – писал Выговский, – но для разговору и усмирения домового междоусобия, то какая ваша правда? Кто видал, чтоб с такими великими силами и с таким великим народом на разговор кто смел приходить? Лучше Богу, который весть сердца людские, вину принести и вызнати, что вы на искоренение наше с великими ратьми пришли. Но как Бог неправдивым не помогает, то лучше больше не иметь таких умыс-

лов!» – Прощаясь с гонцами, которых хотя и приглашал обедать, но держал под стражею, Выговский сказал: «Хан пошел с ордою в московские города и дойдет до Москвы».

Выговский отступил от Гадяча в Чигирин и задумывал выгнать Шереметева из Киева, а между тем продолжал сношаться с Трубецким. Последний, получив его грамоту из-под Гадяча, посылал к нему и предлагал отправить посольство к царю. Выговский, не отказываясь, по-видимому, от примирения, всеми средствами старался вооружить народ против москалей. Его союзник хан посылал к малороссиянам грамоту, увещающую отступить от москалей, обещал свою помощь, покровительство и заступничество перед Выговским, которого назвал своим братом; ханский визирь Шефергази также писал и советовал послушаться крымского повелителя. Такого рода писания, обращенные к Полтавскому полку, перехвачены были и доставлены в Москву Беспалым, вместе с воззванием от войсковой старшины, писанным к Кирику Пушкаренку и всем казакам его полка. Должно быть, однако, такие увещания доходили до Кирика и возымели свое действие. По крайней мере вслед затем Кирик был лишен полковничьего уряда и посажен: казаками под стражу, а вместо него выбран полковником – Федор Жученко. С одной стороны, успехи Выговского подавали надежду на торжество его партии, с другой – своевольтва московских ратных людей возбуждали в народе раздражение против москалей. Но решительный и жестокий Шереметев навел страх на окрестно-

сти Киева. По его приказанию, товарищи его, князь Юрий Борятинский и Чаадаев, сожгли и истребили дотла местечки Гоголев, Воронков, Триполье, Стайки, Макаров, Горно-стай-поле и много других местечек, сел и хуторов; все жители без различия были умерщвляемы; малороссияне увидали, что москаль силен и страшен, и стали склоняться к покорности.

XIV

В Варшаве весною был сейм. Собранные чины Речи Поспалитой рассуждали о своих делах и с нетерпением ожидали козаков. Явились наконец и послы от новосозданного Великого Княжества Русского. Из генеральных старшин прибыли Носач и Груша, полковник Лесницкий, опять начальствовавший Миргородским полком; от полков были присланы по два сотника; сверх того была с ними толпа знатных казаков, – всего человек до двухсот. Юрий Немирич, посол от Киера, и Прокоп Верещака – от Чернигова, были на челе посольства.

В день, назначенный для торжественного их приема в сенатской зале, сидел король посреди сенаторов. Вошли русские послы; впереди шел Немирич, и, остановясь, произнес речь, в которой, после риторического приступа, говорил так:

«Мы являемся в настоящий день перед престалом его королевского величества, перед собранием всей Речи Паспо-

литой послами светлейшего и благороднейшего гетмана всего Войска Запорожского и вместе с тем целого русского народа, признать перед лицом целого мира, перед грядущими веками его величество повелителем свободных народов Речь Поспалитую и корону польскую нашу отчизною и матерью. Держава вашего величества во всем свете славится свободою и подобна царству Божьему, где как, огненным духам, так и человеческому роду даются божеские и человеческие законы, с сохранением их свободной воли без малейшего нарушения, на все времена от сотворения мира. Пусть другие государства и державы сдаются своим теплым климатом, стечением земных богатств, избытком золота, драгоценных перлов и камней, роскошью жизни; пусть красуются перед целым светом, подобно дорогим камням, оправленным в золотые перстни: их народы не знают истинной свободы; забывая, что одарены от Бога свободною волею, они живут как будто в золотой клетке, и должны оставаться рабами чужого произвола и желания. В целом свете нельзя найти такой свободы, как в польской короне. Эта неоценимая, несравненная свобода и ничто другое привлекает нас теперь к соединению с вами: мы рождены свободными, в свободе воспитались и свободно обращаемся к равной свободе. За нее, за честь достоинства вашего величества, за благосостояние всеобщего отечества, готовы положить жизнь нашу. На ней да созиждется наше неразрывное единство, как и на сходстве религии, жизни и прав наших народов; свобода и братское равен-

ство да будет основою нашего соединения для потомков наших! Государства поддерживаются теми же средствами, какими создаются (*nam regna quibus mediis fundantur, iisdem et retinentur*). Быть может, всеильная рука устроила наше соединение для того, чтоб другие народы последовали нашему примеру, преклонились перед вашим величеством, обняли и облобызали этот драгоценный талант и клейнод польской короны. Да возрастает Речь Посполитая великою и могущественною державою, Божиим благословением, счастливым царствованием и попечением вашего величества и благоустройством соединенных земель. С нашим подданством приносим мы вашему величеству, королю и государю, наши просьбы и желания, в которых мы не могли быть удовлетворены посредством комиссаров; только королевское величество и Речь Посполитая могут дать этому делу совет, — окончательно решить возникшие вопросы, успокоить озабоченные умы верных подданных его величества и кроткою королевскою десницею привлечь их всецело к себе в объятия».

«Мы не надеемся, чтоб нашелся кто-нибудь в Речи Посполитой, кто бы стал смотреть на нас с завистью и недоброжелательством: благородный души свободны от этого порока, а низкие обыкли скрывать свои постыдные побуждения!»

Собрание наградило оратора рукоплесканием. Он остановился на минуту, потом продолжал:

«Вот блудный сын возвращается к своему отцу... Да примет его отец поцелуем мира и благословения! Да возложит

золотой перстень на палец его, да облечет его в нарядные одежды, да заколет упитанного тельца и да возвеселится с ним на зависть другим! Обретается потерянная драхма, возвращается овца к пастырю, обретшему ее: да возложит он ее на рамена свои и понесет, и возрадуется великою радостью! Не тысячи, миллионы душ стремятся к подданству его величеству и всей Речи Посполитой! Радуйся, наияснейший король! Твоим счастьем, верностью к труду совершилось это дело! Радуйся, наияснейшая королева, прилагавшая свою заботу об этом деле! Примите эту богатую землю, этот плодородный Египет, текущий млеком и медом, обильный пшеницею и всеми земными плодами, эту отчизну воинственного и древлеславного на море и на суше народа Русского! Радостно восклицаем от полноты души: *vivat feliciter serenissimus rex Johannes Casimirus! vivat respublica Polona!*»

Эта речь показалась очень мудрою. Оратору отвечали:

«Наияснейшему королю и всей Речи Посполитой невыразимо приятно видеть вас, некогда свирепых мятежников, ныне верных подданных отечества. Благо вам, что вы из, менили старую ненависть к Польше и желание погубить нас на искреннее расположение к матери вашей отчизне, и желаете снова вступить с нами в соединение, от которого оторвали вас старшины».

Поданы были пункты, и послы были допущены к руке королевской.

Целый месяц потом происходили прения о гадячком до-

говоре, и всеобщий восторг уступил место ропоту и между сенаторами, и между послами. В статьях, представленных казацкими послами, возобновлялись требования, которые приводили в недоумение и комиссаров в Гадяче, и были оставлены не совсем решенными. Требовалось полное уничтожение унии во всей Речи-Посполитой, на всем пространстве, где только существует русский язык (rokі jezyk narodu: Ruskiego zasiega in genere et in specie): все церкви, монастыри и все заведения, состоявшие под церковным ведомством, как школы, госпитали, и все имения, если когда-либо они принадлежали к православной Церкви и захвачены униатами, или иезуитами, должны быть возвращены, и при этом католической или униатской стороне не предоставлять права, подняв спор о их принадлежности, удерживать их до решения суда в своем владении. Для го следовало назначить комиссию, составленную из депутатов трех соединенных земель – Польши, Литвы и Руси; а великий инстингатор Русского Княжества отберет все требуемое и отдаст православной Церкви; а потом должен быть созван в Брацлаве сейм, и на нем представлено будет донесение об этом деле. Униаты и иезуиты, к оль скор о станут противиться или звать православных к суду за оскорбление святых тайн, как это делалось прежде, и составляло обычный предлог сделать придирку к православным, уже за одно упорство и подачу такого позыва должны подвергаться инфамии (бесчестию) и наказанию. Равным образом за утай-

ку от комиссаров чего бы то ни было, что будет следовать к возвращению православной Церкви, инстигатор Великого Княжества Русского имел право звать виновных к надлежащему суду и требовать наказания – как за нарушение прав личных и по имуществу, присвоенных народу, исповедующему греческую веру – наказания, положенного вообще за сопротивление сеймовым и трибунальским определениям (*ratione bonorum et personarum et omnium injuriarum ludzi religii greckiej nie unickie pro poena contra convulsos decretorum tam comitialium iako tribunalitium sancita*). Казачество энергически объявляло, что оно твердо решилось не уступать никому всего, что считает церковным достоянием на Руси и в Литве; униатам не следовало позволять быть ни архиепископами, ни епископами, ни игуменами, ни архимандритами, ни священниками; иезуитам не дозволять пребывать в Великом Княжестве Русском. Козаки просили расширения Великого Княжества Русского и присоединения к нему воеводств Волынского, Подольского и Русского. Все староства в русской Земле должны быть присоединены к воеводствам и каштелянствам русским; а так как воеводами и каштелянами могли быть только лица греческого исповедания, то тем самым у католиков отнималось право на коронные имения внутри Русского Княжества. Чтоб вознаграждать потери панов католического вероисповедания, имевших имения в Руси, русские просили давать этим панам первые вакантные места в польском королевстве, а их прежние

имения должны быть отданы туземцам. В самом Великом Княжестве Русском хотели полного равенства шляхетского сословия, чтобы князья не присваивали себе преимуществ. Козаки просили полной вольности не только в Великом Княжестве Русском, но и Польше и Литве. Гетман и старшины хлопотали и о себе: гетман просил себе судебной власти над всем рыцарством в Украине, с правом не являться лично ни в какой суд ни по какой жалобе, а старшины домогались сугубой награды, ссылаясь на то, что им обещал царь московский. Разные лица прислали на сейм просьбы, и депутаты должны были ходатайствовать за них.

«Договор этот, – говорили сенаторы, – нарушает коренные уставы государства в духовном и мирском отношении. В духовном – потому, что мы должны против совести признать равенство восточной веры с римскою, сами должны хулить унию – соединение с нашею собственною религиею. В политическом отношении гадячский договор разрывает старинный договор Казимира с Русскою Землею, уничтожает старое устройство, вводит новое: Русь, давняя провинция Речи Посполитой, договаривается с нею как будто чужая страна; мы должны допустить изгнание из Руси старинного дворянства для того, чтоб водворить новое; должны терпеть холопов в самом сенате. Очевидно, что русское княжество, которого, они домогаются, будет совершенно независимое государство, только по имени соединенное с Речью Посполитою. Этого мало: можем ли мы надеяться, чтоб гетман укра-

инский мог быть верным слугою короля и Речи Посполитой, когда он будет облечен почти царской властью и иметь в распоряжении несколько десятков тысяч войска? Конечно, он будет повиноваться до тех пор, пока захочет; а не захочет, – будет сопротивляться».

Против этих доводов возражали таким образом:

«Нам необходим мир. У нас трое неприятелей. Дела их перепутались. Козаки хотят мириться с нами потихоньку от Москвы; Москва рассорилась со шведом. Теперь сам Господь Бог подает нам способы: казаки без принуждения нашего сами к нам возвращаются; они увидели, что их свобода без нашей, как наша без их свободы, несостоятельна. Если же мы соединимся, то не только возвратим отечеству его блеск, но и силу. Будем с ними договариваться искренно. Не надобно соблазняться тем, что они желают самобытности, хотят своего правительства; конечно, нам не желательно разлагаться на народы, но такой союз с козаками не разорвет Речи-Посполитой. Этот союз будет точно такой, какой уже существует с Литвою. Пусть народ над народом не имеет преимущества: через то и сохранится наше государство; напротив, предпочтение ведет к смутам. Часто под видом свободы угнетают других, и оттого возникают междоусобия. Равенство без всякого предпочтения одних другим есть душа свободы. Не нужно нам никаких чужеземных гарантий нашего союза с казаками. Чужеземные государи, хотя бы самые честнейшие, всегда будут про- водить свою пользу и воз-

мущать наше государство; чужеземцы нас не сохраняют. Лучшая гарантия будет – взаимная любовь и доверие, без всякого предпочтения одной из сторон. Мы будем охранять свободу Украины или Руси и ее народа, а козаки – нас. Свобода козакав не мажет быть безопасна без связи с нами. Опыт уже научил их. А. когда мы будем соединены без всяких внешних средств, тогда наша сила будет несокрушима. Мир с казаками не должен нас ссорить с Москвою. Напротив, соединимся с казаками с тем намерением, чтобы после того помириться и с Москвою. Ведь и казаки намерены быть в соединении с Москвою, чтоб потом взаимными силами обратиться к какому-нибудь великому предприятию. Надобно представить московскому правительству, что примирение с казаками ему не во вред; надобно с кротостью доказывать ему, что христианским государствам не следует приобретать оружием то, что можно приобрести путем согласия. Мы не отрекаемся от договора о наследстве; мы знаем, что от этого будет великая польза всему христианству. При том же мы – народы одного племени и мало различны по языку. Будем договариваться прямо, не вымышлять никаких невозможных условий; обеспечим будущим королям из московского Дома неприкосновенность религии; обеспечим свободу как нашу, так и Украины, и право избрания государей, хотя только для предостережения. Москва не станет продолжать войны; она и без оружия все приобретет честно и мирно, с выгодой для своего и нашего народа. Согласие наше с казаками покажет

москалю нашу силу и побудит согласиться на условия. Ведь шведский король делает нам теперь гордые предложения – признать его наследником; но если с кем-нибудь мириться на условиях наследства, так уж лучше с Москвою. Предложение московскому государю остановит войну и позволит нам разделаться со шведами; шведы должны будут помириться, ибо увидят иначе свою гибель. Но если б Москва стала посягать на нашу свободу, то, соединившись с казаками, мы всегда можем взаимными силами охранить ее и воздать за оскорбление».

Других оскорбляло раздавание шляхетского звания казакам. «Умножение новых дворян унизит достоинство старого дворянства», – говорили они. «Получившие благодеяние будут сильнее благодетелей. Какому благородному сердцу не больно будет, когда старинные почести польской нации будут раздаваться презренным холопам? Дворянское достоинство, эта награда доблестям, потеряет свою ценность, как алмаз в куче навоза. Несчастен наш век, когда мы принуждены платить почестями за преступления и награждать злодеяния! Да и кому дается дворянское звание? Тем, которые не умеют ценить его высокого достоинства; тем, которые дворянские грамоты почитают детскими игрушками! Были примеры, что по случаю потери шляхетской чести за преступление казаки в насмешку спрашивали: а дозволено ли есть и пить потерявшим дворянское достоинство?» Вот как они понимают дворянское достоинство! Да и мажем ли мы распо-

лажить к себе этим казаков? Козаки все равны между собою; если мы возведем в дворянское достоинства только некоторых, то раздражим остальных, которые не палучат этого звания, столь для них ненавистного. И, правду сказать, мы более вооружим против себя огромную толпу, чем возбудим благодарность в тех, которых допустим в благородное сословие. Да если давать казакам дворянство, то давать всем, а не каму-нибудь, чтобы всех, а не малую часть, прекланить в Речи Посполитай. Но кто же согласится на такое унижение, чтоб кивот Речи Посполитой, хранимый от веков, как величайшее сокровище, отдать на приманку черни? Нет! если казаки хотят соединиться, пусть идут к нам добровольно, бескорыстно, а не так, как плотоядные животные, которых надобно приманивать пищею!»

Другие были противного мнения. «Достоинство дворянское, – говорили они, – более имеет цены, когда приобретается доблестями, чем когда получается через наследство; когда оно дар признательности за службу атечеству, а не награда за лежание в колыбели. Кто своими предками тщеславится, тот хвалится чужим, а не своим: пусть же он своими делами покажет, что достоин звания, которое носит! Иначе законченные изображения предков, висящие по стенам его дома, его фамильные гербы, все – ничто, если он дает свое имя единственно быкам, которых стадами отправляет из своего имения на продажу. В прошедшие войны много погибло шляхетства; надобно заменить убитых: чем давать шляхет-

ство за деньщ, гораздо справедливее даровать его козакам в награду за возвращение их к отечеству и за присоединение Украины к Речи Посполитой, и через то мы утвердим в них любовь к общему отечеству. Нам следует даровать как можно более свободы козакам, чтоб расположить их к себе. – Нечего бояться образования Княжества Русского: сохраняя свое правильное устройство, подобное Великому Княжеству Литовскому, оно всегда останется частью Речи Посполитой. Что же касается до прежних мятежей, которые козаки поднимали против нас, то надобно все приписать Божью наказанию над нами и все покрыть полною амнистиею».

Тогда некоторые с большим жаром говорили за казаков. «Вот, – говорили они, – сбывается предречение Стефана Батория, который говорил, что из этих удальцов – козакав со временем образуется вольная Речь Посполитая. Козаки никому не кланялись, не выпрашивали шляхетства через поклоны придворным, а добывают его мужественным сердцем и саблею! Что за беда, что они были мужики, а теперь шляхтичи? Ведь и македоняне были грубые холопы, и римляне возникли из пастухов, и турки из разбойников, и наши поляки прежде не были шляхтичи, а приобрели шляхетское достоинство кровью и отвагою». При этом шляхтичи в утешение себе приводили на память песенку, сочиненную в Англии в XIV веке и потом распространившуюся в Польше: «когда Адам копал землю, а Ева пряла, никто никому не служил, никто никого не называл холопом».

Были даже такие, полные сознания, речи:

«Не козаки нарушили союз, а мы. Гордость наша виновата. Мы с ними обращались бесчеловечно. Мы не только унижали их перед собою, но пред человечеством. Мы не только лишали их прав, которые были их достоянием, но отнимали у них естественные права. Вот Господь Бог и показал нам, что и они люди, как и другие, и достойно покарал наше высокомерие. Они более заслуживают нашего уважения, чем те, которые раболепно отдаются королю и чужому государству, не думая расширить свою свободу. Козаки упорно предпочитают лучше погибнуть и исчезнуть, чем торжествовать без свободы. Мы ниже их: они сражались с нами за свободу, а мы за бессильное господство!»

Требование уничтожения унии в том виде, как хотели казаки, не нашло поборников даже между самыми отъявленными защитниками веротерпимости и полной свободы совести. Одобряя прежнее обращение поляков с протестантским учением, когда предоставлялась полная гражданская свобода всем; независимо от верования, либеральные послы говорили:

«Все это относится до еретиков, – не относится до Руси. Греческие обряды, различные от римских, не противны религии, коль скоро догматы веры правильны и неизменны. Но уничтожение унии будет уже насилие нашей собственной совести. Уния есть та же католическая вера, только с своими обрядами: как же нам осуждать религию, которую сами ис-

поведем? Это было бы крайнее неблагоразумие, зло и настоящая ересь, это значит признавать приговор беззакония над собою. Уничтожить унию есть дело несовместное с совестью, и нет никакого способа поставить его так, чтобы наша совесть осталась спокойна. Конечно, никак не следует присоединять греческого обряда к римском); пусть патриарх, как и прежде, правит русской Церковью; лишь бы догматы веры были неизменны; а зависимость приговоров от единого главы не выдумана римскою гордостью, как некоторые говорят: это благоразумие, установленное от самого Бога. Нельзя назвать Вселенскою Церковью ту, которая зависит от произвола светских властей. Следует существовать соборам, а решение и зависимость исходят от одного лица: иначе церковь распадается на различные учения. Впрочем, этот вопрос следует предоставить богословам на их конференции».

Среди разнородных толков и споров на сейме возвысил тогда пред сенаторами свой голос Казимир Беневский, которого тогда сильно порицали за гадячский договор.

«Козаков, – говорил он, – такое множество и так они сильны, что надрбно радоваться, если они, на каких бы то ни было условиях, присоединяются к Речи Посполитой; раздражать их в настоящее время, как делали мы прежде, будет величайшим безумием; вы сами знаете, в каком теперь состоянии Речь Посполитая: с одной стороны нам угрожают шведы, с другой – москали; в нашем положении противиться требованиям казаков значило бы самим отвергать помощь,

когда она нам добровольно предлагается. Надобно сначала ласкать казаков, а со временем, когда они обживутся с нами, чины Речи Посполитой могут изменить все на старый лад. Что ж такое уничтожение унии? Неужели вы думаете, что козаки большие богословы и апостолы? Мы теперь должны согласиться для вида на уничтожение унии, чтоб их приманить этим; а потом... объявится свобода греческого вероисповедания, отдадутся благочестивым церкви и имения, отобранные униатами, – это их успокоит, потом мы создадим закон, что каждый может верить, как ему угодно, – вот и уния останется в целости. Отделение Руси в виде особого княжества будет тоже недолго: казаки, которые теперь думают об этом, – перемрут, а наследники их не так горячо будут дорожить этим, мало-помалу все примет прежний вид».

Прения успокоились от убеждений человека, который сам заключил трактат и сам теперь представляет в будущем надежду нарушить его. Сделали некоторые смягчения по вопросу об уничтожении унии, отвергли присоединение остальных воеводств к Великому Княжеству Русскому, и отправились к Выговскому. Мы не знаем этих изменений, ни вообще относительно вопроса об унии; они касались, вероятно, только подробностей, ибо статья уничтожения осталась в договоре. Король сам писал очень любезное письмо К... гетману. Тот послал свое согласие, 8-го мая отправив к королю гонца. и приказав ему ехать скоро, днем и ночью. Гетман просил как можно скорее утвердить договор и при-

слал обратно козацких послов для спокойствия края.

Обе Избы утверждали договор в полной уверенности, что это делается для приманки русского народа: представители Речи Посполитой утешали себя тем, что будут иметь возможность нарушить его.

XV

По утверждении договора на сейме, назначили день торжественной присяги. Это событие происходило 22-го мая в сенаторской Избе, посреди всех собранных духовных и светских членов сената и всех послов Речи Посполитой приготовлен был великолепный трон. Собрались члены заседания; в одиннадцатом часу утра явился король и сел на трон. Тогда позвали послов Великого Княжества Русского. Они взошли в парадной процессии и стали в ряд. Коронный канцлер во имя короля и Речи Посполитой проговорил красноречивую речь: объявил казакам и русскому народу совершенное прощение и примирение, и извещал, что его величество король соизволил утвердить гадячский договор, заключенный Беневским 16-го сентября 1658 года. По окончании этой речи примас королевства, гнезненский архиепископ, встал с своего места и подал королю написанную присягу. Положа два пальца на Евангелие, Иоанн, – Казимир проговорил ее следующим образом:

«Я, Иоанн-Казимир, милостию Божиею король поль-

ский, великий князь литовский, русский, прусский, мазовецкий, киевский, жмудский, волынский, лифляндский, смоленский, черниговский, шведский, готский и вандальский наследственный король, присягаю Господу Богу всемогущему, в Троице святой существу, единому, перед святым его Евангелием в том, что я принимаю и утверждаю договор, заключенный от имени нашего и от имени всей Речи Посполитой с Войском Запорожским, и обещаю сохранять и исполнять, и оберегать этот договор, ни в чем его не уменьшая, но всячески предохраняя от какого бы то ни было изменения. Никакие привилегии, древние и новые, никакие сеймовые конституции, как прошлые, так и будущие, никакие уловки и толкования никогда во веки не будут вредить этому договору и всем пунктам его, заключающим права и преимущества греческой религии Великого Княжества Русского и народной свободы. Я и наг следники мои обязываемся королевскою присягою хранить этот договор ненарушимо и неприкосновенно на вечные веки и оказывать справедливость жителям Великого Княжества Русского без всякой проволочки и лицепрятия по их правам и обычаям; и если б я, сохрани Боже, нарушил эту мою присягу, то народ русский не должен мне оказывать никакой покорности: таким поступком я увольняю его от должного повиновения и верности, причем обещаюсь не требовать и ни от кого не принимать разрешения этой моей присяги. Да поможет мне Господь Бог и святое его Евангелие. Аминь».

За королем присягали от лица всего римско-католического духовенства архиепископ гнезненский – примас духовенства в Королевстве Польском, и епископ виленский – главное духовное лицо в Великом Княжестве Литовском. Архиепископу гнезненскому читал присягу канцлер. «Клянусь, – гласила присяга, – что ни я, ни преемники мои не станем нарушать ни в чем Гадячской Комиссии и не будем допускать к нарушению оной ни его королевское величество, ни кого бы то ни было в Королевстве Польском и Великом Княжестве Литовском, ни явными, ни тайными средствами, ни протестациями, ни клятвами, ни порицаниями».

Присягнули гетманы коронный и литовский за все Войско. Обещаемся, говорили они, – не нарушать Гадячской Комиссии и не допускать к нарушению ни советом нашим, ни войском, и если бы кто хотел ее нарушить, того мы обязываемся укротить войском нашим».

Присягнули канцлеры и подканцлеры Польши и Великого Княжества Литовского. «Обязываемся, – говорили они, – никаких грамот, указов, привилегий, завещаний против Гадячской Комиссии, заключенной с Войском Запорожским и со всем народом русским, не выпускать и не позволять выпускать из наших канцелярий».

Присягнул Ян Гненский, маршал посольской Избы, от лица всех представителей Речи Посполитой. «Мы и наследники наши, – говорил он, – обязываемся и присягаем хранить Гадячскую Комиссию, заключенную именем короля и всей

Речи Пасполитой с Войском Запорожским и со всем народом русским, ни в чем ее не нарушать и всегда препятствовать нарушать оную; равным образом не требовать ни от кого и не принимать разрешения нашей присяги.

По – окончании присяги всех чинов Речи Посполитой следовала присяга со стороны представителей Великого Княжества Русского. Киевский митрополит принес евангелие, окоеванное золотом, и распятие, и положил на столе. Начальные люди из казацких послов произносили присягу сначала по одиночке, подняв вверх пальцы, и по окончании речи целовали Евангелие, потом, по два человека разом, присягали – атаманы, есаулы и сотники; а наконец, когда эта церемония показалась слишком длиною, все остальные стали на колени и подняли вверх два пальца. Генеральный писарь Груша читал за всех присягу и по окончании все поцеловали Евангелие и крест.

Присяга русских послов была такова:

«Мы, послы русской нации, от имени ее присягаем Богу всемогущему, во святой Троице сущему, в том, что от сих пор мы пребудем верны его величеству государю своему Иоанну Казимиру, королю польскому и шведскому и великому князю литовскому, и его законным наследникам и польской речи посполитой, обещаем во всякое время охранять их своим телом, кровью, жизнью и имуществом против всякого врага, при всяком случае; отрекаемся от всяких союзов, прежде нами заключенных с иными, и от сношения с чужи-

ми государствами, особливо с царем московским; обещаем не принимать и не посылать посланников и ни с кем не переписываться без ведома его величества или наследников его и всей Речи Посполитой: в случае безкоролевья, участвовать в избрании королей купно со всею Речью Посполитой; не начинать бунтов, но укрощать всякое малейшее покушение к оным, коль скоро оно сделается нам известным; во всем сообразоваться с волею его величества и Речи Посполитой, и споспешествовать всему, что к пользе его величества и целой короны польской служить может. Если же, сохрани Бог, кто-нибудь из нас дерзко станет действовать вопреки сему, то мы свидетельствуем перед Богом, что нас никто от этого греха разрешить не может, ни патриарх, ни митрополит, ни другое какое-либо ЛИЦО».

В другом экземпляре, подробнейшем и, вероятно, написанном уже после обряда, конец этой присяги таков: «Если же мы, с гетманом и со всем Войском Запорожским, кроме бунтовщиков, которых обещаемся истреблять, окажемся противным Гадячской Комиссии, то теряем все права и вольности, нам данные»..

По окончании присяги послы были допущены к королевской руке, и все собрание торжественным шествием отправилось в церковь св. Иоанна, где отправлено было благодарственное богослужение. Едва только хор кончил «Te Deum laudamus», как в то же мгновение пошел дождь. «Этот дождь, – говорит современник, – был теплый и плодотвор-

ный дождь, и вслед за ним последовала прекрасная, свежая погода. Поляки принимали это явление за счастливое преобразование; как этот дождь приносит свежесть и плодородие, так восстановленный мир да обогатит благословением и дарует процветание Речи Посполитой!»

После того знатнейшие сановники приглашали послов Великого Княжества Русского на пиршества, принимали их с знаками любви и уважения; козаки показывали большую привязанность к королю и Речи Посполитой. «Мы теперь желаем одного, говорили они, чтоб нас послали против москалей и шведов, чтобы доказать, как охотно готовы мы принести свою жизнь за его величество. В случае, если швед откажется заключить честный мир, мы с большими силами вторгнемся в Ливонию, даже в сердце самой Швеции, – чтоб возратить нашему государю права, данные ему Богом и справедливостью. Они действительно отправили грека Федосия в Швецию с известием, от имени всей русской нации, что русская нация заключила с королем и Речью Посполитой вечный мир, и поэтому не только должны прекратиться все прежние договоры со Швецией, но если шведский король не вознаградит польского короля за все потери, которые нанес ему во время войны, то они вторгнутся в Швецию и в принадлежащая ей земли».

Так совершилось это громкое и – бесплодное дело. Король и чины Речи Посполитой произносили свою страшную присягу в полной уверенности, что изменят ей. Козаки, несмот-

ря на свои уверения, мало в сущности подавали надежды: если они за пять лет перед тем присягали королю, то и последняя присяга их могла подвергнуться участи первой. Прибывшие козаки произведены были в шляхтичи, но, наверно, не все, так о Носаче после говорено было, что он остался неудовольствован в то время, когда давали дворянство слугам Выговского. Тогда же поляки с неудовольствием заметили, как один какой-то весельчак из произведенных в шляхтичи спросил своего товарища:

«А что, брат, не сделалась ли тень моя больше, когда я стал дворянином?»

Обласканные, они возвратились в свое Великое Княжество Русское, и Великое Княжество Русское пало при самом своем основании.

Мы уже видели, как много было врагов у Выговского и его партии, и как удобно могли они найти опору. в народной массе. Гадячский трактат грозил Украине утверждением шляхетского порядка, ненавистного черни. То, чего народ так боялся, теперь совершалось. Еще смысл новозаключенного ((оюза с Польшею не был вполне известен народной массе; но для народа уже было достаточно того, что Украина соединялась с Польшею: это соединение, в какой бы форме оно ни. являлось, было ненавистно при слишком свежих воспоминаниях о прошедшем.

По возвращении из Варшавы Немирич принял начальство над затяжным войском и расставил его в Нежине, Черниго-

ве, Борзне и других местах. Консистенция (квартирование) зятяжного войска всегда была самым тягостным для народа обстоятельством и одною из важнейших причин ненависти к польскому владычеству. Народ, не зная и не понимая сущности договора с Польшею, видел в этом появлении войска в Украине возвращение к старым временам. Обещания воли и всяких благ, даваемые Выговским и его сторонниками, сказывались обманчивыми; сам он и его приверженцы стали изменниками и ляхскими слугами для тех, которые на время были обольщены увещаниями и делами, а между тем, варварские опустошения околицы Киева Шереметевым действовали на народ страхом: малороссияне увидели, что им приходится бороться с сильным и суровым врагом, защищая такое дело, которое не принесет народу ничего, кроме той неволи, от которой он освободился с такими тяжелыми усилиями. Таким смятением воспользовались враги Выговского и честолюбцы, увидавшие в его низвержении возможность подняться самим. Протопоп Филимонов усилил свою работу. В Нежине пристал к нему Василий Золотаренко, шурина Богдана Хмельницкого. Он надеялся сделаться гетманом. В Москве, не зная хорошо, что делается в Украине, опасались было, чтоб казаки и татары не ворвались в середину государства; вышел царский указ Трубецкому двинуться в Севск и расставить войска по линии между Севском и Путивлем. Уже войска готовы были отступать от пределов Малороссии, как 19-го августа явился из Нежина казак с письмом к Тру-

бецкому от Филимонова и Золотаренка: они приглашали в Малороссию великорусское войско. Трубецкой хотя благодарил их, но не доверял им вполне и не решился отправлять в Малороссию войск, прежде чем не удостоверится, что партия, желающая этого, действует искренно и довольно сильна. Он требовал, чтоб для удостоверения ему прислали доверенных. В конце августа явились к Трубецкому мещане и привезли новые уверения в преданности Москве и приглашения от Филимонова и Золотаренка. Кроме них писал о том же протопоп, по имени Симеон. В Переяславле полковнику Тимофею Цыцуре пришла тоже мысль достичь гетманства услугами московскому правительству. С ним в соумышление вошел другой шурин Хмельницкого, Яким Сомко. В августе он написал Трубецкому и через посредство гадячского полковника предлагал свои услуги. Трубецкой пахвалял его за верность и побуждал перебить в Переяславле изменников московского царя, советников Выговского и всех вообще ляхов и немцев, какие находятся в затажном гетманском войске. Тимофей Цыцуря исполнил желания Трубецкого прежде, чем имел возможность получить его поручение. 19-го августа он начал приглашать к себе знатных козаков поодиночке, склонял их принять сторону москалей и пригласить князя Трубецкого с войском; кто отвергал ирредложение, того Цыцуря приказывал связывать и убивать. Так погибли братья Сулимы – Стефан и Северин; последний, по современному известию, был застрелен из трех пищалей;

был убит влиятельный казак Иван Забуйский или Забугокий (быть может, тот, которого некогда польский король назначал гетманом вместо Богдана Хмельницкого), Федор Лобода был скован и оставлен на войсковой суд. Таким или другим образом погибло сто пятьдесят человек драгунов и Козаков, погибли находившиеся там поляки, кроме ротмистра Душинского и шляхтича Саладына, которых Цыцура после ото слал в Киев; рота зятых сербов, служивших у Выговского, была истреблена на переправе через Днепр, а предводитель ее серб Дмитрий Мигай был схвачен живым и отправлен к Шереметеву. Цыцура освободил пленных великорусов, взятых с подполковником Александровым, и кроме того двести десять ратных людей, взятых в Ромне и доставленных в Переяславль. Они были очевидцами происходившей бойни, по крайней мере, как вероятно, отчасти. Раздав московским людям оружие, он оставил их в Переяславле для сбережения от Выговского. Двое гонцов от Цыцуры побежали в разные стороны с известием, один к Трубецкому, другой к Шереметеву. Шереметев тотчас послал в Переяславль майора Василия Лаговчина привести к присяге полковую старшину, козачков и мещан. 24 августа вместе с переяславцами принял присягу в Переяславле прибывший туда черниговский полковник Иоанникий Силич с четырьмя сотниками и двумя есаулами своего полка.

1-го сентября присланы были из Переяславля от Цыцуры козаки в Нежин. В городе стояли зятые жолнеры; пол-

ковника Гуляницкого не было в городе. Золотаренко, вместо него начальствовавший в Нежине, оставил ворота без стражи; казаки вошли ночью и крикнули – бийте ляхиев. Пазполитые пристали к козакам, в течение одного часа перебили всех жолнеров без разбора: пять хоругвей их погибло, – говорит современник; никого не щадило посольство, потому что не хотело давать станции (содержания) жолнерам. По примеру Нежина, и в других соседних городах и местечках начата избивать жолнеров. Их рейм. ентар – Немирич бежал; козаки поймали его за Кобизчею, близ села Сведовца, и изрубил в куски. Протопоп Филимонов отправился к Трубецкому сам. С ним шехали от Нежинского полка три сотника и обозный, а от города Нежина бурмистр, повезли просьбу о царском прощении и изъявили готовность быть под самодержавной рукою государя в вечном подданстве. В один и тот же день явились к Трубецкому с повинною головою послы козаки из Батурина, из Глухова и из Новгорода-Северского. Когда Трубецкой ласкал их и обнадеживал царскою милостью, Золотаренко дал знать. в другую сторону – в Киев: от Шереметева приехали двое жильцов и привели к вере самого Золотаренка, мещан города Нежина и казацких атаманов. Киевский полковник Якименко, стоявший с своим полком в Остре, также передался на сторону московскую, перебил поляков и немцев, которые находились в Остре, а нескольких человек из них прислал Шереметеву. По известиям, сообщенным впоследствии в Москву, тогда было козакав истреб-

лено в разных окрестных городах до трех тысяч человек драгунов, поляков, немцев и козаков, стоявших за дело Выговского. 6 сентября приехали к Трубецкому посланцы из Прилук от тамошнего полковника Лазаря Горличенка и от всего Прилуцкого полка, с – повинною и с готовностью служить верно московскому царю. Трубецкой сейчас отправил привест к вере весь Прилуцкий ноль. 7 сентября черниговский полковник Иоанникий Силич прислал депутацию с повинною от всего Черниговского полка. Трубецкой послал и туда, и в Ромен, и в Лохвицу, и в Миргород московских людей для привода к вере тамошних жителей. Царские воеводы, недавно еще хотевшие уходить от границ Малороссии, теперь увидели, что все неожиданно изменилось и Трубецкой отправил вперед Андрея Васильевича Бутурлина занять Нежин, а вслед за ним и сам двинулся туда же с войском. Золотаренко с Филимоновым побежали вперед и встречали царского воеводу за пять верст от Нежина с толпою козакав и мещан. Трубецкой ехал прямо к соборной церкви и вошел в нее. Здесь Филимонов отслужил молебен о здравии государя. Трубецкой объявил всем нежинцам, что царь будет к ним милостив и оставит ненарушимо их права. Золотаренко от имени всего города и всего полка обещал пребывать неотступно в подданстве государя и под его самодержавною высокою рукою. В знак радости и торжества, приказали было стрелять из в с его наряда, какой тогда находился в городе. Трубецкой, чтоб не отягощать жителей постоем, расположил свое войско обо-

зом за городом. Между тем Юрию Хмельницкому внушали притязания искать гетманства, как своего права, давно уже дарованного ему народом на раде. По воле ли самого Юрия, или, может быть, от его имени, поехал в Запорожье бывший слуга Богдана Хмельницкого Иван Мартынович Бруховецкий. Храбрый Сирко, бывший кальницкий полковник, тогда проживавший в Сече и имевший между запорожцами большой вес и значение, принял сторону молодого Юрия. Вся Сечь провозгласила его гетманом. Сирко с запорожцами шел на город, призывая под свое знамя дорогим именем Хмельницкого. Это имя сразу расположило множество козаков в его пользу. Юрий явился в Войско.

Выговский, услышав о возмущении, убежал из Чигирина, – по собственным словам его, – верхом, в одной сукманке, и назначил раду под Германовкою. Юрий Хмельницкий прибыл туда же. По-видимому, между ним и Выговским еще не было явной вражды и соперничества. Цыцуре было не по вкусу распространившееся между козаками желание избрать гетманом Юрия; Цыцуря чувствовал, что через это ускользала из рук его гетманская булава, которой он добивался. Цыцуря чернил в это время Юрия перед Шереметевым. «Юрий – писал он – того же надхнення лихого лядского, туты ж хилиться», и сообщал, что он писал к Юрию увещательное письмо, но, вместо ответа от него, получил ответ от Выговского, в котором последний писал, что Хмельницкий сын знаменитого отца, хотя и молод, но имеет ум лучше, чем

иной старей, и не захочет проливать христианской крови, а потому и остается с Выговским в лагере. Шереметев мог вполне поверить донесениям Цыцуры, после того, как с своей стороны писал к Юрию увещания, но не получал ответа.

Бытавский и Юрий стояли в лагере под Германовкою несколько дней, ожидая сбора Войска на раду. Еще не успели собраться все полки – рада произошла. 11 сентября. Он приказал Верещачке и Сулиме читать перед собранием Гадячский договор, и собирался объяснить выгоды, какие получит от этого отечество, и рассеять возникшие толки. Но в собрании поднялся шум и крик. Обвиняли гетмана за разоренье местечек и сел на левой стороне Днепра, за жестокие казни над своими врагами; некоторые говорили, что Гетман продает Украину крымскому хану и хочет восстановить Аст-раханское Царство; укоряли его, что он оклеветал московского государя и взвел на него такие умыслы, о которых царь и не думал. Многих пугала возрастающая власть Выговского, который из избранного и зависящего от собрания предводителя, делался воеводою и князем русским. Его возвышение вооружало против него и старшин, прежних соучастников его замыслов: одних – по зависти, других – по причине личного его высокомерия и вражды; таким образом он раздражил Носача, который бещ хуже других вознагражден на семье; раздражил Ковалевского, умышляя тайно на жизнь его в Чигирине. Но более всего вооружились против Гадячского договора козаки, не попавшие в дворянство и завидовавшие

тем, которые получили его. Они были уверены прежде, что Гадячский договор даст им всем шляхетское право, но потом увидели, что только немнагим оно досталось, по произволу гетмана, и для того, чтоб властвовать над остальными. Рада превратилась в неистовую междоусобную драку. Верещака и Сулима были изрублены в куски; сам Выговский избежал смерти оттого, что его закрыло наемное войско – польский отряд в тысячу человек, убежавших вместе с ним из разъяренного собрания. «И бежал он, – говорил украинский летописец, – как бежит обожженный из пожара».

XVII

Некоторые приятели советовали Выговскому бежать в степь к хану. Посланник турецкий перед тем только приезжал к нему, с готовностью, от имени Порты, защищать его и толковал, что Турция давно уже имеет право на Украину, потому что одиннадцать лет охраняет ее своим оружием от разных неприятелей. Выговский отверг это предложение, несмотря на то, что жена его находилась в Чигирине, и вместе с Андреем Потоцким отправился в Белую Церковь.

Толпа козаков последовала за ним и недалеко от Белой Церкви, во Взиньи, собралась снова рада. На этой раде Выговский был отрешен от гетманства и гетманом провозглашен Юрий Хмельницкий. К Выговскому явились посланцы и требовали, чтоб он приехал на раду и торжественно сложил

булаву. Выговский не поехал. Тогда снова явились к нему каневский полковник Лизогуб и миргородский Лесницкий и требовали, чтобы Выговский, если сам не хочет ехать, то прислал бунчук и булаву. При этом они обратились к начальнику вспомогательных польских войск, Андрею Потоцкому, просили его склонить гетмана и уверяли, что Войско Запорожское желает оставаться в верности и подданстве короля. Выговский еще сопротивлялся, но рассудил, что против воли целого козачества нельзя удерживаться, и сказал: «Я отдаю бунчук, но с тем условием, что Войско Запорожское останется в непоколебимой верности королю».

Полковники обещали.

Выговский вручил булаву и бунчук брату своему, Данилу, и вместе с послами отправил его на раду.

Андрей Потоцкий послал с ними польского полковника Корчевского, с тремя пунктами: во-первых, чтоб казаки дали присягу в верности королю, чтоб ввели дворянство в имения и выпустили жену Выговского и других людей, находящихся в Чигирине, для чего дали бы заложников в в ерности.

На дороге эти послы встретили казацкое войско. Козаки грозили силою схватить Выговского, показывали длинное обвинение, написанное на раде, и требовали, чтоб поляки его оставили. «Каждый из нас, – отвечал Корчевский, – лучше рад – и не раз, а несколько раз – готов умереть, нежели постыдно оставить усердного слугу короля».

Но казаки успокоились, когда узнали, что Выговский доб-

ровольно отказывается от гетманства. Бунчук и булава положены были на раде.

Козаки радостными окликами провозгласили Юрия Хмельницкого гетманом.

Взявши булаву, Юрий спросил: «кото желаете признать государем, – польского короля или московского царя?»

Старшины и простые казаки закричали, что они желают короля. Но на этой раде было немногочисленное собрание: через несколько дней оказалось, что большинство было все же не на стороне короля.

«Благодарю вас за верность», – сказал Корчевский, и подал им другие два пункта.

На выпуск жены Выговского козаки согласились. Что же касается до требования ввести шляхту в имения, то они, – говорит Андрей Потоцкий в своем донесении, отложили рассуждение об этом на дальнейшее время, а исполнение будет разве в день судный.

По окончании рады обозный Носач, полковники Гуляницкий и Дорошенко прибыли в Белую Церковь и дали Выговскому подписку гетмана и всех старшин в том, что они доставят ему жену и поляков из Чигирина.

Так окончилось гетманство Выговского; с ним кончилось и Великое Княжество Русское. И украинцы, и поляки были не в состоянии: первые – понять этот плод создания голов, стоявших не в уровне с народом, вторые – с честью и прямою сохранить данное слово.

Эти междоусобные смуты расстроили Украину нравственно и физически. «Сила козаков ослабела в бурях междоусобных», – писал Выговский к королю: «громаднейшие полки, – Полтавский, где было сорок тысяч населения, Миргородский, где было тридцать тысяч, Прилуцкий и Ирклеевский погибли вконец; города и села зарастают крапивою». «Здесь страшное вавилонское столпотворение, – говорит поляк-современник, описывая междоусобия при Выговском: – местечко воюет против местечка, сын грабит отца, отец – сына. Цель их, чтоб не быть ни под властью короля, ни под властью царя; и они думают этого достигнуть, ссоря соседей и страшая короля – царем, а царя – королем. Благоразумнейшие молят Бога, чтоб кто-нибудь – король ли, царь ли – скорее забрал их в крепкие руки и не допускал безумной черни своевольничать».